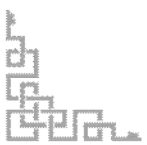

МУДРОСТЬ ПРОЩЕНИЯ

ДОВЕРИТЕЛЬНЫЕ БЕСЕДЫ И ПУТЕШЕСТВИЯ

Автор: Его Святейшество Далай-Лама XIV, Виктор Чен
Перевод: И. Вайсбурд

Самый пристальный взгляд на жизнь и внутренний мир Далай-Ламы	3
Вступление. Телепатия в Пражском замке.....	4
Глава 1. Эспаньолка для Фу Мен-чу	9
Глава 2. Два монаха на парапете.....	13
Глава 3. Человек из Дери.....	18
Глава 4. Огонь в центре тела	24
Глава 5. Самый великий альтруист	30
Глава 6. Без резиновых уток.....	33
Глава 7. Алмазы в перекрестьях сети.....	38
Глава 8. Винтовка в спальне	42
Глава 9. Пустота на Орлиной горе.....	48
Глава 10. Корейский ученый в Бодхгае	51
Глава 11. Море золотых черепах.....	55
Глава 12. Как формованная глина.....	58
Глава 13. Создание космического йога.....	61
Глава 14. Трепетание белых воздушных змеев	65
Глава 15. Две неподписанные фотографии	70
Глава 16. Все эгоистичные Будды	72
Глава 17. Замороженная черника.....	76
Глава 18. Медитация под Би-би-си.....	79
Глава 19. Изощенный разум, спокойный разум.....	84

Книга «Мудрость прощения» расскажет, в каких обстоятельствах Далай-Лама считает для себя возможным применить силу; как глубокие духовные переживания и достижения воздействуют на тело и разум; как он научился любить тех, кого прочие сочли бы врагами; чего он боится; что показывают медицинские исследования сердца святого человека; как высокодуховный человек страдает от боли.

Если вы когда-нибудь задавались вопросом, почему так глубоко чтят Далай-Ламу, в этой книге вы найдете ответ, дающий возможность ощутить рядом с собой присутствие этого великого человека.

Самый пристальный взгляд на жизнь и внутренний мир Далай-Ламы

Впервые Виктор Чен встретился с Далай-Ламой в 1972 году после серии довольно горьких событий, которые заставили молодого путешественника покинуть свой родной Гонконг и пройти через всю Азию, чтобы оказаться в резиденции его Святейшества в Дхармсале. Он побаивался, что Его Святейшество может враждебно отнестись к нему как представителю народа, виновного в крушении Тибетского государства. Однако, к его удивлению, между ними очень быстро установились теплые и дружеские отношения, позволившие Чену задать Далай-Ламе очень личные вопросы, какие никто и никогда ему не задавал.

На протяжении последующих тридцати лет Виктору суждено было путешествовать с тибетским лидером по миру от Индии до Ирландии, присутствовать на закрытых собраниях-медитациях и встречах с мировыми лидерами. Перед Ченом беспрецедентно были открыты все двери. Он сидел рядом с Его Святейшеством на утренних молитвах, стоял рядом, когда Далай-Лама обращался к людям из своего окружения, утешал больных детей и встречался с выдающимися мужчинами и женщинами. У Виктора Чена было бесчисленное количество возможностей исследовать границы сострадания Далай-Ламы, а также увидеть, отличался ли Далай-Лама в частной жизни от великого политического и религиозного лидера. Является ли он на самом деле таким духовным учителем, каким кажется? А может, он на самом деле совсем не любит своих врагов? Виктор Чен, используя свои наблюдения, написал портрет этого выдающегося лидера, которого мы раньше таким не знали.

«Мудрость прощения» — это сердечный разговор между Далай-Ламой и его близким другом. Благодаря этой книге мы узнаем, как просветленный человек страдает и насколько глубока его внутренняя пронизательность и способность к созерцанию. Кроме того, мы узнаем о том, что Далай-Лама делает каждый день для своего духовного развития, что чувствует по отношению к насилию и к обстоятельствам, в которых он был свидетелем насилия. А также о том, как он научился любить врагов и почему доктора считают, что сердце этого святого человека, которому далеко за шестьдесят, напоминает сердце двадцатилетнего юноши.

Мы слышали, как выступает Его Святейшество перед аудиторией, а сейчас у нас появилась возможность принять участие в его личных исследованиях, сопровождать его в путешествии к мудрости, а также принимать наставления о тибетском искусстве жизни. А после того, как вы услышите внутренний голос этого великого человека, вы осознаете, что Далай-Лама является именно таким, каким мы его себе представляем, что он абсолютно реальный.

Вступление

Телепатия в Пражском замке

Я сразу заметил ее в толпе. Она протиснулась вперед к бархатному канату, перекрывающему вход в «малый» банкетный зал Пражского замка. Привлекательная женщина где-то за тридцать, короткие светлые волосы, вокруг шеи — фиолетовый шарф. Лицо горит нетерпением.

Шел октябрь 2000 года. Президент Гавел пригласил Далай-Ламу и других известных мыслителей в Прагу на симпозиум, посвященный вопросам образования и сохранения духовных ценностей. Чтобы разом удовлетворить многочисленные просьбы об интервью, глава Тибета созвал пресс-конференцию. Он только что ответил на вопросы тайваньского журналиста. Журналистов было много, и все они хотели знать, что Далай-Лама думает о Китае и Тайване.

Блондинка включила портативный микрофон. И потянулась вперед — две увесистые камеры, отягощавшие шею, качнулись.

— Мы живем в эпоху Интернета, но вам известно огромное множество медитационных техник. Уверена, вы легко справляетесь с телепатией...

— «Теле» — чем? — Далай-Лама не понял слова и выглядел несколько озадаченным.

— С те-ле-па-ти-ей, — повторила она.

— Ах, с телепатией! — наконец догадался он.

— Да... Вы можете телепатировать свои мысли? — Журналистка пристально и серьезно смотрела на Далай-Ламу. По акценту я решил, что она или чешка, или немка.

— Я? — рокочущий баритон Далай-Ламы эхом прокатился по просторной, богато убранной комнате. Наблюдавшие эту сцену журналисты и операторы захохотали. — Нет. Полный ноль. — Далай-Лама был весьма категоричен. — У меня нет такой силы. Хотел бы я ее иметь. Тогда прежде, чем вы задали вопрос... Если я заранее знаю вопрос, он никоим образом не может взволновать меня.

И Далай-Лама не сдержался — запрокинул голову и рассмеялся. Он смеялся долго и от души. Его выразительное лицо просто искрилось весельем. Чешская журналистка вытирала слезы, выступившие от смеха. Пресс-конференция, по крайней мере с этого момента, начала доставлять удовольствие всем.

Блондинка на мгновение смешалась. Ответ Далай-Ламы явно разочаровал ее. Но она решительно не позволяла поднышающему вокруг шуму сбить себя с толку. А потому гнула свое:

— Мой вопрос: будете ли вы время от времени пользоваться электронной почтой или продолжите использовать телепатию?

Очевидно, у нее не было ни малейших сомнений в том, что телепатия — часть арсенала тайных практик Далай-Ламы.

Далай-Лама обратился за помощью к Тэндзину Гейче Тетхонгу — своему личному секретарю. Они обменялись несколькими короткими фразами по-тибетски. От волнения лицо журналистки покраснело.

— Хотя Его Святейшество лично не использует электронную почту, все тибетские офисы давно подключены к Интернету, — заявил Тэндзин Гейче официальным тоном.

Далай-Лама сказал еще что-то. Тэндзин Гейче перевел:

— Раз уж мы заговорили о компьютерах, Его Святейшество находит слишком сложным для себя разбираться, какие кнопки нужно нажимать.

И, несмотря на то что обычно личный секретарь во время публичных встреч скрывает эмоции под строгой сдержанностью, в данном случае он позволил себе улыбнуться.

Далай-Лама добавил:

— Мои пальцы... — Он поднес руку к лицу и некоторое время с видимым интересом рассматривал деформированные в суставах пальцы. — Вполне хороши. Думаю, они вполне годятся, чтобы крутить отвертку. — И он сделал правой рукой соответствующее движение. Защелкали камеры. — Кое-что они умеют, — продолжал Далай-Лама, шевеля пальцами и по-прежнему не отрывая от них взгляда. — По крайней мере на это я способен. Но компьютер... — Он несколько раз неуклюже ткнул указательным пальцем в столешницу. — Безнадёжно.

После пресс-конференции журналисты окружили Далай-Ламу, чтобы пожать ему руку. Блондинка была среди них. Он подошел к ней, приблизил лицо на расстояние нескольких дюймов и решительно ткнул пальцем ей в лоб. Женщина взвизгнула. Испуганно взмахнула рукой и ухватилась за его руку. И вдруг они оба захохотали, громко и безудержно.

Далай-Лама всегда, с самого детства, был не прочь поозорничать. И даже теперь, на седьмом десятке лет, в этом смысле он ничуть не изменился. Путешествуя с ним, я не раз наблюдал, как весело и непринужденно он ведет себя в любой ситуации.

Сегодня в глазах мира Далай-Лама — всенародный кумир. Тот факт, что он светский и духовный глава тибетцев и самый узнаваемый символ буддизма, имеет для публики меньшую важность. Отношение к нему на Западе — нечто среднее между восхищением суперзвездой-аскетом и умилением симпатичной пандой. В 2003 году он прибыл в Нью-Йорк, чтобы в течение четырех дней давать учение в переполненном «Театре Звезды» (Beacon Theatre). Навес над входом украшала светящаяся надпись: «Сегодня: Далай-Лама. Скоро: «Твистед Систер» и «Хот Тьюн»*.

На следующий день после окончания лекций Далай-Лама выступал в Центральном парке. Погода была ясная, и Ист-Медоу заполнили и его восторженные почитатели, занятые духовными поисками, и просто любопытные. Для выступления Далай-Ламы соорудили огромный помост, а по обеим сторонам его установили гигантские видеотроны. Тем, кому не хватило места на покрытых травой лужайках, пришлось смотреть из-за деревьев сквозь плотную листву. Позднее писали, что на это «событие сезона» съехалось около 100 000 человек. Что-то вроде мини-Вудстока**, организованного актером Ричардом Гиром. Лишь Билли Грехему*** и Папе Римскому удавалось собрать в Центральном парке не меньшее количество людей.

В тот день Далай-Лама был в хорошей форме. Стоя всего лишь в нескольких футах позади него, я ощущал, как будоражит его эта огромная толпа. Сам он, как обычно, вел себя смиренно, его юмор был мягким, а смех — сердечным. Не заглядывая в записи, он сказал:

— Часть из вас пришла сюда, питая вполне определенные надежды. Вы думали, что Далай-Лама, лауреат Нобелевской премии мира, сообщит вам некую захватывающую информацию или скажет что-то особенное. Но нет! Мне нечего предложить вам, разве что всякий вздор, вздор и еще раз вздор.

Потом он обратился к своей любимой теме:

* Американские музыкальные группы, играющие рок и рок-н-ролл соответственно. — Здесь и далее прим. перев.

** В 1969 году рок-фестиваль с таким названием прошел в Кетскилл-Маунтенс.

*** Уильям Франклин Грехем (или Билли Грехем) (р. 1908) — американский религиозный деятель, устраивавший евангельские турне по всему миру.

— Мы должны приложить все усилия, чтобы взаимная привязанность между людьми стала крепче. Если мы выступаем против насилия и войны, то должны показать, что есть и другой путь — путь ненасилия. Представьте себе человечество в целом. Сегодняшняя действительность такова: весь мир подобен единому телу. Последствия случившегося в каком-нибудь отдаленном месте докатываются до тех мест, где живете вы. Видя в своем соседе врага и уничтожая его, по существу, вы уничтожаете самих себя. Наше будущее зависит от нашего глобального благополучия.

В этот момент все внимание толпы сосредоточилось на Далай-Ламе. А тибетский фотограф, явно благоговеющий перед ним, шепнул мне:

— Ему не нужен телепромтер****. Он живой пример мудрости — мудрости, полностью соответствующей потребностям сегодняшнего мира.

Мне было интересно, задумывался ли когда-нибудь Далай-Лама над тем, почему люди так тянутся к нему. И однажды я спросил его об этом.

— Позвольте задать вам глупый вопрос. — Глава Тибета сидел, как обычно скрестив ноги, в кресле, стоящем в углу зала для приемов резиденции в Дхармсале. — Почему вы так популярны? Что неодолимо притягивает к вам столько людей?

Обдумывая ответ, Далай-Лама застыл в неподвижности. Он не отшутился, хотя я прекрасно понимал, что он вполне мог бы.

Наконец он заговорил:

— Не думаю, что я — воплощение сплошных достоинств. Ну, что-то хорошее во мне есть. У меня позитивное мышление. Иногда, конечно, я слегка раздражаюсь. Но в душе я никого не обвиняю, никогда ни о ком плохо не думаю. Наоборот, я пытаюсь лучше понять других. Уверен, другие важнее меня. Может быть, меня любят за доброе сердце. Но, думаю, поначалу люди просто испытывают любопытство. Хотя, возможно... Обычно, когда я встречаю кого-то впервые, этот кто-то для меня — не незнакомец. Я всегда чувствую: это просто другое человеческое существо. Ничего особенного. Такой же, как я.

Он потер пальцами щеки и продолжал:

— Под этой кожей то же естество, те же самые желания и эмоции. Я всегда стараюсь внушить другим ощущение счастья. И в итоге многие говорят обо мне что-нибудь хорошее. Хотя гораздо больше людей приходят просто потому, что их привлекает моя известность, — это вполне возможно.

Английский язык Далай-Ламы своеобразен. Вначале, когда наша совместная работа над книгой только начиналась, мне было сложно понимать его; иногда он говорил настолько загадочно, что я терялся. Но в конце концов я привык к его манере изложения и теперь был совершенно очарован его обаянием и непосредственностью.

— Иногда люди, — сказал я, — даже не слышат ваших слов, всего лишь глядя на вас, испытывают душевное волнение. Почему?

— Я как-то обратил внимание на некоего певца или, может быть, актера, — ответил Далай-Лама. — Когда он появлялся, люди чуть ли не рыдали, прыгали и кричали. Очень похоже.

И он подпрыгнул в кресле и несколько раз хлопнул в ладоши.

— Вы — как рок-звезда? — переспросил я.

— Да, — легко и спокойно согласился Далай-Лама. — Но могут быть и другие причины. Мы верим в перевоплощения. Так что, возможно, тут дело в некой кармической связи, в чем-то более таинственном. — Он нахмурился, и взгляд его устремился вдаль. Мне показалось, он сам пытается разобраться в этом более тонком обосновании своей харизмы.

Он снял мантию и заново завернулся в нее.

**** Специальное телевизионное устройство-суфлер.

— Так вот, об этом таинственном уровне. Например, у некоторых людей появляются странные мечты, и, воплощаясь, мечты открывают перед ними новое будущее, новую жизнь, новые связи с другими людьми. — Он указал на меня. — Вот ваш случай. Каким-то образом нечто нежданно-негаданно привело вас сюда. То похищение в Афганистане. Не случись его, вы никогда бы здесь не оказались. И вы бы не познакомились со мною и вообще с тибетцами. Так что, я уверен, на все есть свои причины и обстоятельства. С точки зрения буддиста, могут существовать кармические связи, тянущиеся из прошлых жизней. Возможно, именно благодаря им множество людей сегодня ощущают тесную связь со мной.

Кстати, о «том похищении в Афганистане». В 1971 году, окончив колледж, я купил в Утрехте «фольксваген-кампер» и решил проехаться из Голландии в Индию. Я пересек Турцию и Иран и сделал полугодичную остановку в Афганистане — в этом прибежище добровольных маргиналов и потенциальных авантюристов.

И как раз тогда, когда эта «остановка» подходила к концу, меня вместе с двумя молодыми женщинами — Шерил из Нью-Йорка и Ритой из Мюнхена — похитили в Кабуле трое афганцев. Угрожая единственной винтовкой на троих, они заставили нас сесть в насквозь проржавевший автомобиль и привезли в какую-то деревушку в Гиндукуше. Через несколько дней мы сумели бежать — их автомобиль пошел юзом на серпантине и рухнул с горы.

Вскоре мы с Шерил решили отправиться в Индию. У этой жительницы Нью-Йорка было рекомендательное письмо к Далай-Ламе, живущему в изгнании в Дхармсале. Мы напрямиком направились в живописное тибетское поселение. И всего через несколько дней удостоились аудиенции. Прохладным и пасмурным мартовским днем 1972 года я впервые встретился с духовным и светским главой тибетцев.

Судьба, карма — как ни назови. Да, Далай-Лама был прав. Не окажись я жертвой похищения, я, конечно, не встретился бы с ним. И не было бы ни соавторства, ни вопросов о его харизме.

Далай-Лама некоторое время молчал, размышляя.

— И потом, многим нравится мой смех, — сказал он наконец. — Но что такого необычного в этом смехе, что в этой улыбке, — я не знаю.

— О вашем смехе говорят многие, — подтвердил я, — и о вашем озорстве. Вам под семьдесят, а вы все еще любите шутить и не относитесь к себе серьезно.

— Во-первых, тибетцы, в основном, гораздо веселее меня, — сказал Далай-Лама. — Несмотря на трудности, они всегда готовы посмеяться, повеселиться. Возьмите мою семью. Все мои братья, не считая Гьяло Тхондупа*, такие, — сказал Далай-Лама. — Наш старший брат, Норбу, всегда устраивает розыгрыши, всегда шутит. А тот, что ближе всех мне по возрасту, покойный Лобсанг Самтэн, отпускал весьма сальные шуточки, но ужасно уморительные. Да и я такой же. И самый младший, Тэндзин Чоэгьял; и младшая сестра, Джетсун Пема, да и покойная старшая сестра, все не слишком серьезные. И наша мама. И отец — вспльчивый, но весельчак.

Что же касается меня, мой внутренний настрой сравнительно мирный. Мой разум почти не теряет равновесия в трудных ситуациях, даже от трагических новостей. На короткое время меня охватывает печаль, но надолго — никогда. На несколько минут или на несколько часов, затем это проходит. Так что обычно я реагирую как океан. На поверхности накатят и схлынут волны, но в глубине все остается спокойным.

---

* Второй из старших братьев Далай-Ламы.

Однако люди, которым случается пообщаться с Далай-Ламой, чувствуют, что он «не на шутку серьезен», как сказал мне архиепископ Десмонд Туту. Даже не до конца понимая почему, они поддаются его влиянию, притягиваются его безмерной человечностью. Возможно, источником энергии, которая буквально затопляет вас в присутствии Далай-Ламы, является его духовность? Может быть, его легендарная сердечность — просто отражение его духовных достижений?

Тут нет однозначного ответа. Я знаю Далай-Ламу уже три десятилетия. Он называет меня «старым другом». Последние несколько лет у меня появилась уникальная возможность прямого доступа к нему — на время работы над этой книгой. Я видел Далай-Ламу вблизи, путешествовал с ним и проводил время в его доме. Трудно подобрать слова, чтобы хоть несколькими штрихами обрисовать его поразительную притягательность, не говоря уж о том, чтобы объяснить ее. Для этого нам пришлось бы осмыслить или хотя бы окинуть взглядом полувековую буддистскую практику Далай-Ламы и его особые отношения с миром.

В основе его отношения к жизни — несколько основополагающих, но почти необъяснимых озарений. Не раз он говорил мне о взаимозависимости и пустоте — важнейших для него идеях. Я внимательно слушал и записывал. Должен признать, мне пришлось попотеть, чтобы уразуметь эти концепции. Но, став его тенью, проведя рядом с ним многие часы, я, кажется, сумел понять, какие качества определяют его личность. В глобальном смысле представления Далай-Ламы сформированы принципами сострадания и отказа от насилия. А действия его обусловлены неослабным стремлением к прощению как способу разрешения конфликтов.

Одно я знаю наверняка: рядом с Далай-Ламой мне хорошо. Знаю, что и другим людям хорошо в его присутствии. Наверное, мы чувствуем, что именно он плетет нить разговора. Тянемся к его необыкновенной внутренней чистоте. И она, как зеркало, отражающее свет, позволяет нам разглядеть свою собственную.

Десмонд Туту, его давний друг, должен был сказать все это о Далай-Ламе, когда они вместе стояли на сцене перед четырнадцатитысячным собранием в Ванкувере, Канада.

Несколько лет назад, когда я был в Сан-Франциско, ко мне подбежала женщина и очень тепло меня приветствовала. Она обратилась ко мне с такими словами: «Архиепископ Мандела, приветствую вас!» Это была типичная ситуация, когда одного человека принимают за другого.

Я полностью уверен в том, что вряд ли кто-то допустил бы такую ошибку в случае с его Святейшеством Далай-Ламой.

Не замечательно ли, что в культуре, в которой поклоняются успеху, не слишком почитают чрезвычайно

успешных и резких мачо. Мы можем завидовать их банковским счетам, но не восхищаемся ими. Кто те люди, которыми мы восхищаемся? Да, мы многое можем сказать о таких людях, как Мать Тереза. Все мы преклоняемся перед ней за ее щедрость по отношению к обездоленным. Мы восхищаемся ее добротой. Мы восхищаемся Нельсоном Манделой, за то, что он является воплощением благородства, великодушия и прощения, а также за его умение улаживать конфликты.

Так же мы преклоняемся перед Далай-Ламой. Он, наверное, является одним из очень немногих, чье присутствие может заполнить Центральный парк в Нью-Йорке обожающими его поклонниками. Но почему? За что? Потому что он добрый и еще раз добрый. Я встречал очень мало таких святых, как Его Святейшество. Я встречал очень и очень немногих, которым присуще его спокойствие, его глубокая умиротворенность.

А еще — его умение веселиться. Его легко рассмешить, он похож на школьника с присущим ему озорством. Удивительны его веселье, шутки, энергичность и бурлящая радость.

И это странно. Это странно для человека, который был изгнанником на протяжении сорока пяти лет. По праву, казалось бы, его должны переполнять негодование, гнев и горечь. И последнее, что он мог сделать, — это дарить сострадание и любовь тем, кто так ужасно обращался с ним и его людьми. Но он делает это.

А все ли мы гордимся нашей принадлежностью к роду человеческому? Далай-Лама заставляет нас чувствовать себя хорошо в этом качестве, чувствовать себя живыми в присутствии таких людей, как он.

Глава 1

Эспаньолка для Фу Мен-чу

Будильник зазвонил ровно в четыре. Я с облегчением нажал на кнопку. Эти походные часы я купил накануне на базаре и волновался, будут ли они нормально работать. У меня уже имелся печальный опыт относительно индийских часов.

Я быстро оделся, захватил фотопринадлежности и вышел из гостиницы. Над маленькой станцией Дхармсалы высился темный силуэт Дхауладарского хребта Внешних Гималаев. Было очень тихо; до того, как городок придет в движение, оставалось еще часа два. Вокруг не было ни души. Я быстро миновал маленькую и совершенно пустую в этот час автобусную станцию, потом побежал по извилистой дорожке, ведущей к резиденции Далай-Ламы.

Тэндзин Таклха, помощник личного секретаря, ждал меня перед воротами. Этот красивый человек лет тридцати, в столь ранний час облаченный в серые брюки и рубашку с короткими рукавами, казался вполне отдохнувшим и умиротворенным. А я волновался, и, несмотря на прохладу, взмокшая рубашка неприятно липла к спине.

— Простите, что вам пришлось подняться так рано, — извинился я.

— Что вы! Мне так редко случается присутствовать при утренних медитациях Его Святейшества. Так что и для меня это редкая привилегия, — ответил с легкой усмешкой Тэндзин.

Первые интервью для нашей книги я взял у Далай-Ламы год назад, в 1999. Но впервые получил разрешение побывать у него в предрассветные часы.

Даже в столь ранний час полдюжины индийских солдат и несколько человек из тибетской охраны толпились у входа. Тэндзин провел меня через большие металлические ворота. Я удивился. Хотя я уже примелькался — в прошлом году я не менее пяти раз брал интервью у Далай-Ламы, — мне всегда приходилось проходить через металлоискатели, а потом подвергаться тщательному обыску тибетского телохранителя. Этот порядок распространялся на всех посетителей без исключений.

Но, похоже, тем утром я перешел какую-то невидимую грань. По крайней мере, теперь я вошел в число нескольких не-тибетцев, пользовавшихся доверием приближенных Далай-Ламы. Мне позволили войти в его личные апартаменты без проверки на наличие спрятанного оружия.

Мне вспомнилось, как я проходил через эти ворота в марте 1972. Тогда вход охранял всего один индийский охранник. События того весеннего дня, когда я впервые встретился с Далай-Ламой, навсегда останутся для меня дорогим воспоминанием. Мне было двадцать семь лет.

По такому случаю я тщательно оделся: втиснулся в обтягивающие черные бархатные брюки. Сзади, правда, они выглядели несколько сомнительно: материал так износился, что просвечивал насквозь. Затем настал черед черной хлопчатобумажной рубашки, купленной в Кабуле, мягкой и легкой, с манжетами, украшенными узкими полосами ручной вышивки. Гвоздем программы, однако, был черный плащ с капюшоном, который я купил в Марракеше. Он очень мне нравился, и, хотя в нем было по-настоящему жарко, я всегда запахивал его в стиле Зорро.

Мне казалось, что это полностью черное одеяние прекрасно сочетается с моей бородкой-эспаньолкой а-ля Фу Мен-чу*. Я терпеливо растил ее последние пару лет, пока путешествовал по Европе и Азии. Но она доставляла мне все больше огорчений. Эта реденькая растительность никак не хотела оправдывать мои ожидания и сделаться пышнее. А еще она норовила загнуться к кадыку. Несмотря на ежедневный уход — частое расчесывание с целью заставить ее вести себя прилично, — ее собственные намерения оставались для меня полнейшей загадкой.

Волосы мои — блестящие и длинные — доходили почти до поясницы. Я тщательно расчесал их и стянул в конский хвост. Облаченный в свою лучшую одежду, в ниспадающем плаще, прикрывающем потертости задней части брюк, я был готов к аудиенции с «богом-царем Тибета».

Я знал о Далай-Ламе и его стране совсем немного. Первые двадцать лет жизни я провел в Гонконге. Тибет не занимал решительно никакого места в школьной программе британской колонии. Внимание моих китайских одноклассников целиком и полностью было сосредоточено на Западе, на его крупных медицинских и бизнес-колледжах, на потрясающих технологических успехах. Неприветливый участок земли, известный как Крыша Мира, нисколько не будоражил их воображение.

Я ничем от них не отличался, кроме одного: в старших классах я буквально глотал книги Джина Йонга, лучшего писателя из тех, что попадались мне в молодые годы. Мои представления о Тибете сформировались под влиянием бурного воображения этого автора. Именно из его романов про кун-фу я впервые узнал о загадочных тибетских ламах-отшельниках, которые развили в себе сверхъестественные способности, долгие годы медитируя в пещерах на вершинах гор. Именно этот романтический образ тибетского монаха — воплощение духовности и физического совершенства — запечатлелся в моем сознании.

Возможность встретиться с Далай-Ламой появилась у меня благодаря Шерил Кросби, буддистке из Нью-Йорка. Ее подруга, миссис Дори Ютхок, — старейшая представительница аристократического лхасского рода — дала Шерил рекомендательное письмо к главе Тибета. Шерил была всего на несколько лет старше меня, но, если говорить о духовной зрелости, она опережала меня на многие годы. Уверенная в себе, она легко заводила друзей. Даже когда нас похитили в Кабуле, ей хватило силы духа поддерживать некое подобие общения с нашими похитителями. После побега мы вместе добирались до Дхар-мсалы.

Именно здесь я впервые встретил тибетцев. Увидел мужчин и женщин, расхаживающих по узким улочкам и крутящих молитвенные колеса; многие были в традиционных одеяниях, в ярких высоких фетровых сапогах. Я упивался добродушием их беспечных лиц, в выражении которых сквозила неподдельная теплота. Тибетцы улыбались легко и по любому поводу. За каждой нечаянной встречей таилась потаенная игра, радостное веселье. Без сомнения, Дхармсала, известная также как Малая Лхаса, оказалась самым веселым местом из всех, где я когда-либо бывал.

---

* Фу Мен-чу — герой романа английского писателя Сакса Ромера.

В день аудиенции нас с Шерил через ворота резиденции провел служитель — средних лет тибетец. Индийский солдат во дворе, опершись на винтовку, курил биди*! Он едва взглянул на нас, пока мы шли по короткой дорожке к залу для аудиенций. Вот и вся охрана, окружавшая Далай-Ламу в те дни.

Зал для приемов оказался просторным и светлым помещением, окрашенным во все оттенки желтого. На стенах — тибетские свитки. Мы сели в простые, но очень удобные индийские кресла и стали ждать. Перспектива встречи с тем, кого многие считали богом и царем, взволновала меня. Правда, к волнению примешивалось неприятное предчувствие. Как ни мало я знал о Тибете, но мне было хорошо известно, что в пятидесятые годы китайцы вторглись в страну Далай-Ламы, убили многих его подданных и вынудили искать убежища в Индии. По общему мнению, обращение китайцев с тибетцами во время оккупации было ужасным. А я, прямой потомок подданных Желтого Императора**, вознамерился предстать перед лицом правителя тибетцев. Мне казалось маловероятным, чтобы Далай-Лама со времени изгнания в 1959 году встречал много китайцев. Я боялся, что он отнесется ко мне враждебно.

Пока я пытался представить возможное развитие событий, вошли два молодых монаха в одинаковых темно-бордовых одеждах. Далай-Ламу я узнал сразу. В то время ему было 37 лет. Он был в очках. Выглядел поразительно молодо — лицо совсем без морщин. Его лицо, в отличие от лиц его соотечественников, было неожиданно бледным, с тонкими чертами. Его кротость и скромное поведение оказались еще одной неожиданностью. Худой, едва ли не тощий.

Другой монах тоже оказался худым, только значительно ниже ростом. Позднее я узнал, что зовут его Тэндзин Гейче Тетхонг, что он отпрыск знатного лхасского семейства, переводчик Далай-Ламы и его личный секретарь.

Собираясь сесть, Далай-Лама бросил взгляд в нашу сторону. И впервые увидел меня. Задержал взгляд на моей эспаньолке и хихикнул. Не засмеялся раскатистым баритоном, который я позднее так хорошо изучил. А именно хихикнул на высокой ноте. Ему было трудно подавить смех, и, силясь сдержаться, он согнулся едва ли не пополам. Тэндзин Гейче мягко положил руку ему на плечо и направил к креслу. Шерил сидела в полной растерянности — неожиданное хихиканье глубоко ее поразило.

В тот мартовский день я чувствовал себя крайне неловко. Попросту не представлял, что буду делать. Простираться ниц я не умел. Да и в любом случае я не испытывал никакого подобострастия по отношению к этому молодому человеку, хихикающему по поводу моей внешности.

Далай-Лама наконец успокоился. Застенчиво улыбнулся Шерил, когда она преподнесла ему кха-ту — белый шарф-подношение. Я развернул свой и тоже подошел к нему. Он украдкой взглянул на меня и снова захихикал. Даже Тэндзин Гейче, державшийся вполне торжественно, расплылся в улыбке.

Следующие полчаса я запомнил плохо. Совершенно выпало из памяти, как началась беседа. Смутно припоминаю, что Шерил рассказывала о себе, говорила, что исповедует тибетский буддизм, что она подруга миссис Дори Ютхок из Нью-Йорка. У Шерил было несколько вопросов к Далай-Ламе, главным образом по практике буддизма. Я давным-

---

* Индийская сигарета, не содержащая табака.

** Желтый Император — Хуанди, легендарный правитель Китая и культурный герой, якобы правивший между 2697 и 2597 годами до н. э.

давно позабыл и ее вопросы, и его ответы. Тэндзин Гейче старательно переводил. В то время английский язык Далай-Ламы был даже хуже того пиджин, на котором говорят многие индусы. Без переводчика его бы не поняли. Однако время от времени он решался вставить несколько простых английских фраз.

Наконец Далай-Лама повернулся ко мне. Я напрягся, пытаюсь придумать какой-нибудь умный вопрос. Но слишком мало я знал о Тибете и еще меньше — о тибетском буддизме. Так что я спросил о том, что не давало мне покоя с того момента, как я вошел в зал для приемов.

Я спросил его, испытывает ли он ненависть к китайцам.

Беседуя с Шерил, Далай-Лама, казалось, расслабился. Услышав же мой вопрос, он резко выпрямился в кресле и, не задумываясь ни на миг, ответил односложно. По-английски.

— Нет.

И впился в меня глазами. Выражение его лица было торжественным. Не осталось ни намек на веселость. Я отвел взгляд и уставился в устланный коврами пол.

После паузы, длившейся почти вечность, он заговорил, спокойно и медленно обращаясь к Тэндзину Гейче по-тибетски.

Секретарь перевел:

— Его Святейшество не испытывает никаких недобрых чувств к китайцам. Мы, жители Тибета, очень пострадали из-за китайского вторжения. И, как говорим мы, тибетцы, китайцы систематически, камень за камнем, разбирают великие монастыри Тибета. Почти каждое тибетское семейство в Дхармсале может рассказать свою печальную историю — почти все они потеряли по крайней мере одного члена семьи из-за зверств китайцев. Но Его Святейшество говорит, что претензии его — к китайской коммунистической партии. Не к китайцам. Он продолжает считать китайцев своими братьями и сестрами. Его Святейшество не испытывает ненависти к китайцам. Фактически, он полностью простил их.

Удивительно, как ясно я помню эту часть беседы даже три десятилетия спустя. Возможно, потому, что ответ оказался совершенно неожиданным, абсолютно не вписывающимся в ту картину, которая сложилась у меня под влиянием историй Джина Йонга. В каждой его книжке присутствовал мотив мщения. Закон чести определялся героическим и простым кредо: око за око, зуб за зуб — очень похожим на самурайский кодекс феодальной Японии. Меня изумило, что Далай-Лама простил китайцам все то зло, что они причинили его подданным.

Шерил тихонько плакала, глубоко взволнованная аудиенцией. Когда мы собрались уходить, Далай-Лама подошел и осторожно обнял ее. Потом со всей серьезностью пожал мне руку.

Я покинул зал для приемов слегка разочарованный. Я ожидал увидеть правителя, но Далай-Лама оказался самым непохожим на правителя человеком среди всех, кого я когда-либо встречал. Вполне дружелюбный, но слишком уж приземленный, слишком обычный. Никакого ореола святости, да к тому же слишком часто хихикал.

Только позже, двигаясь дальше на восток — в Бирму, Гонконг, а затем в США, — я понял, что короткое время, проведенное в Дхармсале, было лучшим и самым значительным событием моего кругосветного путешествия. Тибетцы произвели на меня неизгладимое впечатление.

И через десять лет после той аудиенции у Далай-Ламы все, связанное с Тибетом, еще сильно меня занимало. Мысли о Тибете пробудили мои задремавшие было кочевые инстинкты. Начиная с 1984 года, используя Катманду как базовый лагерь, я за четыре года пешком обошел обширные пространства Тибета, собирая материал для путеводителя по древним местам паломничества.

Пейзаж высокогорного плато, очень своеобразный и даже ошеломляющий, оказался совершенно не похожим на то, что я видел, когда путешествовал прежде. Тибетцы оказались такими же, как те, которых я помнил по Дхармсале: милыми, великодушными и ужасно смешливыми. То, что я — этнический китаец, нисколько не мешало им помогать мне.

И улыбающееся лицо Далай-Ламы всегда было рядом. Во всех деревенских домах и монастырях, которые я посетил, на алтарях неизменно оказывались его фотографии. Каждый тибетец, которого я встречал, спрашивал о нем, часто со слезами на глазах. Неожиданно Далай-Лама и все то, что он отстаивал, показалось мне невероятно значительным. Меня до глубины души поразило, насколько простую и высокую религию исповедуют он и его соотечественники — они исповедуют доброе отношение друг к другу.

Железные ворота резиденции Далай-Ламы закрылись за нами, и мы с Тэндзином Таклхой пошли по широкой бетонной дорожке к аудиенс-холлу, где всегда проходили мои интервью с главой Тибета. Прежде я никогда не бывал дальше этого места. Но на этот раз мы обошли и аудиенс-холл, и маленький зал для песнопений, а затем миновали плотный строй деревьев. Дальше тянулся сад, а перед ним — красивое двухэтажное здание, где Далай-Лама спит и медитирует.

Индийский солдат, держа автомат обеими руками, патрулировал участок перед входом. Еще один индус в штатском — в брюках и рубашке навыпуск — проводил нас бесстрастным взглядом. Трое или четверо телохранителей-тибетцев расхаживали в тишине. Мы остановились у входа в дом, и, честно говоря, я чувствовал себя неловко, словно вторгся в святая святых Далай-Ламы.

Будто отвечая на мои мысли, лидер Тибета вышел из здания, посмотрел на меня, улыбнулся и произнес своим гулким баритоном: «Ни хао?» Ему нравится приветствовать меня по-китайски. Крепко пожав мне руку, он двинулся по дорожке, ведущей в сад. Бодро прошагал под уклон ярдов пятьдесят, а затем повернул обратно. Он фыркал от удовольствия и, приближаясь ко мне, можно сказать, красовался. Несколько месяцев назад мы говорили о важности физкультуры. И он признался, что не любит физических упражнений, да и ленится. Я взял с него обещание, что он увеличит нагрузку — будет простирается ниц не тридцать, а сто раз в день. И вот теперь он решил продемонстрировать, насколько серьезно взялся за утреннюю гимнастику.

Далай-Лама жестом пригласил нас с Тэндзином следовать за ним. Мы поднялись по внешней бетонной лестнице на ярко освещенный второй этаж — открытую площадку, обставленную удобными диванами и креслами. Паркетный пол устлала восточные ковры, а всю правую стену занимали огромные, от пола до потолка, окна. За ними виднелась долина Кангра, круто спускавшаяся вниз, и вершины гор, позолоченные нежным утренним светом.

Вслед за Далай-Ламой мы прошли в его комнату для медитаций.

Глава 2

Два монаха на парапете

Комнату для медитаций Далай-Ламы заливал мягкий утренний свет. Прекрасно выполненные деревянные застекленные шкафы выстроились вдоль стен; в их недрах можно было разглядеть бесчисленные бронзовые статуэтки и предметы культа. Стопки священных тибетских текстов, обернутые желтой тканью и драгоценной парчой, аккуратно

сложены на специальных полках. Центр комнаты занимал нарядный алтарь. В центре, в миниатюрной копии храма из дерева и стекла, находилась статуэтка не выше двух футов высотой. На всем лежал отпечаток торжественного великолепия и сдержанного изящества.

Тэндзин Таклха указал мне на маленький квадратный тибетский коврик возле двери, где я должен был сидеть. Я установил видеокамеру на треногу. Далай-Лама молча обогнул простой письменный стол красного дерева, выскользнул из пластиковых шлепанцев и сел в позу лотоса, спиной к обшитой деревянными панелями стене. Поправил одежду, закрыл глаза и начал медитацию. Я включил камеру; мотор тихо зажужжал, запечатлевая на цифровом носителе тибетского монаха.

Далай-Лама уже рассказывал мне о своем утреннем распорядке: «Как только я пробуждаюсь — сейчас ровно в 3:30, — я произношу несколько мантр и молитв. Мои первые мысли: Будда и его учение о сострадании, учение о взаимозависимости. Это я делаю всегда, но весь мой распорядок действий на день формируется в соответствии с двумя принципами: альтруизм и взаимозависимость. Потом я несколько раз протираюсь ниц, затем выполняю несколько упражнений. В это время — минут тридцать — я размышляю. После этого я принимаю ванну или душ. В пять, иногда в 4:40, — завтрак. Мой младший брат всегда дразнит меня: говорит, что истинная цель раннего подъема — завтрак. Буддистские монахи обычно не принимают пищу вечером».

Пока Далай-Лама устраивался для медитации, мои глаза привыкли к мягкому свету. Как раз напротив меня, на другом конце комнаты в витрине я заметил стенную роспись — Будда в простой одежде цвета шафрана на фоне пышно-зеленых гор и извилистых заливов. В соответствии с традицией, у Будды длинные мочки ушей и узел волос на макушке, что означает просветленность. Выражение лица немного неопределенное — полуулыбка, безмятежность. Само же лицо — округлые полные щеки, маленький подбородок, приподнятые уголки глаз — исполнено нарождающейся радостью.

Медитируя, Далай-Лама, очевидно, быстро достиг глубокого внутреннего погружения. Окружающее сейчас для него не существовало — ни комната, ни Тэндзин, ни я, сидящий всего лишь в нескольких футах от него. Его способ медитации отличается от способа, скажем, учителей дзэна. Как и многие тибетские ламы, он не сидит неподвижно, застыв, словно скала. Как правило, он совершает какие-нибудь движения. Покачивается из стороны в сторону, замирает, некоторое время остается совершенно неподвижным, потом шепчет короткую мантру, рука его поднимается и касается тыльной части шеи, чтобы почесать зудящее пятнышко экземы. Если бы я прежде не видел его в состоянии глубокой медитации, то поклялся бы, что он нервничает.

Внезапно глазные яблоки задвигались, и полуприкрытые веки непроизвольно затрепетали. Сокровенность этого движения повергала в трепет.

Стол Далай-Ламы завален рукописями — стопками несброшюрованных священных буддистских текстов; на нем прозрачная стеклянная ваза со срезанными цветами; настольная лампа с регулируемой высотой и маленький бронзовый Будда. И еще, рядом с настольными часами, увенчанными крошечной статуэткой, — швейцарский армейский нож последней модели, оснащенный всеми мыслимыми хитроумными приспособлениями. Слева — низкая, не выше колена деревянная тумбочка, сверху — красный органайзер. Вторая тумбочка такой же высоты формировала правую сторону маленького «алькова». Сверху кучей навалены книги, разные тибетские рукописи, три подставки с ручками и маркерами и бутылочка с белковой пищевой добавкой. А над этим беспорядком — великолепный букет желтых и красных искусственных цветов, в основном лилий и роз, в матово-серой вазе. Цветы выглядели удивительно живыми — с крошечными капельками росы, переливающимися на лепестках. Рядом стоял телевизор.

Комната для медитаций — личное убежище Далай-Ламы, место религиозных размышлений и работы. Единственное место, где он действительно может побыть один, —

беседы с должностными лицами и встречи с посетителями проходят в аудиенс-холле, расположенном рядом с жилыми помещениями. Именно в этой комнате он мобилизует внутренние ресурсы — медитируя, перечитывая тексты древних тибетских учителей, черпая мудрость, необходимую ему, чтобы направлять себя и других на пути преодоления трудностей.

Перед медитацией Далай-Лама снимает очки; и однажды благодаря этому я впервые осознал его возраст. Увидел мешки под глазами, резкие складки, залегшие от скул к подбородку. В то время Далай-Ламе было около шестидесяти пяти.

Я всегда с удовольствием смотрю на лицо Далай-Ламы. Какой контраст со мной! Его лицо испещрено морщинами, каждая из которых — следы борьбы, страданий и радостей. Хотя я всего на десять лет моложе, мое лицо относительно гладкое, морщины едва наместились. Но мое лицо нередко оказывается для меня источником бессильного раздражения. Нет, оно не уродливо и даже приятно — обыкновенное лицо. Но оно из тех лиц, что всегда выглядят бесстрастными. Живым его не назовешь.

Я рос в традиционной китайской семье. Откровенная демонстрация эмоций была под запретом. Конечно, иногда мне случалось выказать непозволительную радость — например, когда на Новый год я получил лаиси — красный конверт, содержащий внушительную пачку долларовых банкнот. Тогда на моем лице расплывалась широкая улыбка. Я был способен выказать и ярость — как тогда, когда младшая сестренка выбросила в окно мою любимую книжку по кун-фу. Но большую часть времени я «держал лицо». Я был чрезвычайно застенчив и постоянно контролировал себя. Возможно, именно поэтому во время учебы в колледже я настолько хорошо играл в покер.

Умение сохранять на лице невозмутимое выражение вполне устраивало меня большую часть жизни. Но в последние годы я понял, чем расплачиваюсь за это. Со временем способность испытывать сильные эмоции ослабла. Я заметил это, когда умерла моя мать. На похоронах я вдруг обнаружил, что мне нужно сделать над собой усилие, чтобы вызвать скорбь. Я превратился в «совершенно непроницаемого азиата».

А вот лицо Далай-Ламы отражает все его переживания. Это замечают многие, включая Пола Экмана, профессора психологии, ведущего в мире эксперта по физиогномике.

Экман — знаток человеческих лиц. За последние сорок лет он изучил их в мельчайших подробностях. В результате своих исследований Экман составил каталог лицевых мышц и описал их произвольные сокращения и растяжения, выделив приблизительно 7000 различных выражений. Самые яркие он соотнес с их эмоциональным значением. В результате Экман сделался лучшим человеком-детектором лжи. После взрывов в Центре Международной Торговли 11 сентября специальная антитеррористическая группа ФБР—ЦРУ наняла Экмана консультантом, способным обнаружить ложь в ответах подозреваемых. Он учил агентов приглядываться к самым незначительным изменениям выражения лица — например, мелкие сокращения подбровной мышцы — *frontalis pars medialis* — являются признаком печали.

Впервые Экман встретился с Далай-Ламой в марте 2000 года в Дхармсале на Восьмой конференции «Разум и жизнь», проводимой совместно буддистами и западными учеными. Конференция была посвящена разрушительным эмоциям. За пять дней, насыщенных до предела событиями, Экману представилось множество возможностей понаблюдать за главой Тибета. После чего он с восхищением отметил, что еще ни разу за все годы, что он изучает лица, не видел ничего подобного. Лицевые мускулы Далай-Ламы настолько подвижны и гибки, что создается впечатление, будто они принадлежат двадцатилетнему.

Откуда такое удивительное несоответствие? Экман считает, что понял, в чем тут дело: Далай-Лама пользуется лицевыми мускулами более энергично, чем любой другой известный Экману человек. Кроме того, в том, как Далай-Лама выражает свои эмоции, присутствует особая точность — смешанные реакции встречаются редко. Когда Далай-

Лама счастлив — он счастлив на сто процентов. Никакие другие чувства не примешиваются к счастью.

Лицо Далай-Ламы поразило Экмана и по другой причине. Среди всех лиц, которые перевидал Экман за десятилетия исследований, только у малышей, да и то далеко не у всех, были такие же бесхитростные лица, как у главы Тибета. Как и дети, Далай-Лама искренне демонстрирует свои эмоции. Он не стыдится своих чувств; не видит никакой причины стесняться или скрывать их. Во время конференции наблюдатель из Калифорнии рассказал Далай-Ламе, что в Дхармсале умер малыш, которого укусила бешеная собака. Все присутствующие обратили внимание на выражение глубокой скорби на лице тибетца. Для Экмана это стало откровением. У него не было ни малейших сомнений в том, что Далай-Лама ощутил потерю так остро, будто происшедшее касалось его собственного ребенка. Но Экмана поразило и то, что это выражение горя сохранялось очень недолго. Прошло всего несколько мгновений, и признаки скорби исчезли с лица. Точно так же Далай-Лама от души смеется над чем-нибудь забавным, а через несколько секунд демонстрирует самую глубокую сосредоточенность. Он не слишком привязан к вещам, тем более к собственным эмоциям.

Наблюдая за медитацией Далай-Ламы, я сумел просидеть в жалком подобии позы лотоса целых пять минут, пока боль в напряженных суставах не стала невыносимой. Тогда я встал на колени и начал возиться с видеокамерой: сделал панораму одной стены, захватив разноцветные древние тибетские свитки и изящные статуэтки, а потом снова навел объектив на Далай-Ламу. У меня никак не получалось усидеть на месте, сохраняя такое же спокойствие, как и он. Полнейшая безмятежность, царившая вокруг, на меня почему-то не действовала. Несмотря на мощные волны медитативного блаженства, действительно исходившие от Далай-Ламы, я мог думать только о ноющей боли в сухожилиях, соединяющих таз и правое бедро.

И вдруг краем глаза я кое-что заметил. На противоположной стороне комнаты, наполовину скрытая бронзовыми статуэтками и вазой со свежесрезанными цветами, стояла маленькая фотография в темно-зеленой рамке. Пожалуй, то была единственная фотография в комнате среди множества произведений искусства и древних священных книг.

Но дело не только в этом — то была принадлежавшая мне фотография. Или, точнее, она была моей, пока я не отдал ее Далай-Ламе несколько месяцев назад. Я сделал этот снимок в Тибете в 1985 году.

На нем — два монаха в красных одеждах перегнулись через парапет на крыше монастыря, разглядывая что-то, происходящее внизу. Снимок сделан с такого ракурса, что монахи видны только со спины. Они так сильно перегнулись через парапет, что, кажется, еще чуть-чуть — и сорвутся вниз. Вдалеке — гряда низких холмов.

Прекрасный снимок: роскошный, насыщенный красный их одежд получился настолько реальным, что кажется, протяни руку — коснешься и почувствуешь запах шерстяной ткани. А еще светло-коричневый пятнистый лунный ландшафт Тибетского плато; округлые холмы, слегка припорошенные тонким слоем только что выпавшего голубоватого снега, который делает все укромные уголки и даже трещинки отчетливо рельефными. Справа — несколько высоких темно-зеленых деревьев — знаменитые священные можжевельниковые деревья монастыря Ретинг.

Из тысяч снимков, которые я сделал в середине восьмидесятых, когда разыскивал и описывал священные места Тибета, этот — мой любимый. Не могу точно сказать почему. Существует множество других, которые произвели бы большее впечатление на случайного зрителя. Есть даже несколько таких, которые могли бы претендовать на приз «National Geographic» в номинации «Тибет». Но почти два десятилетия именно эту фотографию двух монахов я держал в изголовье своей кровати. Возможно, из-за подчеркнутой небрежности,

с какой эти двое облокотились на парапет. Насколько же искренняя и беззаботная непосредственность тибетцев отлична от моего отношения к людям и вещам!

Когда я отдавал вставленную в рамку фотографию Далай-Ламе, я заметил, что она не произвела на него особого впечатления. Едва скользнув по ней взглядом, Далай-Лама передал ее Тэндзину Таклхе. Он получает много подарков и почти всегда передает их секретарю для хранения. Нет, он ценит подобные жесты, просто слишком мало привязан к вещам, не важно, красивым или нет.

Но потом Далай-Лама поинтересовался:

— Что это за место?

— Это монастырь Ретинг, Ваше Святейшество, — ответил я.

— Ретинг? — удивился он. — Я был там в 1956 году.

Он выхватил фотографию у пораженного Тэндзи-на и всмотрелся в нее.

— Ретинг. Я прекрасно его помню. Я почувствовал тогда особое родство с ним.

— Из множества отснятых в Тибете снимков я всегда держал при себе именно этот, — сказал я.

— Ну, значит, мы оба испытываем к Ретингу особые чувства, — сказал Далай-Лама. — Попав туда, я ощутил глубокое волнение. Не знаю почему, но я почувствовал какую-то особую связь с этим местом. С тех пор я часто мечтаю построить в Ретинге келью и провести там остаток своей жизни.

Я полагал, что фотография будет храниться в какой-нибудь огромной кладовой для сокровищ, заваленной всевозможными подарками и сувенирами, полученными Далай-Ламой за эти годы. А потому несказанно изумился, увидев свою фотографию здесь.

От Тэндзина не укрылось, что я уставился на снимок. Он широко улыбнулся мне. Руки его продолжали лежать на коленях, но я заметил, как он поднял большой палец.

Да, я был тронут и более чем горд: ведь моя фотография стоит в комнате для медитаций, так близко к Далай-Ламе. Хотелось верить, что он поставил ее здесь потому, что испытывает некую слабость ко мне. Но я понимал, что, скорее всего, дело не в этом, а в том, что в его сердце особое место занимает монастырь Ретинг.

Снаружи посветлело; защebetали птицы. Я увидел, что внизу, в долине Кангра, туман уже поредел.

— Достаточно? — спросил меня Далай-Лама. Его утренняя медитация, очевидно, уже завершилась.

— Да, спасибо, Ваше Святейшество, — ответил я.

Что еще я мог сказать? Что хотел бы провести с ним целый день?

Он вышел на середину комнаты. Тэндзин и я тоже поднялись.

Далай-Лама подошел к украшенной фреской стене и принялся что-то искать среди выстроившихся на полочке маленьких бронзовых статуэток и светильников. Потом посмотрел через плечо и сказал мне:

— Подойдите сюда.

Он вручил мне миниатюрную, приблизительно в три дюйма высотой, копию индийского монастыря, вырезанную из серого камня. Прекрасная резьба: по центру двухэтажного здания высилась пятиэтажная башня; четыре меньшие располагались по четырем углам. Мастер тщательно вырезал на каждом этаже крошечные окошки, дверцы и другие детали. Это миниатюрное произведение искусства оказалось на удивление тяжелым.

— Храм в Бодхгайе. Для вас, — сказал Далай-Лама.

Бодхгайя — место, где Будда достиг просветления, — главный объект паломничества буддистов.

Потом Далай-Лама вручил мне еще один подарок — оправленный в бронзу полудрагоценный камень, похожий на большой кусок мрамора. Сам камень — коричневый,

нескольких оттенков, по центру — белая полоса. Я понятия не имел, что это за камень, а Далай-Лама не уточнил.

Подарки оказались для меня сюрпризом. Кроме обязательной кхаты — традиционного белого шарфа-подношения, — я никогда ничего не получал от Далай-Ламы. К тому же эти два предмета находились в его комнате для медитаций, и я предположил, что они имели для него особое значение.

Далай-Лама мягко взял меня за руку и провел к двери. Там он резко повернулся к витрине с бронзовыми статуэтками и другими изумительными вещицами. Начал перебирать их, что-то отыскивая.

— Ага!

На лице его появилось довольное выражение. Он держал маленькую статуэтку цвета красного дерева — старик с бородой по пояс. С широким лицом, явно восточными чертами, с большим прямым носом и густыми бровями. В правой руке — посох. Китайский мудрец, вырезанный из камня.

— Это для вас, — протянул мне статуэтку Далай-Лама. — До скорой встречи.

Вернувшись в гостиницу, я начал доставать вещи из рюкзака, напевая свой любимый мотивчик. Дверь в комнату осталась открытой, и я видел тибетскую женщину, которая развешивала для просушки одежду на крыше расположенного ниже гостиницы дома. Она тоже напевала, но находилась слишком далеко от меня, чтобы разобрать, что именно. Я достал видеокамеру, чтобы просмотреть утреннюю запись, включил ее и перемотал на начало. Первые кадры на маленьком экране показали Далай-Ламу, сидящего возле стола в комнате для медитаций. Освещение было пристойным, звук тоже. Неожиданно на экране замелькали горизонтальные полосы. Вместо ожидаемой стенной росписи экран показывал только какие-то полупрозрачные полосы разных оттенков серого. Далай-Лама с экрана исчез.

Я ткнул кнопку быстрой перемотки. Полосы начали покачиваться и плясать. Я остановил ленту и снова нажал кнопку «воспроизведение». Полосы. Только полосы. Я снова перемотал пленку на начало и просмотрел первые кадры. Цвета, пожалуй, несколько мрачноваты из-за недостатка освещения, но изображение Далай-Ламы, собирающегося сесть в позу лотоса, было четким. Но весь отснятый материал с медитацией оказался стерт. Я вновь и вновь перематывал пленку, просматривал ее, пока не села батарейка.

Глава 3

Человек из Дерри

На интервью с Далай-Ламой в Дхармсальский аудиенс-холл я пришел чуть раньше назначенного времени. В освещении этой удивительно соразмерной комнаты, чрезмерно, но, пожалуй, не раздражающе загроможденной креслами и кушетками в индийском стиле, гармонично сочетались естественные и искусственные источники. В этот час через большие окна в комнату вливался яркий дневной свет, смягченный буйной зеленью растущих возле дома пурпурных бугенвиллий. Восемь красочных тибетских свитков, каждый с изображением одной из ипостасей богини Тары, свешивались с потолка.

Но мой взгляд притянуло нечто, в этой комнате совершенно чужеродное. На подоконнике, как некий анахронизм, обнаружилась хрустальная копия Капитолийского холма в Вашингтоне. Немногим более полутора футов высотой, она казалась огромной. Я подошел, чтобы взглянуть поближе. На основании была вырезана надпись. Оказалось, это

награда Первого Конгресса по правам человека имени Рауля Валленберга, преподнесенная Далай-Ламе американским конгрессменом Томом Лантосом.

Награда имени шведского дипломата, спасшего тысячи евреев от нацистских концлагерей, была присуждена Далай-Ламе 21 июля 1989 года. Меньше чем через три месяца, 5 октября, Нобелевский комитет объявил, что Далай-Лама удостоен Нобелевской премии мира. Он был награжден за последовательные выступления против насилия и отстаивание «мирных решений, основанных на терпимости и взаимном уважении, с целью сохранения исторического и культурного наследия своих соотечественников».

54-летний Далай-Лама стал первым азиатом, выдвинутым на Премию мира лично, а не в составе какой-то группы. Во время оглашения этого решения председатель Нобелевского комитета Эджил Аарвик заявил журналистам, что, хотя политика ненасилия, проводимая последние три десятилетия, все еще не увенчалась достижением независимости Тибета, он полагает, что других благородных решений этой трудноразрешимой проблемы не существует. «Конечно, вы можете сказать, что эта политика ненасилия слишком оторвана от действительности. Но если вы окинете взглядом сегодняшний мир, какое другое решение вы сможете предложить? Насилие — или военную мощь? Нет... мирный путь вполне реалистичен. Именно поэтому Далай-Лама и стал лауреатом как последовательный и выдающийся выразитель этой мирной философии».

В основе мирной философии Далай-Ламы — его способность культивировать в себе прощение. Когда я впервые увидел Далай-Ламу, приблизительно три десятилетия назад, он сказал мне, что прощает китайцам все зло, которое они причинили тибетцам. Тогда я был удивлен. Сейчас же в предстоящем интервью я хотел глубже разобраться в этом вопросе.

Когда Далай-Лама вошел в зал для приемов и сел напротив меня, я спросил его без всякой преамбулы:

— Ваше Святейшество, я полагал бы естественным, будь вы средоточием негодования по отношению к китайцам. Однако вы сказали мне, что не испытываете ничего подобного. Но все же, хотя бы иногда, вы испытываете чувство враждебности?

— Почти никогда, — ответил Далай-Лама. — Я рассуждаю так: если я буду вынашивать недобрые чувства к тем, кто заставил меня страдать, это только взбудоражит мирный настрой моих собственных мыслей. Но если я прощаю, мой разум успокаивается. А что касается нашей борьбы за свободу, если мы делаем это без гнева, без ненависти, но с истинным прощением, мы можем вести эту борьбу даже более эффективно. Поскольку будем бороться, не теряя спокойствия разума и сострадания. Практикуя аналитическую медитацию, я полностью убедился, что деструктивные эмоции, вроде ненависти, бесполезны. И теперь ни гнев, ни ненависть во мне не возникают. Только иногда — легкое раздражение.

Всякий раз, когда Далай-Лама говорит о прощении, он любит приводить в пример историю Лопон-ла, лхасского монаха, которого знал еще до китайской оккупации.

— После того как я бежал из Тибета, китайцы посадили Лопон-ла в тюрьму, — рассказывал мне Далай-Лама. — Он провел там восемнадцать лет. Когда его наконец освободили, он приехал в Индию. Я не видел его двадцать лет. Но он показался мне таким же. Конечно, выглядел постарше. Но физически — совершенно нормально. Его разум после стольких лет тюрьмы остался острым. Он был все тем же кротким монахом.

Лопон-ла сказал мне, что китайцы понуждали его отречься от веры. Они пытали его. Я спросил, испытывал ли он страх. Лопон-ла ответил: «Да, была одна вещь, которой я боялся. Я боялся утратить способность сострадать китайцам». Меня это очень тронуло и даже вдохновило.

Далай-Лама сделал паузу. Поправил свое бордовое одеяние и поплотнее укутался в него. — Вот так. Лопон-ла. Прощение помогло ему в тюрьме. Благодаря прощению его горький опыт отношений с китайцами не стал горше. Умственно и эмоционально он страдал не

слишком сильно. Он знал, что не сможет бежать. Но лучше принять действительность, чем быть сломленным ею.

Далай-Лама убежден, что сила прощения помогла Лопон-ла пережить все эти годы тюрьмы без непоправимого ущерба для души. В одной из поездок в Европу, куда я сопровождал Далай-Ламу, я познакомился с человеком, чья жизнь, как и жизнь Лопон-ла, изменилась к лучшему благодаря прощению.

Если верить путеводителю по Великобритании «Ло-нели Плэнет», гостиница «Европа» в Белфасте подверглась наибольшему количеству бомбардировок по сравнению с другими гостиницами Европы. 32 раза ее бомбили во время Противостояния — продолжавшейся три десятилетия братоубийственной войны между католиками и протестантами Северной Ирландии. В 1993 году в гостинице вставили небьющиеся стекла, да и бомбежки стали пореже.

После завтрака в изысканном ресторане «Европы», примыкающем к мраморному холлу, я прошел пешком несколько кварталов до великолепного Во-терфронт-холла. Новехонькое круглое здание из стекла и гранита поразительно напоминало межзвездный корабль «Энтерпрайз». Этот концертный зал обошелся в 52 миллиона долларов — символ надежды и возрождения беспокойного Белфаста. Благодаря ему Белфаст занял прочное место на культурной карте Европы, как Бильбао благодаря Гуггунгеймскому музею.

В Вотерфронт-холле я должен был встретиться с Далай-Ламой. То был первый визит главы Тибета в страну, занимающую одно из первых мест по уровню насилия. Он прибыл для участия в межконфессиональной мирной конференции, организованной бенедиктинским монахом — отцом Лоуренсом Фриманом, и собирался посетить горячие точки Северной Ирландии.

Я нашел Далай-Ламу в приемной возле лекционного зала. Он стоял рядом с отцом Лоуренсом и Симусом Маллоном, лидером Католической фракции Северной Ирландии. На шее у Маллона был повязан длинный белый шарф — знак дружбы, подаренный тибетцем. Ирландец был в очках, седовласый, шестидесяти с лишним лет, но выглядел моложе. Он играет важную роль в мирном процессе Ирландии, а потому давно забыл об отдыхе. Маллон поинтересовался, понравилась ли тибетскому гостю его страна.

— Очень красивая. И люди... — Далай-Лама подыскивал слово. Тэндзин Гейче Тетхонг подсказал: «Сердечные». Тэндзин Гейче — невысокий, с запоминающейся внешностью — много лет состоит доверенным лицом верховного лидера Тибета. Он был монахом, но недавно снял с себя монашеские обеты.

— Да, люди очень сердечные. — Далай-Лама наклонился к Маллону, заглянул в глаза. — Но стена между людьми, между католиками и протестантами... это плохо. Похоже на маленькую Берлинскую стену.

«Маленькая Берлинская стена» — пятиметровой высоты железобетонное сооружение, увенчанное двойным рядом колючей проволоки, — предназначена удерживать католиков и протестантов на расстоянии, не дающем им вцепиться друг другу в глотки. В стратегически важных местах установлены камеры наблюдения. Повсюду вдоль стены видны следы запустения: с обеих сторон пустыри, усыпанные щебнем, обрывками колючей проволоки и мусором. Эту стену, расположенную недалеко от центра Белфаста, называют «Мирной линией».

В квартале от нее — пони-клуб. Его стены еще стоят, но крыша обвалилась, выставив на обозрение перекрытия, обуглившиеся от огня зажигательных бомб. Такое впечатление, что бомбежки здесь не прекращались много лет. Это место — лакомый кусочек для фотожурналистов. Все фасады в ярких красочных рисунках и надписях времен Противостояния. По большей части — это боевые призывы противоборствующих сторон. Вот люди в масках, одетые как ниндзя, держат автоматы. Под гигантским портретом Бобби

Сэндса — знаменитого участника голодовки ИРА, который умер в 1981 году, протестуя против безжалостного обращения британцев с заключенными бойцами ИРА, — надпись: «Наша месть — смех наших детей».

В первый же день своего пребывания в Белфасте Далай-Лама пришел к этой стене на Ланарк-вэй, чтобы посадить дерево. Он вышел из автомобиля на протестантской стороне; здесь фонарные столбы и тротуары окрашены в синий, красный и белый — цвета британского государственного флага (всего месяц назад на дома католиков обрушились бомбы с таким же триколором). Толпа, в которой было множество детей в школьной форме, приветствовала Далай-Ламу, размахивая тибетскими молитвенными флажками. Он протискивался сквозь толпу, перебрасываясь с людьми словами и обмениваясь рукопожатиями.

Наконец Далай-Лама подошел к тяжелым железным воротам. Когда полиция — Королевские ольстерские полицейские — открыла их, с обеих сторон стены раздались громкие приветственные возгласы. Далай-Лама медленно перешел Мирную линию и вышел на католическую Спрингфилд-роуд, где детей оказалось еще больше — они держали огромный плакат с приветствием. Обычно ворота открываются только раз в году, в июле, когда оранжисты проходят маршем на католическую сторону, — неприкрытая дерзость, которая подогревает и без того не утихающую напряженность в Белфасте.

Стоя на Мирной линии, Далай-Лама сказал двум враждующим общинам, что лучший способ предотвратить конфликт — умерить эмоции.

— Когда человеческие эмоции выходят из-под контроля, — говорил он, — лучшая часть мозга, в которой формируются наши суждения, не может функционировать правильно. Конечно, определенные противоречия, определенные различия всегда будут сохраняться. Но мы должны использовать различия в позитивном смысле, черпать жизненную силу и энергию из различных взглядов. Попытайтесь минимизировать насилие, действуя не силой, а пониманием и уважением. Вступить в диалог, учитывая интересы других и не скрывая своих, — вот способ когда-нибудь разрешить проблему.

Тибет очень сильно пострадал из-за китайской оккупации, поэтому, когда Далай-Лама говорит о тщетности насилия, он говорит об этом, памятуя собственный, глубоко прочувствованный опыт и свою боль.

— Когда люди христианской веры воюют друг с другом, что тут скажешь? — продолжал он, обводя взглядом лица католиков и протестантов, стоящих вокруг него. — Глупость какая-то. Моей голове тяжело уразуметь ваши разногласия. Если сравнить буддизм и христианство, надо думать, найдутся большие отличия. Но между протестантами и католиками? Ничего! Вы и я — у нас больше отличий, чем у вас между собой. Но я желаю вам никогда не терять надежды. Я ничего не могу сделать за вас. Окончательное решение в ваших руках — в руках людей Северной Ирландии.

Заканчивая свою речь, Далай-Лама спросил собравшихся:

— Есть ли от этого польза? Гул одобрения был ему ответом. Тогда он сказал:

— Если полезно, пожалуйста, запомните. Если нет, то... — он засмеялся, — тогда вы забудете.

С одной стороны от Далай-Ламы стоял министр -протестант, с другой — католический священник. Далай-Лама притянул их обоих поближе и обнял. А потом, с ехидным блеском в глазах, дернул их за бороды. Восхищению толпы не было предела. Далай-Лама определенно равнодушен к бородам: не может устоять, чтобы не дернуть за них.

Белфастский «Телеграф» на редакционной полосе опубликовал рисунок: три головореза пристально наблюдают за улыбающимся Далай-Ламой, высаживающим саженец на Мирной линии; Далай-Лама озадаченно спрашивает: «Так вы буддисты-католики или буддисты - протестанты?»

На следующий день главный шериф Белфаста сопровождал Далай-Ламу в здание муниципалитета — цитадель протестантов, пользующуюся дурной славой и известную как Ольстер-холл. Далай-Лама тяжело упал на стул, вытянул ноги. Поездка в Дерри утомила его. Он вылетал туда на частном самолете сразу после утреннего заседания в Вотерфронт-холле, чтобы поговорить о прощении с католиками и протестантами, жертвами террористических актов, унесших за последние 30 лет в общей сложности 3600 жизней.

До следующего выступления оставалось минут пятнадцать, и Далай-Ламе представилась возможность обсудить поездку в Дерри с отцом Аоурейсом, с которым он почти не разлучался последние несколько дней — общность взглядов и взаимное уважение притягивали их друг к другу.

Отец Аоуренс в традиционной белой рясе казался вполне бодрым. Если он и устал, то старательно не показывал этого.

— Вы помните того молодого человека в Дерри, Ричарда Мура? Он потерял зрение в возрасте 10 лет, — обратился отец Лоуренс к Далай-Ламе.

— В перестрелке, — Далай-Лама оживился, поерзал на стуле и выпрямился. — Но он полон идей, полон энтузиазма.

Отец Лоуренс повернулся ко мне.

— Вообразите, Его Святейшество — очень веселый человек, Мур, как оказалось, тоже, так что они вдвоем от души повеселились на этой встрече.

— Забавно. Вы спросили его... — Далай-Лама запнулся и захихикал. Потом потер рукой лицо.

Прекрасно понимая, к чему ведет Далай-Лама, отец Лоуренс подхватил:

— Ричард все-таки кое-что видит, у него перед глазами не полная темнота. Я спросил его: «Что же вы видите?» А он говорит: «Ну, людей вижу, так, как представляю их». И тогда я поинтересовался: «Ну и как выглядит Далай-Лама?» Далай-Лама вскочил:

— Тогда я позволил ему прикоснуться к моему лицу, — он снова провел по лицу рукой. А потом схватил себя за нос. — И к моему носу. Мур сказал: «О, большой нос!» — Далай-Лама хлопком сложил ладони и разразился хохотом, вздрагивая всем телом.

Отец Лоуренс продолжал:

— Да. Тогда вы спросили его, сколько времени ему потребовалось, чтобы смириться с потерей зрения.

— И он ответил: «Нисколько».

Такой ответ чрезвычайно меня озадачил. Если бы в шкуре Ричарда Мура оказался я, моя реакция была бы совершенно иной. Я не мог представить, что можно так быстро примириться со слепотой.

Через несколько месяцев после посещения Далай-Ламой Северной Ирландии я позвонил Ричарду Муру в Дерри: то, что он так спокойно воспринял факт потери зрения, очень меня заинтересовало.

— Я действительно быстро смирился, и тому есть несколько причин, — сказал он. — Меня с первых дней поддерживали семья и друзья. Местные и общенациональные СМИ уделяли мне много внимания. Политические лидеры приходили к нам домой и всячески обхаживали меня. На следующий же день я стал знаменитостью и почувствовал себя важной персоной. И еще. Я рос счастливым: родился счастливым ребенком со способностью радоваться тому, что имею, и искать во всем положительные черты.

— Но все-таки какое-то время вы чувствовали себя подавленным? — спросил я.

— Через две недели после выхода из больницы, — сказал Мур, — мой брат вывел меня погулять во двор. Спросил, знаю ли я, что произошло. Я сказал, да, знаю, в меня стреляли. Он спросил, знаю ли я, к чему это привело. Я ответил, что не знаю. Тогда он сообщил мне, что я потерял один глаз и не смогу видеть другим. Той ночью я кричал от горя. Кричал

потому, что понял — больше не увижу лиц отца и матери. Вот и все. На следующий день я принял свою судьбу.

Конечно, бывают трудные, болезненные моменты. Я присутствовал при рождении своих детей, но не смогу увидеть их. У них было первое причастие. Я отдал бы все на свете, чтобы увидеть это. И потом, рождественское утро каждый год... Это цена, которую платишь постоянно. Но я не позволяю этому обстоятельству стать доминирующим в моей жизни. Мой папа всегда говорил: «Не позволяйте одному облаку омрачить солнечный день».

Я поразился, сравнение простреленного глаза и проплывающего облака показалось мне странным.

— Как случилось, что вас подстрелили? — спросил я.

— 4 мая 1972 года — мне тогда было десять лет — на улицах начались беспорядки. Я присоединился к демонстрантам и бросил камень в сторону британских солдат. — Мур надолго замолчал. Затем продолжил: — А потом... Ну, в общем, я не помню, что случилось потом. Знаю, что солдат выстрелил резиновой пулей с близкой дистанции и попал мне в правый глаз. Там был мой учитель, но он не узнал меня, потому что мое лицо было обезображено. В машину «скорой помощи» вместе со мной сел отец. Он не пустил маму, не хотел, чтобы она меня видела. У нее брата застрелили в январе 1972 года, в «Кровавое воскресенье».

— А как вы относитесь к солдату, который стрелял в вас? — спросил его я.

— Я понимаю, это странно, — сказал Мур, — но я не испытываю к нему никакого ожесточения. Вообще-то, мне было бы интересно встретиться с ним. Знаете, вот что я вам скажу: думаю, больше всего помогло мне в жизни то, что я не затаил против него никакого зла. Я простил его полностью и безоговорочно.

Сила прощения Ричарда Мура изменила его жизнь. Несколько лет назад Мур основал организацию «Дети под перекрестным огнем», которая помогает детям, живущим в горячих точках Азии, Африки и Латинской Америки. Последний раз он побывал в Бангладеш, предоставляя помощь в рамках своей программы.

Я рассказал Муру, что его способность быстро восстанавливать физические и душевные силы и его работа произвели на Далай-Ламу большое впечатление. И спросил, что он думает о Далай-Ламе.

— После его выступления в Дерри меня пригласили на ланч, где я сидел рядом с Далай-Ламой, — ответил Мур. — Он ухаживал за мной: положил на тарелку говядину под соусом карри и рис, поинтересовался, достаточно ли. Дал мне вилку и нож. Показал, где апельсиновый сок. Я ощутил исходящее от него тепло и еще — мощный поток любви. Ничего такого, что можно определить на ощупь. Просто мне было спокойно и почти домашнему уютно.

После завтрака Далай-Лама беседовал с каким-то журналистом. А Мур направился к его машине, чтобы попрощаться.

— Когда я вышел на тротуар, — рассказывал Мур, — то услышал, что кто-то бежит за мной. Это был Далай-Лама. Он торопился перехватить меня; дыхание его сбилось. И он кричал: «Подождите своего друга! Подождите своего друга!» Потом мы вместе подошли к машине. Там он крепко меня обнял и уехал.

После проходившей в Дерри встречи с жертвами вооруженных столкновений Далай-Лама вернулся в Белфаст, где выступил с короткой речью о необходимости согласия в измученном противостоянии католико - протестантском обществе. Двенадцатилетний Колин Мак-Крори подарил Далай-Ламе букет цветов. Далай-Лама схватил мальчика за руки и энергично потряс их. После окончания церемонии, все еще возбужденный общением с Далай-Ламой, Колин решил вернуться в школу, в протестантскую школу

«Хазелтон Интегрейted». И совершил огромную ошибку. Ему следовало бы сесть вместе со своими друзьями в автобус. По дороге он наткнулся на группу подростков, которые потребовали, чтобы Колин назвал свою школу. Добившись ответа, они повалили его на землю и стали бить ногами по голове. Мак-Крори избежал серьезных травм только потому, что какая-то проходившая мимо женщина прекратила избиение.

Услышав об избиении Мак-Крори, Тэндзин Гейче Тетхонг сразу же сообщил об этом Далай-Ламе. Далай-Лама прекрасно осведомлен об ирландских проблемах: ему многое порассказал отец Лоуренс, кроме того, в Дхармсале Далай-Лама ежедневно слушает новости международной редакции «Би-би-си».

И все же он не был готов к тому, что столкнется с межконфессиональной ненавистью в такой неприкрытой форме. Ведь всего несколько часов назад двенадцатилетний мальчик дарил ему цветы и они обменивались рукопожатием! Такая злонамеренная жестокость сама по себе ужасно огорчила Далай-Ламу, кроме того, он беспокоился о здоровье ребенка. До Белфаста он побывал в Будапеште, Братиславе и Праге. Нападение на юного Мак-Крори оказалось самым страшным и печальным событием из тех, с которыми Далай-Ламе пришлось столкнуться во время поездки. Это нападение продемонстрировало труднопреодолимую косность мыслей и поступков, которые препятствуют разрешению ирландской проблемы.

Глава 4

Огонь в центре тела

Его Святейшество встречался с архиепископом. Тибетский монах в темно-бордовом одеянии и англиканский священник в черном костюме сидели, почти соприкасаясь головами и крепко сжимая руки друг друга. Они пристально смотрели друг другу в глаза, и всему миру напоминали двух безумно влюбленных подростков. В нескольких метрах от них на специально отведенном пространстве за бархатными ограничительными канатами толпились журналисты из разных стран. Не часто случается, чтобы тридцать три нобелевских лауреата премии мира собрались вместе в великолепном банкетном зале гостиницы «Холмен-коллен» в Осло. В честь столетнего юбилея со дня учреждения Нобелевской премии мира в декабре 2001 года в Норвегии состоялся самый представительный за всю историю съезд лауреатов этой премии.

До начала первого утреннего заседания юбилейного Нобелевского симпозиума у Далай-Ламы и архиепископа Десмонда Туту было еще несколько свободных минут. Я стоял за их спинами и, низко склонившись к ним, пытался среди грохота затворов фотокамер уловить нить беседы.

— Я только что вернулся с севера Норвегии — университет Тромсо присвоил мне почетную степень, — рассказывал Далай-Лама. — Впечатление необычное. Как-то я получал степень университета Болоньи в Италии, старейшего университета Европы. Там есть такая традиция: во время церемонии принято надевать не только красивую мантию, но и специальное кольцо. И вот, стоя перед собравшимися, я сказал: «Как буддийский монах, я не имею права носить кольца, но сегодня я это сделаю, поскольку кольцо — часть церемонии». И надел кольцо, ненадолго.

— Замечательно, — сказал архиепископ Туту. — Думаю, вы могли бы продать это кольцо и получить за него приличную сумму.

И оба захихикали. Сначала тихонько, но за секунду это хихиканье переросло в громкое уханье и всхлипывание. Глубокий баритон тибетца и высокий надтреснутый голос Туту. И будто от их несдерживаемого заразительного хохота распахнулись широкие створчатые двери большого зала. Мгновение — и взгляды всех присутствующих прикованы к смеющимся.

И тут меня осенило. Несмотря на различия в цвете кожи и возрасте (Туту старше на четыре года), эти двое показались мне однойцовыми близнецами по характеру. У обоих была сверхъестественная способность полностью погружаться в ситуацию и легко, без стеснения отдаваться внезапно нахлынувшему веселью. Оба умели разглядеть в самых прозаических вещах нечто смешное.

Какая-то журналистка переступила через бархатный канат и подошла к ним; за ней, как привязанный, семенил оператор.

Она обратилась к Далай-Ламе:

— Могу ли я задать вам вопрос?

— Откуда вы? — поинтересовался он, разглядывая ее.

— Норвежское телевидение. Ваше Святейшество, что было самым значимым для вас в 2001 году?

— Думаю, та страшная новость, тот шок, — ответил Далай-Лама, — когда 11 сентября сообщили... и, главным образом, когда я увидел по телевидению гражданский самолет с невинными пассажирами на борту, который использовали как бомбу. Немыслимо. Когда я услышал о планах террористов, пусть не на годы, но по крайней мере на месяцы... Я осознал, каким бедствием может стать человеческий разум, руководимый человеческой же ненавистью. Архиепископ Туту энергично закивал.

— Так что на нас лежит особая ответственность — мы должны поощрять и поддерживать положительные человеческие эмоции, не правда ли? — спросил Далай-Лама.

— Очень, очень правильно. Я полностью согласен с вами, — ответил Туту, похлопывая Далай-Ламу по руке.

После утреннего заседания в центральном ресторане отеля «Холменколлен» намечался закрытый ланч для лауреатов и гостей симпозиума. В роскошный зал ресторана я вошел вместе с архиепископом Туту. Он знал, что я сопровождаю Далай-Ламу, и любезно предложил мне присоединиться к нему за ланчем. Мы заняли ближайший от входа столик. Почти сразу к нам подсел Колм О'Кваначейн — председатель движения «Международная амнистия»*, который был удостоен Премии мира в 1977 году. Его сопровождала Кора Вейсс — нынешняя глава Международного бюро мира, отмеченного этой премией в 1910 году. Подошел официант и спросил, какие напитки мы желаем заказать.

— Спасибо, большое спасибо, — ответил ему архиепископ Туту, — но я очень голоден. Достаточное ли это основание для того, чтобы поскорее получить что-нибудь съестное?

— Я постараюсь обслужить вас как можно быстрее, — пообещал норвежский официант.

— Спасибо, спасибо, — у архиепископа Туту вырвался его характерный смешок.

Я немного нервничал в компании таких знаменитостей, однако все же вознамерился поговорить с архиепископом о его отношениях с главой Тибета.

— Какое впечатление произвел на вас Далай-Лама? — начал я, и мой голос прозвучал неестественно громко. О'Кваначейн и Вейсс повернулись в мою сторону.

---

* «Международная амнистия» (Amnesty International, AI) — организованная в 1961 году частная, неприбыльная, беспартийная организация, призванная освобождать «узников совести».

— Он замечательный человек. Я очень полюбил его, — сразу же ответил Туту. — Похоже, у нас обоих повышенное чувство юмора — как будто внутри каждого из нас живет ребенок, постоянно выскакивающий наружу. Иисус сказал: «Не пребудете как дети, не войдете в царствие небесное». Ребенок в высшей степени наделен способностью удивляться, — и Далай-Лама тоже. Кроме того, в нем есть какая-то пронзительная святость. Один из его титулов — «Святейшество», и он действительно святой человек. Перед его обаянием невозможно устоять, особенно молодым людям. Ведь молодые очень остро чувствуют неискренность, быстро распознают, что перед ними — фальшивка. И они понимают, что Далай-Лама настоящий.

— У вас с Далай-Ламой редкая психологическая совместимость, — продолжал я. — Когда вы сходитесь вместе, то похожи на двух резвящихся мальчишек. Как вам удалось прийти к такому согласию?

— Не знаю, не знаю, — на секунду задумался Туту. — Как человек влюбляется? Это просто вдруг происходит. Есть люди, которые взаимопритягиваются; это просто как алхимия, ее нельзя понять до конца или объяснить. Почему мы ладим друг с другом? Видимо, это еще одна удивительная тайна... Давайте скажем так: благодать.

Архиепископ пробормотал короткую молитву, и как раз в этот момент на нашем столе появилась корзинка с хлебом.

— Вы столько знаете об апартеиде. А что вы с вашим опытом можете сказать о тибетцах и китайцах? — спросил я, когда мы уже попробовали норвежские рулетки.

— Важно то, что мы, черные южноафриканцы, истово верили в то, что победим, — ответил Туту.

Я почувствовал, что все сидящие за нашим столом стараются не пропустить ни слова из того, что он говорит.

— Вера... Вы знаете, иногда за нее приходится держаться зубами. Особенно в смутные времена... Когда смерть стала едва ли не обыденным делом. Нам повезло: южноафриканцы обладают удивительной способностью подмечать смешное. Они смеются даже в самых зловещих ситуациях. И над собой тоже. А теперь о китайцах. Знаете, в конечном счете они проиграют. И кроме того, лишатся остатков уважения, которое еще сохранилось в мире по отношению к ним. Далай-Лама пользуется огромным авторитетом. Когда он выступал в Центральном парке, там собралось сто тысяч человек. Толпы! Китайцы должны покончить с этим позором и позволить тибетцам создать реальную автономию.

Подошел официант с большой тарелкой рыбы и овощей для Туту. Остальным он не принес ничего. Лицо архиепископа просветлело.

— Прекрасно, прекрасно. Да благословит вас Господь. Очень хорошо. — И тихонько шепнул мне: — Этот человек очень умен, очень. — А потом взорвался смехом; его широкие ноздри вздрагивали, маленькие глазки жмурились.

— Теперь все мое внимание вашим друзьям. Все мое внимание. — Официанта очень смутил этот неожиданный приступ веселья.

— Я использовал крохотное преимущество, как представитель власти, — я использую его в экстренных случаях. Внушил ему, что мои друзья тоже должны быть облагодетельствованы здешним гостеприимством, — объяснил нам Туту, продолжая смеяться.

— Однако мы все еще не облагодетельствованы, — заметил О'Кваначейн. Я услышал, как урчит у него в животе.

— Это вот-вот произойдет, вот-вот, — уверил его Туту, и тут как раз подошел официант с подносом, заставленным блюдами.

С 1995 до 1997 года архиепископ Туту был председателем Южноафриканской комиссии правды и примирения. В чем состояла его работа? Выслушать 21 000 свидетелей, живописующих факты нарушения прав человека и прочих злодеяний, совершенных во

времена апартеида. Иногда он не скрывал слез, слушая рассказы о пытках, о людях-факелах, выстреливаемых в воздух. Каким было его решение? Ему пришлось простить преступников — ради того, чтобы поскорее затянулись раны.

— Как тогда говорили: чтобы раны не загноились, мы должны вскрыть их и промыть, — рассказывал Туту. — Умастить бальзамом. И, может быть, потом, когда-нибудь, они заживут. Прощение стоит недешево, и примирение — очень непростое дело. Но прощение открывает двери в мирную жизнь тем, кто, возможно, все еще скован прошлым, помогает разбить оковы прошлого и шагнуть в будущее.

В 2004 году Туту был вместе с Далай-Ламой на форуме, проходившем в университете Британской Колумбии. Там он рассказывал о работе комиссии: В ходе заседаний комиссии мы прониклись глубоким смирением и почтением, ибо это великая привилегия — выслушивать людей, которые могли бы пылать совершенно справедливой яростью, чувствовать себя обиженными и вынашивать мысли о мщении. А вместо этого они полны желания простить. Людей нередко могут растрогать примеры людей, которым в жизни выпало много страданий, а они, вместо того чтобы требовать воздаяния, повели себя абсолютно необычным способом.

Молодая чернокожая женщина пришла к нам и рассказала такую историю: «К нам пришли полицейские и забрали меня в полицейский участок. Они завели меня в комнату и раздели. Затем они схватили меня за груди и затолкали их в выдвижной ящик стола. После этого они несколько раз прижали ящиком мои соски, пока не потекла жидкость белого цвета». Теперь вы можете представить себе, насколько ожесточенным должен быть человек, который испытал подобное зверство, насколько огромную жажду мести он должен испытывать. Однако нередко такие люди, как эта женщина, готовы простить. Мы сидели и чувствовали себя глубоко смиренными, осознавая, что нам выпала честь выслушать людей, которые по праву должны чувствовать негодование, гнев и желание отомстить. Однако вместо этого они желают простить.

И еще. Было такое событие, которое называют резней в Бишо. Один из бантустанов, столицей которого был Бишо, решил сделать свою территорию свободной от АНК, а АНК решительно возражал против этого решения, организовав демонстрацию.

В тот день в Бишо собралось несколько сотен сторонников АНК. Солдаты сил безопасности открыли по ним огонь: 29 человек были убиты, 200 ранены.

Слушания проходили в огромном, битком забитом зале. Первым давал показания бывший глава сил безопасности. Он был по-настоящему подавлен, да, даже у меня вызывал сочувствие, хотя я пытался не показывать этого. Напряжение в зале сгустилось настолько, что, казалось, воздух можно ножом резать.

Следующими свидетелями были четверо военных — один белый и трое черных. Отвечал белый. Он сказал: «Да, мы, офицеры, отдали приказ солдатам открыть огонь». Напряжение сгустилось еще сильнее. А он повернулся к сидящим в зале и сказал: «Пожалуйста, простите нас. Прошу вас, простите меня и трех моих товарищей и примите их обратно в вашу общину».

И знаете, что произошло? Зал зааплодировал. Невероятно! Они аплодировали! А когда аплодисменты стихли, я сказал: «Пожалуйста, давайте сохранять тишину. Потому что на наших глазах происходит нечто святое. И правильнее всего в такой момент — снять обувь, ведь получается, что мы с вами стоим на освященной земле». Архиепископ Туту глубоко убежден в действенности прощения, с тех пор как испытал на прочность тысячелетнюю мудрость: африканцы уверены, что человек становится человеком, только взаимодействуя с другими людьми. Они называют это у бунту. Как сказал Туту в беседе с Далай-Ламой в Ванкувере: «Мое человеколюбие неразрывно связано с вашим человеколюбием, и когда ваше человеколюбие усиливается, мое усиливается тоже. Точно так же, когда вы

становитесь бесчеловечным, непреклонным, я тоже становлюсь бесчеловечным. Фактически, прощение — наилучшая форма защиты своих интересов».

Спустя месяц после встречи нобелевских лауреатов в Осло Далай-Лама дал мне в Дхармсале продолжительное интервью. Размышляя над концепцией прощения, он рассказал историю тибетского буддиста Лобсанга Тэндзина. С тех пор как Тэндзин научился истинному прощению, его духовное совершенствование резко ускорилось.

— Тэндзин с оружием в руках боролся за свободу Тибета, он жил в районе Пемпо и был одним из лидеров своей деревни, — начал Далай-Лама. — В 1959 китайцы арестовали его и посадили в тюрьму. Позднее он бежал в Индию. Он ничего не знал о буддизме. Но каким-то образом ему удалось освоить практику внутреннего тепла — тумо, — причем самостоятельно. Этой практикой он занялся довольно поздно, в зрелом возрасте.

Однажды Тэндзин медитировал в пещере и вдруг увидел яркий свет. Это — первый признак того, что человек чего-то достиг в тантрической практике. Тэндзин закрыл глаза, чтобы проверить, исчезнет ли свет. Свет не исчез; наоборот, стал еще ярче. Затем несколько раз перед его взором появлялись цветы, множество цветов. Потом в области пупка он почувствовал обжигающий жар, словно от костра, выстреливающего искрами. Сосредоточившись на нем, Тэндзин понял, что может расширять или сжимать этот пылающий шар и перемещать его. Он переместил шар в область сердца и, удерживая его там, медитировал еще некоторое время. Появившаяся невосприимчивость к холоду оказалась совершенно новым ощущением. Новооткрытая им способность генерировать внутреннее тепло — тумо — внушила ему благоговейный трепет.

Тэндзин продолжал эту практику и приблизительно через год обнаружил, что достиг нового уровня: физическое тепло стало более мощным, а его генерация — более легкой. Он понял, что может направить эту тепловую энергию в центральный психический канал своего тела. Осуществив это, он достиг состояния блаженства, глубокого и длительного.

В начале 1980-х годов Далай-Лама велел Тэндзину, в то время разменявшему четвертый десяток, сконцентрироваться на тумо как на ключевом компоненте духовной практики. Следуя его указанию, Тэндзин разыскал знаменитого мастера тумо — ламу Хьентсе из Манали, маленького высокогорного городка в индийском штате Химачал-Прадеш.

— Ученики ламы Хьентсе практиковали тумо круглый год, используя технику «влажного листа». Даже в самые холодные дни — почти полностью обнаженные, — рассказывал мне Далай-Лама. — Простыня опускается в ледяную воду, потом выжимается; ею оборачиваются и медитируют. Через несколько минут начинает валить пар. Простыня полностью высыхает меньше чем за час. Снова погружаешь простыню в воду, потом обматываешься. За ночь меняешь простыню десять-тринадцать раз.

Как-то практикой тумо заинтересовался доктор Герберт Бенсон из Гарварда. Он прибыл в Дхармса-лу и некоторое время исследовал живущих в горах практикующих тумо. Способность Тэндзина генерировать тепло произвела на него огромное впечатление. Так что, с моего разрешения, его пригласили пройти исследования в Гарварде.

Тэндзина в США сопровождал Карма Гелек — молодой монах, хорошо знающий английский. Он рассказывал мне, что их поездка, которая состоялась в 1985 году, оказалась довольно трудной. После перелета в Бостон через несколько часовых поясов Тэндзин почувствовал себя плохо из-за расстройства биоритмов. Ощущая усталость, он хотел отложить эксперименты с тумо до окончания акклиматизации. Но лаборатория доктора Бенсона работала в очень напряженном ритме, и ждать было невозможно. Эксперименты начались на следующий же день.

Тэндзина подвергли утомительным экспериментам в лаборатории, где температура была не выше, чем в морозильной камере. Экспериментаторы надели под белые халаты пуховые жилеты. Тэндзина же заставили снять верхнее платье, и он остался в тонкой

хлопчатобумажной рубаше. Испытания длились целую вечность. Гелек утверждает, что Тэндзина проморозили до самых костей.

Когда Тэндзин погрузился в глубокую медитацию, приборы зарегистрировали заметное снижение потребления кислорода с соответствующим замедлением метаболизма; теперь он делал только пять или шесть вдохов в минуту по сравнению с нормальными тринадцатью или четырнадцатью. Когда началась генерация тумо, температура его тела повысилась на добрых 10 градусов по Цельсию. Позднее доктор Бенсон писал об исследованиях практикующих тумо (MindScience: An East-West Dialogue, the Dalai Lama et al., Wisdom Publications, 1991): «В ходе этих экспериментов обнаруживается, что процесс медитации приводит к весьма примечательным физиологическим изменениям в организме. Эти изменения имеют прямое отношение к состоянию здоровья [...] влияют на те нарушения, которые вызваны или усугубляются стрессом».

История Лобсанга Тэндзина чрезвычайно меня заинтересовала. Я задался вопросом: как человек, боровшийся за свободу с оружием в руках, человек, привыкший убивать, сумел достичь столь высокого духовного совершенства, да еще в столь зрелом возрасте? Ведь большинство тибетских монахов начинают обучение в монастырях лет с шести-семи.

Карма Гелек рассказывал, что, по словам Тэндзина, его духовная практика началась и стала быстро прогрессировать во время заключения в китайской тюрьме. В тот трудный период Тэндзину открылись две вещи. Первое: он понял, что его страдания в тюрьме имеют не только кармические причины, но и являются прямым результатом совершенных им лично преступлений против китайцев. Второе: он ощутил, что, сосредоточившись на ненависти к китайцам и на мести, он доведет себя до безумия.

Не имея возможности помешать китайцам причинить ему физический вред, Тэндзин в конце концов понял, что китайцы, со своей стороны, все же не в состоянии повредить его умственному здоровью, что его психологические страдания целиком и полностью обусловлены его же собственным отношением, его реакцией на крайне тяжелые условия заключения. Он понял, что если сумеет выработать в себе безразличие или, еще лучше, позитивное отношение к тем, кто держит его в неволе, то сможет спать по ночам. И тогда, каким бы физическим мучениям ни подвергали его китайцы, у него всегда останется безопасное убежище — его разум.

Как говорит Гелек, Тэндзин сублимировал свою ненависть к китайцам. На самом деле он попросту простил их. А некоторое время спустя даже сумел развить по отношению к ним подлинное сострадание. Видимо, это и позволило ему пережить ужасы заключения почти без ущерба для умственного здоровья. Находясь в тюрьме, Тэндзин, пусть даже и несколько поздно, пришел к пониманию исцеляющей силы прощения. Гелек полагает, что именно благодаря этому и произошел «квантовый скачок» в духовном сознании Тэндзина. А также резкий скачок в овладении практикой тумо.

— Так, значит, способность простить своих врагов может подстегнуть духовный прогресс? — спросил я Далай-Ламу.

— Да, да, без сомнения, — ответил он. — Это ключевой момент. Одна из самых важных истин. Это может изменить жизнь. Сдерживая ненависть и другие деструктивные эмоции, можно развить противоположные — сочувствие и доброту. Если в человеке развито сочувствие, глубокое уважение к другим, то прощать значительно легче. В основном мотив такой: я не хочу вредить другим. Прощение стимулирует позитивные эмоции. И помогает нам совершенствоваться духовно.

— Есть ли специальная техника медитации, которую используете лично вы? — спросил я.

— Я использую технику медитации, которая называется «Давай и бери», — объяснил Далай-Лама — Я практикую визуализацию: посылаю окружающим свои позитивные эмоции, — скажем, счастье, любовь. Затем другая визуализация. Я визуализирую, как поглощаю их страдания, их негативные эмоции. Я делаю это каждый день. Особое

внимание уделяю китайцам — особенно тем, кто совершал жуткие преступления против тибетцев. То есть пока я медитирую, я вдыхаю все, чем они отравлены, — ненависть, страх, жестокость. А потом выдыхаю. Выдыхаю все самое лучшее — сострадание, прощение. Мое тело вбирает все плохое. А потом я заменяю все пагубное свежим дыханием. Отдаю и забираю. Я стараюсь избегать обвинений — не обвинять китайцев, не обвинять себя. Эта медитация очень эффективная, она уменьшает ненависть и стимулирует способность прощать.

Глава 5

Самый великий альтруист

Празднование столетнего юбилея Нобелевской премии в Осло было в полном разгаре. Я сидел в баре знаменитой гостиницы «Холменколлен» в ожидании Лоди Гьяри Ринпоче, специального посланника Его Святейшества Далай-Ламы. Зал был полон. Чуть поодаль автор книг о холокосте, лауреат Нобелевской премии мира Эли Визель* погрузился в беседу с соседом, совершенно не обращая внимания на стоящий вокруг него шум. Другой лауреат — Хосе Рамон-Хорта** из Восточного Тимора — сидел за соседним столиком, давая интервью сразу нескольким журналистам.

Со своего места мне хорошо был виден вестибюль Гостиницы. На входе — самые современные металле детекторы. Полдюжины норвежских полицейских в безукоризненно аккуратных, пригнанных по фигуре униформах проверяли каждого входящего. В Осло в дни празднования были приняты меры безопасности, скорее напоминающие введение военного положения. По дороге в «Холменколлен» я даже заметил нескольких полицейских-снайперов в приметной полевой форме, замерших на крыше в стратегически важных местах. Пара реактивных истребителей F-16 были приведены в боевую готовность. Их задача — обеспечивать безопасность временно закрытого для полетов воздушного пространства над Осло.

Лоди Гьяри опоздал минут на пятнадцать и выглядел немного сердитым. Он только что присутствовал на встрече Далай-Ламы с Ричардом Холбруком, проходившей в гостиничном номере главы Тибета. Американский дипломат, бывший посредником во время подписания Балканского мирного договора в 1995 году, прибыл в Осло просить Далай-Ламу официально поддержать выдвижение его кандидатуры на присуждение Премии мира. Лоди, как всегда, был очень элегантен — его костюм, похоже, шили на Севиль-роу. Круглолицый, лощеный и массивный, он выглядел как неизменно вежливый и очень успешный бизнесмен из Азии.

Как и Тэндзин Гейче Тетхонг, личный секретарь, Лоди Гьяри — один из ближайших советников Далай-Ламы. И после главы Тибета Лоди Гьяри, возможно, успешнее всех отстаивает интересы своей страны на Западе. Он остается доверенным лицом Далай-Ламы в течение четырех десятилетий. Именно поэтому я хотел с ним поговорить.

---

* Визель, Эли (р. 1928) — родившийся в Румынии писатель и лектор. Пережил нацистский концлагерь. Основная тематика произведений — геноцид евреев. Лауреат премии мира за 1986 г.

** Хосе Рамон-Хорта получил премию мира в 1996 г. вместе с католическим епископом Карлосом Хименосом Бело за борьбу против индонезийской оккупации.

— Что значит работать у Далай-Ламы? — спросил я.

— Всем известно, что Его Святейшество очень сострадателен, — ответил Гьяри. — Но, кроме того, он невероятно волевой человек; и это прекрасно известно тем, кто работает в непосредственной близости от него. Именно это качество притягивает к нему таких людей, как я.

— Его сила? — уточнил я.

— Да, — он сделал паузу. — Без сомнения, его сострадание — всеобъемлюще. Но, если откровенно, он не слишком легкий босс. И мерит он вас не обычной меркой. Я прекрасно понимаю, что работаю на человека невероятно высоких принципов. И для меня это очень важно, потому что позволяет мне держаться определенных рамок. Я не позволяю себе выходить за их пределы.

— Лоди, вы работаете у него давно. Не сомневаюсь, что вы питаете к нему глубокое уважение, — уважение, гораздо большее, чем обычное преклонение перед Далай-Ламой. Почему?

— Позвольте рассказать вам, что произошло во время волнений на площади Тяньаньмень*, — сказал Лоди Гьяри. — Когда произошла та трагедия, я был министром иностранных дел Далай-Ламы. В то время, после неоднократных спадов и подъемов в отношениях, мы стояли на пороге начала диалога с китайцами. Главой Объединенного фронта был Ян Минфу. Так или иначе, нам удалось наладить контакты. Была достигнута принципиальная договоренность о предварительной встрече в Гонконге, в ходе которой предполагалось определить место и время начала переговоров.

Я понимал, что для Далай-Ламы и всех живущих в изгнании тибетцев нет ничего важнее, чем склонить китайцев сесть за стол переговоров. Все их усилия в последние четыре десятилетия были подчинены этой цели. Большинство здравомыслящих тибетцев полагали, что подлинное сближение с китайцами — это единственный способ спасти самобытность Тибета от приливной волны китайских мигрантов, сметающей буквально все на своем пути. Но, несмотря на громадную моральную силу Далай-Ламы, китайцы крайне редко демонстрировали готовность что-либо обсуждать.

— Когда на площади Тяньаньмень случилась эта трагедия, — продолжал Гьяри, — я как раз готовился к встрече. Прекрасно помню, что я был дома, в Дхармале. За мной заехал один из водителей Его Святейшества — меня немедленно требовали во дворец. Я быстро надел тибетскую одежду; водитель, следуя инструкции, повез меня в резиденцию Его Святейшества, а не в офис. Когда я прибыл, Тэндзин Гейче уже ждал меня. Вдвоем мы направились в комнату Далай-Ламы.

Тогда я впервые увидел Его Святейшество очень, очень взволнованным. Он неподвижно стоял спиной к двери, заложив руки за спину, — необычная для него поза, мне даже вспомнился Наполеон. Не обернулся к нам, когда мы вошли; мы пожали ему руки из-за спины. Далай-Лама напряженно о чем-то думал. Он обошелся без обычных приветствий и сразу спросил: «Вы видели? Видели?»

Конечно, мы видели. По телевидению ничего другого не показывали; конечно, мы поняли, о чем он. Так что ответили утвердительно. Он сказал: «Вы вдвоем подготовите проект заявления, которое я хочу опубликовать: самое резкое осуждение китайского правительства и его жестокой политики по отношению к собственному народу; моя безусловная поддержка молодежи на площади».

---

* 3-4 июня 1989 года на площади Тяньаньмень в Пекине была расстреляна мирная демонстрация студентов и рабочих. Сотни человек были убиты, тысячи ранены и арестованы. После чего последовали массовые аресты, скорые суды и казни.

В моем типично тибетском эгоистичном уме тут же пронеслось: «Боже мой, это означает погубить всякую возможность проведения переговоров, разрушить то, над чем мы так тяжело работали десятилетиями». Его Святейшество сразу же понял, что со мной происходит. И коротко спросил: «Что?» Я сказал: «Ваше Святейшество, вы, конечно, понимаете, что такое заявление пустит под откос все наши усилия, направленные на проведение переговоров, и возможно, на очень долгое время». Я чувствовал, что Далай-Лама обдумывает мои слова, и на какое-то мгновение решил было, что он изменит свою позицию. Но тут он повернулся. Я ощутил мощный энергетический толчок, будто передо мной стоял тигр. Далай-Лама произнес: «Да, верно, вы правы. Но, если я не выскажусь сейчас, у меня не будет морального права когда бы то ни было в будущем говорить о свободе и демократии. Эти молодые люди ничего другого не просят, кроме того же, что и я. И если я не выскажусь в их поддержку... — Лоди задумался, роясь в памяти, подыскивая правильные слова, — мне просто стыдно будет говорить о свободе и демократии».

Лоди замолчал. По привычке я старался сохранять бесстрастное выражение лица. Но это было трудно. Я был глубоко тронут ответом Далай-Ламы. Он недвусмысленно поставил благополучие китайских студентов выше надежд своих соотечественников. Я отвел взгляд. Гул голосов в переполненном баре не стихал.

— Я почувствовал огромное уважение к Его Святейшеству, — продолжил Гьяри. — В то же время я показался себе мелким и очень эгоистичным. Конечно, я не ошибся в своей оценке. Оглядываясь назад, действительно можно сказать, что позиция Его Святейшества убила надежду на переговоры. Дэн Сяопин так и не простил ему этого. Позднее нам стало известно, что он воспринял это как выпад против него лично. Но именно такие вещи заставляют меня чувствовать гордость за то, что я служу Его Святейшеству. Потому что он прямой человек. Он верит в то, что проповедует, и действует в соответствии с этим.

В баре гостиницы «Холменколлен» мы с Лоди Гьяри разговаривали больше часа. Гьяри замечательный рассказчик, и я ловил каждое его слово. Внизу, в вестибюле, возникло какое-то волнение. Мы перегнулись через перила и увидели архиепископа Туту, только что вошедшего в гостиницу. В алом великолепии традиционных одежд, южноафриканец улыбался от уха до уха и излучал доброжелательность мощностью в мегаватт.

Когда мы снова сели, Гьяри вернулся к своему рассказу.

— Его Святейшество впервые посетил Европу в 1973 году, — сказал он. — Тогда я был очень молод и очень радикально настроен. Где-то в середине шестинедельной поездки мы прибыли в Швейцарию. Его Святейшество остановился в частном доме возле Цюриха. Я чувствовал все большее разочарование, поскольку до сих пор в публичных выступлениях он почти ничего не говорил о Тибете.

— Вместо этого он говорил о религии? — спросил я.

— Он говорил о том, о чем говорит всегда, — о всеобщей ответственности, о сострадании, об искренности. Но многие хотели услышать что-нибудь и о Тибете. Мне казалось, он недостаточно делает для тибетцев. Я прекрасно помню дом, где он остановился, огромное шале с прекрасными витражными окнами. Как-то ранним утром я пришел к нему в комнату. Он сразу понял, что я возбужден, что я что-то задумал.

— Он прекрасно чувствует вас, — заметил я.

— Да. Он спросил меня: «Что?» Я сказал: «Ваше Святейшество, я думаю, вам следует больше говорить о Тибете. Это великолепная возможность; нам необходимо рассказать миру как можно больше о страданиях нашего народа». А он ответил: «Да, правильно, я понял. По правде говоря, я тоже думаю, что должен больше говорить о Тибете. Но вы ведь знаете, у многих из тех, кто приходит меня послушать, такая тяжесть на сердце. Они приходят ко мне в ложной надежде, что я в состоянии снять с них эту ношу, а я этого не могу. Однако я чувствую, что не имею права еще больше отяготить их, возложить на них

дополнительный груз проблем, моих собственных». Когда я услышал это, у меня на глаза навернулись слезы.

Лоди Гьяри замолчал и отвернулся. Без сомнения, это воспоминание растрогало его. Наконец настало время прощаться. Мы встали, он заглянул мне в глаза:

— Виктор, я уверен в одном. Его Святейшество — самый великий альтруист, которого я знаю.

Гьяри стиснул меня в медвежьих объятиях и вышел из гостиницы к ожидавшему его автомобилю. Ему не довелось стать свидетелем многих исторических событий Нобелевского празднования в Осло. Как всегда, он спешил на самолет.

Глава 6

Без резиновых уток

Воздух в личной часовне Далай-Ламы, превращенной на пять дней в конференц-зал Десятой конференции «Разум и жизнь», вибрировал от нервного трепета ожидания и возбуждения. Все внимание присутствующих было обращено на Стивена Чу, американского физика, нобелевского лауреата. Он сидел на месте распорядителя справа от Далай-Ламы; позади него высилась большая медная ваза со свежесрезанными цветами. Чу готовился объяснить Далай-Ламе и собравшимся гостям тонкую связь, существующую между математикой и квантовой механикой.

— Что такое математика? — начал он, обращаясь к главе Тибета. Лично я не был готов к такому вопросу; видно было, что Далай-Лама тоже несколько озадачен. Он не ответил, и Чу продолжал: — Ну, большинству людей математика внушает страх.

Зал взорвался смехом. Двумя короткими фразами Чу сумел всех развеселить. Эрик Ландер, генетик из Бостона, сидевший справа от Чу, схватился толстыми руками за живот. Далай-Лама, сидевший в обычной для него позе лотоса в удобном кресле, улыбался, слегка раскачиваясь из стороны в сторону.

Чу набрал пароль на ноутбуке, стоящем перед ним на низком столике. На большом экране, закрывающем противоположную стену, появилось изображение: одна утка в верхнем ряду, две — в среднем и три — в нижнем.

— Это технический объект. Называется он — «резиновая утка». Мы помещаем уток в ванну, — сказал Чу, указывая красным лазерным лучом на одинокую утку вверху. — Итак, одна утка, две утки, три утки. Мы может добавлять уток...

В маленьком конференц-зале началось что-то невообразимое. Ландер хлопал себя руками по бокам и хохотал во все горло. Чу запнулся на середине предложения, его кадык ходил вверх-вниз. На одну-две минуты он потерял контроль над аудиторией, потом прилив веселья схлынул и обстановка вернулась в рамки порядка.

На лице покачивающегося Далай-Ламы сохранялась улыбка. Но она напоминала улыбку сфинкса. Он казался немного отстраненным, не похожим на себя самого. Я почему-то ожидал, что он будет смеяться громче всех.

Тхуптен Джинпа, переводчик Далай-Ламы, наклонился к нему и что-то сказал по-тибетски. У меня мелькнула мысль: возможно, Далай-Лама не понимает культурного контекста. Он, скорее всего, никогда не играл с резиновыми утками в ванне. Скорее всего, о резиновых утках в Тибете и слыхом не слыхивали. Он просто не понимал, из-за чего все так заходится.

— Это можно проверить экспериментально! — вопил генетик, все еще охваченный приступом смеха.

— Действительно, это было проверено экспериментально много, много раз, — сказал Стив Чу, с трудом беря себя в руки. — В некотором смысле, это реальность. Итак, мы знаем, как добавлять уток. Теперь, если у нас есть две утки и мы заберем одну, у нас останется одна утка. Но что, если у нас всего одна утка: возможно ли забрать две? — Он посмотрел на Далай-Ламу, пожал плечами и развел руками. — Что произойдет? — спросил Чу. — Ну, совершенно неожиданно произойдет нечто новое. Процесс вычитания приводит математиков к изобретению отрицательных чисел. А затем мы устанавливаем правила — правила сложения и вычитания, например. Это приводит к комплексным числам... числам, в состав которых входит квадратный корень из минус единицы. И именно комплексные числа позволяют нам описывать процессы квантовой механики.

Разрешение посетить эту конференцию в Дхарм-сале, проходившую в октябре 2002 года, мне выдал личный секретариат Далай-Ламы. Около полусотни участников — ученых, приглашенных гостей (среди которых были Ричард Гир и Голди Хон*) и небольшая группа тибетских монахов — заполнили маленький зал в резиденции Далай-Ламы. Тема заседания — «Природа материи, природа жизни», среди присутствовавших — всемирно известные специалисты по комплексным числам, генетики, эволюционисты, буддистские философы и, конечно, физики. С 1987 года встречи Далай-Ламы с западными неврологами, физиологами и философами проходят регулярно. Результатом этих встреч стали несколько научно-исследовательских работ и многочисленные публикации.

Мне нравится дух товарищества в среде ученых, и я оценил чувство юмора Стива Чу. Этот физик-очкарик удостоился Нобелевской премии в 1997 году. Он нашел способ охлаждать газы лазерным излучением, замедляя атомы, имеющие при комнатной температуре скорость 4000 км/ч, до скорости 2 см за тот же отрезок времени. Он заставил их плавать в «атомной ловушке», создавая действием лазерного излучения то, что он назвал «оптической патокой».

Чу, несомненно, приводило в восхищение, что он находится в Дхармсале. Он получал удовольствие в возможности объяснить Далай-Ламе понятия материи и жизни с позиций физики. Как раз перед началом выступления, где он приводил в пример резиновых уток, Чу напомнил тибетцу об их первой встрече.

— Ваше Святейшество, — сказал Чу, — может, вы помните... Мы встречались шесть лет назад в Стэнфорде. Во время дискуссии, которая продлилась с утра до ланча. Это было очень важное событие в моей жизни, — последние слова были сказаны совсем тихо, и Чу несколько раз моргнул. Затем, взяв себя в руки, продолжал в своей обычной непринужденной манере: — Прибыв сюда, я узнал много замечательных вещей. Конечно, что-то и от своих западных коллег, но главным образом — от вас и от тибетских монахов. Я надеюсь когда-нибудь вернуться и узнать больше.

Именно такой взаимный обмен знаниями, по представлениям Далай-Ламы, и был целью конференции «Разум и жизнь». Он надеялся, что ученые смогут открыть новые направления исследований, научившись смотреть на действительность с позиций буддизма, а буддисты, как ему кажется, смогут почерпнуть полезные сведения о современной науке.

— Моему интересу и тесным контактам с учеными уже более пятнадцати лет, — сказал мне Далай-Лама. — Мне кажется, все больше и больше ученых начинают проявлять подлинный интерес к диалогу с буддистами. Я вижу в этом нечто полезное, и не только для удовлетворения собственного любопытства. Диалог между учеными и буддистами может помочь расширить границы человеческого знания. В последние два-три года мы проводим

---

* Известные американские киноактеры.

научные обследования некоторых специально отобранных тибетских монахов. Я уверен, что мы начали нечто верное, нечто полезное для широкой общественности.

Но у Далай-Ламы есть еще одна причина для организации этих встреч буддистов и ученых, и именно ее он считает наиважнейшей.

— Все хотят жить счастливо — более спокойно, более мирно, более успешно, — продолжал объяснять мне свои отношения с учеными Далай-Лама. — А для этого очень важно совершенствовать внутренний мир — эмоции. Это очень важно. Я не говорю о религиозной вере. Я не говорю о небесах, освобождении или будущей жизни. Речь идет о более счастливых индивидуумах, более счастливом обществе. Все хотят, чтобы повсеместно укоренились общечеловеческие ценности — забота о ближнем, чувство сопричастности. В результате все мы станем более открытыми, а наши возможности расширятся. И тогда проблемы, с которыми мы неизбежно сталкиваемся, нанесут гораздо меньший ущерб нашему внутреннему миру.

Мудрость древних индусов предполагала жертвовать знаниями и техникой ради совершенствования духа. Да, конечно, достижения науки порождают огромную ответственность. Но, я думаю, тем более важно развитие внутренних ценностей. Возьмите нью-йоркские события 11 сентября. Они ясно показали, что современные технологии, подчиненные человеческому разуму и управляемые негативными эмоциями вроде ненависти, могут вызвать катастрофу. Колоссальную катастрофу, приносящую страдания множеству людей. Для того чтобы технологии использовались более созидательно, важнейшим фактором является мирный внутренний настрой. Вот главная причина, чтобы искать пути сближения современной науки и древней мудрости. Работая бок о бок, они найдут способ сделать мир лучше.

Меня заинтересовали слова Стивена Чу о его первой встрече с Далай-Ламой. Несомненно, это событие оказалось для него очень важным. Поэтому, когда физик закончил свое выступление, я спросил его, не согласится ли он встретиться с Далай-Ламой и мною для приватной беседы. Чу ответил, что мысль об аудиенции не приходила ему в голову. Он приехал в Дхармсалю с единственной целью: узнать, как относится буддизм к передовым достижениям физики. Но моя идея ему нравится. Конечно, он почтет за честь встретиться с главой Тибета.

В последний день конференции Стив Чу, его жена Джин и я явились в зал для приемов и кое-как устроились на кушетке напротив Далай-Ламы. Американский китаец был одет очень просто: в светло-голубую рубашку и бежевые слаксы. На ногах пара поношенных теннисных туфель — в Стэнфорде он известен как страстный любитель тенниса. Тэнздин Гейче, гораздо более академичный и внушительный в сером тибетском одеянии, сидел в стороне.

— Вчера, выступая на конференции, вы придерживались азиатских традиций, — начал разговор Далай-Лама, обращаясь к Чу. — Скромность. Подчеркнули ограниченность ваших знаний. А во время объяснения продемонстрировали полную компетентность.

— Когда ученый объясняет, он всегда напоминает себе: это мы знаем, а это — нет, — заметил Чу.

— Это правильно. Я замечал, истинные ученые... они непредубежденные наблюдатели. Не слишком много воображения; всегда стараются понять реальность, — сказал Далай-Лама.

— Стараемся, — сказал Чу.

— Итак. Нобелевский лауреат. По происхождению китаец. И этот мой старый друг, — Далай-Лама указал на меня, — тоже предположительно китайского происхождения. Но сейчас скорее полукитаец. — Его знаменитый баритональный смех заполнил приемную. Он всегда при любой возможности высмеивает мои западные пристрастия.

— Обычно, когда я приезжаю сюда, чтобы увидеться с Его Святейшеством, я оказываюсь единственным китайцем среди тибетцев. А сейчас у меня появилось подкрепление, —

сказал я, хлопнув американского китайца по коленке. — Но есть различие: один китаец — умный, а другой — совсем тупой. Я прекрасно понял объяснение про резиновых уток. А вот остальное оказалось для меня совершеннейшей физикой.

Чу улыбнулся, покачал головой. Далай-Лама подался вперед, сосредоточив внимание на ученом.

— Позавчера один генетик рассказывал нам о Бостонском исследовательском центре, — начал Далай-Лама. — А потом сообщил, что у центра существуют филиалы в Европе и даже один в Пекине. Так что я почувствовал — ученые действительно представляют все человечество. Для них не важны расы, нации или идеология. Они просто продолжают исследования, независимо ни от чего.

— Это верно, по крайней мере для большинства ученых, — согласился Чу.

— Необходима такая же атмосфера среди политиков, среди мировых лидеров, — продолжал Далай-Лама. — Иногда они слишком фокусируются на своих идеологиях, своих нациях. Тогда появляются ненужные проблемы. Это печально. Возьмите китайцев и тибетцев. Две тысячи лет между нами существовали тесные связи. Время от времени — борьба, убийства друг друга. Время от времени — тесная дружба. Сегодня все усложнилось.

Далай-Лама вздохнул и продолжал:

— Моя главная забота не о тибетской нации. Моя главная забота о тибетских традициях: комбинации буддизма, логики и философии. Это не только древняя культура, это также очень изощренное и уместное в современном мире знание — как глубже понять наши эмоции, как преобразовывать наши эмоции. Я понимаю, что сохранение тибетской духовности важно не только для шести миллионов тибетцев, но и для более широкого сообщества. Особенно для наших китайских братьев. Они очень многое утратили из своего богатого наследия. Традиции тибетского буддизма могут внести свой вклад; их сохранение полезно для всех.

— Профессор Чу, — вставил я, воспользовавшись паузой, — вы поддерживаете тесные контакты с научной общественностью Китая. Как, по-вашему, китайцы относятся к Тибету?

— Большинство людей получают информацию о Тибете из контролируемых правительством источников, — ответил Чу. — Они говорят: мы должны быть очень осторожны, Далай-Лама очень хитер. Не профессора, конечно, а молодые. Но постепенно происходят изменения. Правительству все сложнее контролировать прессу, особенно Интернет. Оно пытается; даже пробовало избавиться от Google. За несколько недель властям удалось направить все программы поиска через подотчетные правительству поисковые системы. Но в конце концов затея провалилась. Слишком многие знали обходные пути.

— Кроме того, все больше и больше китайцев ездят в Тибет, — добавил Далай-Лама. — Прежде приезжали просто туристы. А теперь многие прибывают в Тибет как паломники. Недавно я услышал, что тибетские монахи в Лхасе получают в качестве пожертвований приблизительно 6000 юаней в год. Эквивалент...

— 800 долларов, — подсказал я.

— Нет, нет, нет... Я хотел сказать... — Далай-Лама явно огорчился, что не может подобрать точных слов. Он повернулся к Тэндзину Гейче и заговорил с ним по-тибетски.

— Его Святейшество говорит, что пожертвования монахам почти равно... — начал Гейче.

— Нет, нет, нет, — прервал его Далай-Лама. Он наконец нашел слова, соответствующие его мыслям. — Сумма, которую монахи получают за год от китайских туристов, равняется зарплате партийных кадровиков, работающих на правительство. Источник доходов монахов — не тибетцы, а, главным образом, китайские паломники. Так что, хотя ситуация

в Тибете все еще сложная: притеснения, репрессии, но они уже получают деньги от китайцев. Он громко рассмеялся.

Нескрываемое веселье Далай-Ламы, казалось, загипнотизировало Джин Чу. Тэндзин Гейче, обычно образец сдержанности, тоже широко улыбался.

— Это позитивные признаки, — продолжал Далай-Лама. — Сейчас у некоторых тибетских лам обучается множество китайцев. Один лама из Восточного Тибета посвятил шестьсот китайских буддистов. Вот явные признаки того, что китайцы проявляют истинный интерес к тибетской культуре. И все же мы должны подружиться с еще большим числом китайцев. И лучше всего для этого подходят американские китайцы, канадские китайцы. Чу, казалось, задумался.

— Я езжу в Китай приблизительно раз в год и встречаю все больше и больше людей, желающих обсуждать реальные проблемы, — сказал он. — В частных беседах, таких, как эта, на самом деле обсуждают действия правительства. Вероятно, я мог бы поднять вопрос о Тибете... — Он подумал, а потом решительно закончил: — И спросить, почему этот вопрос не поднимался прежде. И не только вопрос о тибетской культуре. О Фалун Гонге, например, и вообще о вопросах духовности.

— Правильно, правильно, — согласился Далай-Лама.

Некоторое время все молчали. Похоже, мы понимали друг друга без слов. И тут я вспомнил, о чем хотел спросить Стивена Чу.

— Вчера вы сказали, что ваша встреча с Далай-Ламой в Стэнфорде оказалась для вас очень важным моментом жизни. Почему?

Чу повернулся к Далай-Ламе.

— Тогда я впервые почувствовал ваше воздействие. Перед встречей я прочел вашу биографию. И совершенно не понимал, чего ожидать. Как ученый, я был настроен немного скептически. Ну, думаю, вы понимаете. А затем... то, как вы держите себя. Вы сразу же мне улыбнулись. Меня поразило, что все, что я о вас слышал, оказалось правдой. Я почувствовал, что вы очень душевный человек, очень добрый, вы действительно любите людей, даже тех, кого не знаете. То, что вам почти не требуется времени, чтобы сформировать в себе добрые чувства к новому человеку, глубоко меня поразило.

Чу сделал паузу.

— У меня в лаборатории работает аспирант, — продолжал он. — Очень умный парень, вырос в Гонконге. Я сказал ему, что собираюсь встретиться с Далай-Ламой. Он слегка удивился и сказал, что считает Далай-Ламу трусливым политиком.

Все засмеялись.

— Я ответил ему, что встречал разных политиков и они ведут себя совершенно по-разному, — продолжал Чу. — А студент возразил: «Но он глава государства». «Да, — ответил я. — Он глава государства, но я не думаю, что он политик».

Далай-Лама передвинулся на край кресла. Подавшись вперед, удобно расположив руки на коленях, он смотрел в пространство, собираясь рассказать историю.

— Много лет назад, — начал он, — я познакомился с одним китайцем. Он изучал китайский буддизм, конфуцианство. Работал в Америке. Его друзья, китайские бизнесмены из Нью-Йорка, говорили ему: «Далай-Лама не религиозный человек, он, главным образом, политический деятель. Другие тибетские ламы — это да, среди них есть истинные духовные мастера. Но Далай-Лама не из их числа». Поэтому он не хотел ехать ко мне учиться. Но приехал, из любопытства. Он заметил, что Далай-Лама достаточно искренний, достаточно сострадательный. Он многое узнал обо мне и хорошо изучил мое поведение. В конце концов он стал моим близким духовным другом. Он называл меня своим учителем, фактически я его посвятил. Так что не только коммунисты, но и широкая публика придерживается этой ложной точки зрения. Поскольку я несу ответственность за Тибет,

СМИ создали впечатление, что Далай-Лама не просто буддистский монах, он — главным образом политик.

Он сделал эффектную паузу. И добавил:

— Хотелось бы надеяться, сильный политик.

Когда смех утих, Далай-Лама обратился к Джин Чу, которая до этого молчала:

— Скажете что-нибудь?

— Вчера мы посетили тибетскую детскую деревню, — начала она, — и меня поразило, что вам удалось сохранить свою культуру здесь, в Дхармсале. Вы покинули родину, но продолжаете сохранять самобытность. Я думаю, это потрясающий пример для других людей.

Далай-Лама начал было отвечать, но передумал и обратился к Тэндзину Гейче по-тибетски.

— Ваше замечание очень воодушевляет, — перевел Гейче.

— Да, — сказал Далай-Лама. — С самого начала, сорок три года назад, нашей главной заботой стало сохранение тибетской культуры. Открытие школ, детских деревень и всего прочего. Мы создавали тибетские колонии на юге Индии. По тому же принципу: сохранить нашу культуру. И я горжусь, утверждая, что тибетская традиция, буддийское знание в чистом виде существуют вне Тибета.

— И еще, мы узнали замечательную вещь — буддизм очень открытый, — добавила Джин.

— Он в состоянии воспринять различные знания и впитать эти знания, обогащая буддистское сообщество.

— Спасибо, — сказал Далай-Лама. — Именно поэтому цель каждого живущего в Индии молодого тибетца: уехать в Америку.

И он снова от души рассмеялся. Подошло время возвращаться вверх по склону на очередное заседание конференции.

Глава 7

Алмазы в перекрестьях сети

Далай-Лама вышел из белого бронированного «амбассадора» и, шаркая ногами, направился к помосту, сооруженному возле внушительной ступы Сарнатх. Несколько сотен паломников и монахов ожидали, когда он начнет учить. Тем январем Далай-Лама отправился в паломничество по самым священным буддийским уголкам Индии, наметив довольно необычный маршрут. Сарнатх — первая остановка. Два десятка высших лам в традиционных бордовых одеждах, выстроившись вдоль дорожки для приветствия, держали необычайно толстые ритуальные ароматические свечи.

Меня поразила гротескная поза Далай-Ламы — он шагал к ним, согнувшись едва ли в пояс. Как и многие тибетские монахи, он сутулится — это естественная поза смирения, которая со временем становится привычной, — и сейчас, когда он выставил плечи вперед, создалось впечатление горба. Далай-Лама тепло и дружески приветствовал лам, самых прославленных в тибетском буддийском пантеоне. В свою очередь, старейшие духовные учителя упорно соревновались в том, чей поклон будет самым низким.

Приближаясь к установленному на помосте украшенному маргаритками трону, Далай-Лама остановился посмотреть на ступу — необычного вида сооружение высотой с десятиэтажный дом, немного похожее на советские двухступенчатые ракеты; только верхушка у него почти плоская, а не обтекаемая. Чудесное строение, возведенное приблизительно два тысячелетия назад, настолько изъедено ежегодными муссонными дождями, что не меньшим чудом кажется то, что она все еще стоит. Со всех сторон ступу

окружали строительные леса из бамбука — намечалась полная реконструкция. На нижние перекладыны лесов паломники привязали бесчисленное количество белых ритуальных шарфов.

Ступой отмечено место, где Будда произнес свою первую проповедь сразу же после просветления, происшедшего под деревом бодхи в Бодхгайе. Для многих Сарнатх — место рождения буддизма. Полторы тысячи лет после смерти Будды эта религия процветала в Индии, пока ее господство не было подорвано исламом. Однако за последние тридцать лет Сарнатх снова стал центром буддийской мысли. Здесь появилось не менее дюжины новых храмов и монастырей, представляющих все течения буддизма, и каждый сезон паломничества сюда стекаются толпы верующих.

Далай-Лама рассказывал мне, что Сарнатх — одно из тех мест в Индии, которые вызывают у него сильнейший эмоциональный отклик. Именно сюда он совершил паломничество почти сразу после бегства из Тибета в 1959 году. Двухтысячная толпа несчастных тибетцев, которые, направляясь в изгнание, за несколько недель до того дня пересекли Гималаи, ждала его перед большой ступой. Они выглядели ужасно: большинство из них потеряли в пути родных; некоторые сильно обморозились. Без смены одежды, с несколькими взятыми второпях семейными ценностями, они разбили лагерь в полноводной долине Сарнатх и возвели временные жилища, чтобы хоть как-то выжить.

Когда 24-летний Далай-Лама увидел эту толпу, он не сдержался и заплакал. Все, что он перенес за несколько последних тревожных месяцев — постоянно усиливающееся китайское давление в Лхасе, бегство и мучительный переход через Гималаи, окончательное понимание, что он теперь изгнанник, — все в тот миг слилось воедино. Противоречивые чувства, которые он так долго сдерживал, прорвались наружу. И он плакал, как никогда не плакал прежде.

Моя первая встреча с Далай-Ламой произошла в марте 1972 года. До сих пор помню, как я боялся. Я почти ничего не знал о китайско-тибетских отношениях, но одно знал наверняка: китайцы убили многих тибетцев, когда оккупировали их землю. Я боялся, что отношение главы Тибета ко мне будет неприязненным. В конце концов, с тех пор как он жил в изгнании, я мог оказаться первым китайцем, которого он увидел бы перед собой.

— Может быть, вы помните, — сказал я Далай-Ааме во время недавнего интервью в Дхармсалле, — что вопрос, занимавший меня во время первой аудиенции в 1972 году, был таким: ненавидите ли вы китайцев? Тогда вы ответили мне, что не испытываете к ним ненависти; сказали, что искренне простили им. К тому времени прошло почти тринадцать лет с тех пор, как вы, Ваше Святейшество, оставили родину. Ваше великодушие очень меня удивило.

— Это буддийская практика, — ответил Далай-Аама. — Я не уникален в этом смысле. Большинство практикующих тибетцев относится к китайцам так же. Прощение и сострадание — важные составляющие практики.

— А какие чувства вы испытываете к китайцам сегодня?

— Думаю, вы заметили мое отношение к китайцам и во время учения здесь и в Тайване, — ответил Далай-Лама. — С верующими и мирянами, с тайваньскими должностными лицами и даже с тайваньскими телохранителями я очень дружелюбен. Я реагирую дружески, возможно потому, что говорю на ломаном китайском еще с детства — мы жили в северо-восточной части Тибета. Если китаец демонстрирует подлинное дружелюбие, я реагирую совершенно произвольно. Но, в любом случае, где бы я ни оказался, кого бы я ни встретил — черного африканца, индуса, китайца или европейца, — мне кажется, разница небольшая.

Я промолчал, но подумал, что его ответ не совсем точен. Мне кажется, Далай-Лама всегда испытывает волнение, общаясь с китайцами, особенно с жителями самого Китая. Он очень много вкладывает в эти встречи и довольно часто в результате его переполняют эмоции.

Мне вспомнилась его встреча с известным китайским писателем Ван Ликсионом в Вашингтоне. Ван — первый китаец, сумевший серьезно и беспристрастно высказаться о текущей ситуации в Тибете.

Эта встреча проходила не совсем обычно. Далай-Лама не ждал посетителя в номере гостиницы, как делает обычно, а встретил китайского автора возле лифта, выйдя ему навстречу в сопровождении телохранителей и главных советников. Такого уважения удостоиваются немногие, по крайней мере я почти никогда такого не видел. Далай-Лама тепло поприветствовал Вана по-китайски: «Ни хао». Взял его за руку и повел в свой номер. Они уселись на кушетках рядом с кабинетным черным «Стейнвеем» и некоторое время молча смотрели друг на друга: монах в бордовом одеянии и писатель в темно-синем китайском жакете. Внезапно Далай-Лама притянул Вана к себе и уперся лбом в его лоб. Прошло десять, двадцать секунд. Когда они отстранились друг от друга, глаза у тибетца были влажные. Позднее, в книге, где собраны их беседы, Ван писал: «Возможно, он воспринял меня как представителя китайцев, которые из поколения в поколение жили на землях около Тибета. Хотя в прошлом он встречал нескольких китайцев, они были по большей части эмигрантами, которые давно не имеют корней в Китае».

— Вы спрашиваете, почему я испытываю к китайцам теплые чувства, — продолжил Далай-Лама свою мысль. — В основе всех моих чувств, взглядов — взаимозависимость. Например, когда я был на Тайване, я встречался с руководством ДПП*. Я сказал им: что касается Тибета, сейчас я не добиваюсь независимости. И еще сказал, что Тайваню тоже нужно хорошенько поразмыслить над сложившимися между ним и Китаем связями. Тайваню нужны особые, чрезвычайно тесные отношения с Китаем — и по экономическим причинам, и для безопасности, и для всего прочего. Это важно и для всего связанного взаимозависимостью мира. Тибет экономически и экологически очень сильно зависит от китайцев. Китайцы становятся богаче — это выгодно тибетцам, если они останутся в Китае. Если же мы отделимся, в конце концов тибетцы могут столкнуться с очень большими трудностями.

— Мой «срединный путь» в этом вопросе: не отделяться от Китая, сохранить экономические связи с КНР. В то же время — полная автономия, самоуправление. Культура, образование, окружающая среда, духовность: с этим сами тибетцы могут справиться лучше. Я уверен, что наши тибетские традиции, тибетская духовность могут помочь миллионам китайцев. Некоторые китайские художники, некоторые китайские мыслители уже проявляют интерес к Тибету, к тибетскому буддизму. Так что — Китай и Тибет. Не разделенные. Помогающие друг другу, взаимозависимые.

Как и во многих других вопросах, которыми он глубоко озабочен, в вопросах китайско-тибетской политики Далай-Лама опирается на буддийские представления о взаимозависимости всех вещей, которые он впитал, как ткань впитывает масло, еще в детстве. Для него реальность жизни похожа на сеть Индры, прославленного еще в древней мифологии. Вселенная представляется огромной сетью, сплетенной из бесчисленных нитей. И к каждому перекрестью прикреплен алмаз. Каждый алмаз бесчисленными гранями отражает абсолютно все другие алмазы — как бесконечное множество зеркальных залов, — и каждый связан со всеми другими бесчисленными и непостижимыми взаимоотношениями. Возмущение в одной части сети вызывает вибрации, которые затрагивают, хотя бы и слегка, все другие ее части. Это как «эффект бабочки». Взмах крыльев бабочки в Пекине может вызвать микроскопические атмосферные изменения, которые через некоторое время повлияют на погодные условия в Ванкувере.

---

* Демократическая прогрессивная партия — правящая партия Тайваня.

Если же говорить о людях, я не могу быть полностью уверен в безопасности своих дочерей, если дети Кабула или Багдада в опасности. Для Далай-Ламы реальность жизни — единое целое: все взаимосвязано и ничто не существует само по себе. Известная тибетская поговорка гласит: каждое существо было когда-то твоей матерью, как и ты когда-то был матерью каждого существа. Эта мысль должна вдохновить нас, заставить упорно воспитывать в себе уважение к благополучию других и способность обуздывать собственную раздражительность. Далай-Лама продолжал:

— Если говорить обо мне, о моем тибетском опыте, то разрушения, смерти — все случилось. Болезненный опыт. Но месть... она несет еще большие несчастья. Так что взгляните под более широким углом зрения: раз в мести нет ничего хорошего, остается — прощение... Прощение не подразумевает, что вы просто забываете прошлое. Нет, вы помните прошлое. Но следует понимать, что все прошлые страдания проистекали из ограниченности мышления обеих сторон. И вот теперь — время прошло. Мы чувствуем себя более мудрыми. Думаю, это единственный путь.

— Как вы развиваете способность к прощению? — спросил я.

— Прежде всего, основываясь на личном опыте, я думаю о других, включая моих так называемых врагов. Они ведь люди — такие же люди, как и все. У них есть такое же право достигнуть счастья и избежать страданий. Красоту, свежесть, улыбки любят все. А преступления и кровопролитие не любит никто. Теперь второе. Мое будущее связано с другими людьми, и с врагами тоже; а мои интересы связаны с их интересами. Например, моя страна и мой народ очень прочно связаны с китайцами. Наше будущее в большой мере зависит от них. Забота о них в конечном счете выливается в заботу о нас.

— Но что лично вы чувствуете по отношению к китайцам? — спросил я Далай-Ламу. — Возможно, были какие-нибудь личные драмы, связанные с китайским вторжением и затронувшие непосредственно вас?

— Непосредственно меня? Да нет, в общем, не было. Но когда я услышал, например, от одного тибетца, который сидел в китайской тюрьме... Он еще жив, теперь живет в Непале. Он рассказал мне, что в той тюрьме сидел тибетский мальчик. — Далай-Лама изменил позу — опершись на подлокотники, он переместился на край широкого кресла. — Мальчику было шестнадцать; согласно китайской конституции, он не достиг возраста, с которого предусмотрена ответственность за преступления. Но он сидел в тюрьме: его должны были скоро казнить, поскольку отец мальчика сражался против китайцев. Однажды вошли китайские солдаты с оружием.

Один из офицеров нашел в углу железный прут и избил им мальчика, отец которого убил нескольких солдат этого офицера. Из мести, удовольствия ради, офицер бьет железным прутом юношу, которому все равно предстоит умереть. Когда я услышал это... — Далай-Лама закрыл лицо руками. — Я заплакал.

Меня тронула эта трагическая история: каким жестоким может быть взрослый человек по отношению к молодому и ни в чем не повинному! Но главным чувством в тот момент был стыд. Я был отвратителен сам себе и чувствовал себя виновным — чуть ли не соучастником. Как и другие китайцы, которых я знаю, я склонен отождествлять свое поведение с поведением этнических китайцев вне зависимости от того, где они проживают. Если, например, находясь в Ванкувере, я читаю, что китайский ресторан в Шанхае подает посетителям собачатину, я непроизвольно съеживаюсь от стыда.

— А как эта история о тибетском мальчике повлияла на ваше отношение к китайцам? Как она согласуется с концепцией взаимозависимости? — спросил я после паузы.

— Сначала меня охватил гнев, а потом я почувствовал жалость к офицеру, — ответил Далай-Лама. — Поступки офицера определяются его мотивацией, а его мотивация зависит от пропаганды. Пропаганда же утверждает: отец-контрреволюционер — зло. Уничтожение зла — добро. Такая вера — порочная вера. Вам не в чем обвинить человека. В таких

обстоятельствах даже я мог бы поступить похожим образом. Но если рассуждать, придерживаясь моей веры, гнев вытеснят прощение и сострадание. Взаимозависимость открывает нам целостную картину: это случается потому-то, а это случается из-за того-то. Ясно?

Далай-Лама обладает редкой способностью ставить себя на место другого человека. Особенно если этот человек — его враг. Он когда-то сказал мне, что считает своих врагов самыми ценными учителями. Он любит друзей и дорожит ими. Но верит, что именно враги бросают нам вызов, который стимулирует нас развивать в себе такие качества, как прощение и сострадание. Прощение и сострадание, в свою очередь, являются необходимыми составляющими спокойствия духа.

— Сущность буддизма: с одной стороны — сострадание, с другой — принцип взаимозависимости, — продолжал Далай-Лама. — И я всегда говорю людям, насколько важно различать действующее лицо и само действие. Мы должны протестовать против дурного действия. Но это не означает, что мы против того человека, который действует. Одно действие завершено, за ним следует другое, когда этот человек может проявить себя как друг. Вот почему сегодня китаец — враг, а завтра он, возможно, станет другом. Поэтому мне нетрудно простить китайцам то, что они сделали с моей страной и моим народом.

Далай-Лама расслабился, резко откинулся на спинку кресла. А потом неожиданно заявил: — Но если бы я был там и встретился с китайским солдатом, с тем офицером, который бил мальчика... Если бы я был там и у меня было ружье, я не знаю... — Он поднял правую руку, покоившуюся на животе, сжав пальцами воображаемое ружье. Озорная улыбка тронула его губы. — В такой момент я могу застрелить китайца, — сказал Далай-Лама, пожимая плечами. Он поднял руки, развел их в стороны и пожал плечами. А потом захихикал.

Я не присоединился к этому веселью. Вообразить такой сценарий — для меня это чересчур. Я спросил Далай-Ламу:

— Даже с вашей практикой буддизма?

— Возможно. В таких напряженных обстоятельствах — возможно. Иногда размышление запаздывает. Сначала срабатывает действие.

Глава 8

Винтовка в спальне

Полуденное солнце приятным теплом согревало древние развалины университета Наланда. Далай-Лама в окружении сотни монахов сидел на траве, читая молитвы, как раз напротив руин девяностофутовой ступы. Все они прибыли сюда как паломники, чтобы поклониться великим индийским буддистам, которые учились и преподавали в Наланде. Глава тибетцев не был здесь более двух десятков лет.

Откуда-то появилась белая собака и подошла к собравшимся монахам. Она переменяла несколько мест и наконец уселась, комично наострив уши и повернув голову к Далай-Ламе. Посидев немного, прислушиваясь, по-видимому, к раскатам его баритона, она улеглась, намереваясь поспать.

Я подошел к краснокирпичной ступе. Впечатляющая тысячелетняя руина напоминала гигантскую, отдельно стоящую каменную лестницу. Карабкаясь по полуразрушенным стенам, я быстро добрался до маленькой часовни без крыши. В нише одной из стен сохранился барельеф божества. Искусно вырезанное изображение, нежное и изящное, пребывало в первозданном виде. Бедро и плечи подчеркнута развернуты в разные стороны

— то есть божество запечатлено в движении. На сердцевидном лице выражение полнейшего внутреннего спокойствия, на губах — нежная улыбка.

Я долго восхищенно разглядывал этот барельеф под умиротворяющие звуки тибетских молитв.

Далай-Лама прекрасно осознает, скольким обязан тибетский буддизм учителям индийского буддизма, которые жили и учили в Наланде со II по IX век н. э. — золотой век индийской мысли. Наланда — самый крупный и самый известный университет Древней Индии. Великие посвященные, буддистские цари Гупта и Пала, были его покровителями. Тысячу лет Наланда — Гарвард того времени — притягивал лучших и самых ярких людей всей Азии. В дни расцвета университета здесь жили десять тысяч студентов и полторы тысячи преподавателей. В конце XII века армии мусульман обрушились на Наланду. Всех монахов вырезали, их библиотеки, пораженные невероятным собранием рукописных книг, были сожжены. Буддизм был уничтожен на собственной родине.

Далай-Лама уверен: без ученых и практикующих Наланды не было бы и самого тибетского буддизма в том виде, в каком мы знаем его сегодня. «Каждый текст, который мы заучиваем наизусть, все эти тексты написаны учителями Наланды, — объяснял мне Далай-Лама. — Поэтому имена учителей, особенно Нагарджуны, буддистского учителя II века, очень близки нам. Они — истинные. Мы практикуем согласно их текстам».

Развивая учение Будды, Нагарджуна создал теорию реальности, основанную на идее взаимозависимости всего сущего. Далай-Лама за несколько десятилетий полностью постиг сущность этой концепции. Взаимозависимость обуславливает его поведение и его взгляды на жизнь.

Взаимозависимость — идея не самая простая для понимания. Далай-Лама объяснял мне ее на примере своего видения проблемы мирного сосуществования с китайцами. Теперь, сопровождая его в Наланду, куда он прибыл, чтобы поклониться Нагарджуне, я попросил его разъяснить мне эту концепцию подробнее.

Мы находились в его комнатах на верхнем этаже тибетского монастыря в Бодхгайе. Как обычно, с нами был Лхакдор, монах-переводчик.

Далай-Лама кивнул. Наклонился, развязал шнурки и аккуратно поставил в сторону свои коричневые полуботинки, сел, сложил ноги в позу лотоса. В этой позе он и просидел те два часа, что продолжалась беседа. Взаимозависимость — одна из любимейших тем Далай-Ламы, и он находил удовольствие в том, чтобы объяснять ее мне.

— Идея взаимозависимости позволяет расширить и углубить наше видение жизни, — начал Далай-Лама. — Чем менее ограничен ум, чем менее он привязан к деструктивным эмоциям вроде гнева, тем больше в нем прощения. В сегодняшнем мире все нации взаимозависимы, взаимосвязаны. В этих обстоятельствах уничтожение врага — своего соседа — означает уничтожение в конце концов самих себя. Вы нуждаетесь в вашем соседе. Благополучие соседа вам выгодно.

Нет, речь не идет о полном избавлении от таких чувств, как гнев, привязанность или гордость. Только об их обуздании, снижении накала страстей. Взаимозависимость важна потому, что это не просто концепция; она действительно помогает уменьшить страдания, порождаемые разрушительными эмоциями.

— Можно сказать, что концепция взаимозависимости — это способ осознания действительности, — продолжал Далай-Лама. — Мы понимаем, что наше будущее зависит от всеобщего, глобального благосостояния. Следование этой концепции помогает развить широту ума. Ограниченный ум стремится создавать привязанности, склонен к ненависти. Думаю, самый положительный момент в концепции взаимозависимости — это то, что она объясняет законы природы. Самым серьезным образом она касается, например, окружающей среды.

Взаимозависимость — фундаментальный принцип не только буддизма, но и экологии. Принцип взаимозависимости основан на таком представлении: все сущее связано неким непостижимым, но вещественным образом. В итоге все сущее зависимо друг от друга. Все мы вплетены в сеть Индры.

Я вдруг вспомнил то, что когда-то прочел о Чарльзе Дарвине. Как-то он выдвинул несколько фантастическую идею, что обожающие кошек старые девы сделали Лондон одним из самых приятных мест в мире для проживания. Рассуждал он так. Большое количество кошек и котов, которых держат эти дамы, оказалось фактором, сдерживающим прирост мышей. Что положительно сказалось на шмелях — их подземные гнезда теперь реже разрушались мышами-мародерами. Большее количество шмелей, в свою очередь, способно опылить большее количество цветов. Таким образом, Дарвин пришел к выводу, что чем больше будет в Лондоне старых дев, любящих кошек, тем больше в нем будет цветов.

Похожие взгляды изложил когда-то вьетнамский учитель буддизма Тхич Нхат Хан: «Если вы поэт, вы увидите в листе бумаги облако. Ведь без облака не пойдет дождь, без дождя не вырастут деревья, без деревьев не из чего будет делать бумагу».

Все эти годы я замечал, насколько экономно личный секретариат Далай-Ламы расходует бумагу. Все бумаги, которые я когда-либо получал от них, всегда напечатаны на чистых оборотных сторонах уже использованных листов. Личные секретари Его Святейшества просто фанатики в смысле утилизации бумаги и добросовестно стараются не задевать экологической чувствительности своего босса.

Мне представляется, что эти скромные усилия по спасению деревьев Далай-Лама предпринимает, руководствуясь концепцией взаимозависимости. Его личный секретариат за прошедшие десятилетия сумел спасти несколько деревьев. Большее количество деревьев улучшает естественную среду обитания цветов и других растений. Большее количество деревьев, цветов и других растений создает благоприятные условия для поэтов, а поэты, обитающие в благоприятных условиях, пишут больше и лучше. Увеличение поэтической продукции гарантирует, что в специализированных книжных магазинах станет шире ассортимент поэтических сборников. Стало быть, из того, что Далай-Лама стремится экономить бумагу, извлекут пользу любители поэзии.

Я оставил фантазии о Дарвине, поэтах и цветах, чтобы спросить Далай-Ламу:

— Как развивалось ваше понимание взаимозависимости?

— С течением времени, с течением времени, — ответил он. — Духовный рост требует времени. Это ведь не то, что включить свет: повернул выключатель — и светло. Скорее, это похоже на разжигание костра: сначала маленькая искорка, затем огонек, потом он растет, становится ярче и ярче; вот так. Так происходит любая трансформация мышления. Нет, не то чтобы до определенного уровня, до определенного момента — темнота... а потом появляется свет. Нет, не так. Постепенно, постепенно. Сначала почти ничего не заметно. Поэтому я часто говорю людям: духовное развитие — процесс медленный, мы не видим результатов неделями, месяцами. Долгие годы. Но если мы сравним свои нынешние представления с теми, что были десять или двадцать лет назад, мы заметим некоторые изменения. Так я говорю другим. Но и в моем случае все так же.

— И каковы ваши сегодняшние представления? — спросил я.

— Поскольку я размышляю и анализирую взаимозависимость много лет, я уже хорошо освоил этот принцип, — ответил Далай-Лама. — Поэтому я всегда смотрю на все, не забывая истины о взаимозависимости, и картина постепенно проясняется, а бывает, начинаешь видеть все в совершенно новом свете. Понимание ситуации приходит без усилия — почти произвольно. Приведу пример: в Монголии при большом стечении... — он перешел на тибетский.

— Его Святейшество был в Улан-Баторе, — перевел Лхакдор. — Во время учения, рассуждая о взаимозависимости, он ощутил, что все, кто находились перед ним, да и он сам, стали менее реальными — все стало непрочным, будто лишилось своей формы, все переплелось. Появилось отчетливое ощущение, что он каким-то образом непосредственно связан с аудиторией. Ощущение было таким, будто границы его личности исчезли.

Опыт Далай-Ламы напомнил мне о работе Эндрю Ньюберга и Юджина д'Аквилли — двух американских ученых, которые долгие годы изучали связь религиозного опыта и функций мозга. Для самого известного из своих экспериментов они пригласили молодого американского буддиста по имени Роберт.

В затемненной лаборатории Роберт, к мизинцу которого была привязана длинная бечевка, погрузился в медитацию. Ученые, сидящие в отдельной комнате, держали бечеву за другой конец.

Час спустя бечевка дернулась, давая знать Ньюбергу и д'Аквилли, что Роберт достиг глубокого уровня медитации. Тогда ему внутривенно ввели радиоизотопный цветовой индикатор. Он попал в кровоток, проник в клетки мозга, и на новейшем приборе один за другим через определенные промежутки времени перед учеными появились последовательные изображения мозговой активности Роберта. Ученые заметили нечто необычное: на пике медитации активность задней верхней теменной доли коры головного мозга Роберта, называемая иначе «координационно-ассоциативной областью», или КАО, заметно снизилась.

КАО работает как устройство, объединяющее гироскоп, радар и CPS. Когда мы движемся, совершая повседневные действия, КАО работает как суперкомпьютер, постоянно вычисляя любое изменение положения нашего тела по отношению ко всему, что нас окружает. Это позволяет нам никого не задеть, проходя через переполненный ресторанный зал, или ехать на велосипеде по переполненной улице.

В ходе прежних исследований Ньюберга и д'Аквилли было установлено, что КАО никогда не отключается. Тогда откуда это снижение активности КАО у Роберта? Могло быть только одно объяснение: когда Роберт достиг трансцендентного состояния в процессе медитации, сенсорный вход КАО оказался заблокированным. А без постоянного притока входных данных «суперкомпьютер» не смог очерчивать физические границы Роберта. И сделал единственно возможный вывод: Роберт не имеет никаких физических границ, он един со всем, что его окружает: людьми, предметами, всем сущим.

Когда позднее Роберта спросили, что он ощущал в кульминационный момент медитации, он ответил: «Мне казалось, что я часть всех и каждого, всего существующего. Что я связан со всем». Это было как раз то, что столетиями повторяли духовные учителя и йоги. И это удивительно походило на то, что только что рассказал мне Далай-Лама: когда он сосредоточился на взаимозависимости, он увидел мир иным — предметы и люди показались ему лишены жестких физических границ; в моменты духовного озарения физические границы между тобой и всем прочим исчезают, размываются, становятся зыбкими. Благодаря подобному опыту Далай-Лама гораздо глубже ощущает связь между собой и другими.

— Вы говорили мне, что можете ощутить взаимозависимость, просто подумав о ней, — сказал я Далай-Ламе. — Для примера, возьмем вас и меня. Когда вы думаете о взаимозависимости, я выгляжу для вас как-то иначе?

— Остаетесь человеком, но... но не таким, каким выглядите, не жестко очерченным. Несколько расплывчатым. Связь между нами сильнее, сострадание сильнее, — ответил Далай-Лама. Он на мгновение задумался и снова обратился к Лхакдору по-тибетски:

— Через понимание взаимосвязанной реальности вы приходите к пониманию, что, если что-то хорошее случается с другими, вам это тоже пойдет на пользу, — пусть не сразу, но пойдет. Если другие страдают, то в конечном счете пострадаете и вы. Таким образом,

усиливается ваша способность сострадать даже тем людям, чьи представления о жизни совершенно отличны от ваших. Сострадать им становится легче, — перевел Лхакдор.

— Например, Саддам Хусейн, — продолжил Далай-Лама. — Заглянув в глаза президента Буша, я понял его чувства: Саддам для него — на 100 % отрицателен, абсолютно отрицателен. Единственное, что остается, — уничтожить его. Но реальность далека от этого.

— Какова же реальность? — спросил я.

— Думаю, есть два уровня. На обыденном уровне, с обыденной точки зрения, Саддам Хусейн не стопроцентно порочный человек от рождения — не абсолютное зло. — Ладони Далай-Ламы кружились друг вокруг друга, формируя невидимую сферу. — Его порочность сформировалась под воздействием множества факторов, а не сама по себе. Не изолированно. Она связана со многими другими факторами, включая самих американцев. Во время войны в Заливе все обвиняли Саддама Хусейна. Я понимал, что это несправедливо, и сочувствовал ему.

Далай-Лама сочувствовал Саддаму Хусейну? Человеку, который принес бедствия миллионам людей? Я начал постигать простую истину о Далай-Ламе. Его взгляды на мир и способ его мышления — сколь бы рациональными и вдохновенными они ни были — очень отличаются от моих.

— Диктатура Саддама Хусейна не свалилась с неба сама собой, — объяснял Далай-Лама. — Саддам Хусейн — диктатор, захватчик, плохой. — Он перечислял пункты, загибая пальцы; выражение лица было серьезным. — Но все скверное он совершал не без помощи армии. Без армии, без оружия он не стал бы агрессором. А оружие производит не Ирак, оно поступает с Запада. Западные компании помогли создать этого агрессора. Они создали его, а теперь обвиняют. Неправедливо. — Далай-Лама наклонился вперед, его голос поднялся на тон выше. Разговор явно взволновал его. — Значит, на обыденном уровне Саддам Хусейн не стопроцентный негодяй, — сказал он. — Теперь более тонкий уровень: когда некто, например Буш, испытывает отрицательные чувства к Саддаму Хусейну, в его глазах Хусейн — нечто однородное, отдельное, самовластное и абсолютно скверное. — Далай-Лама вытянул перед собой сжатый кулак и зафиксировал на нем взгляд. — Точно так же в глазах Саддама Хусейна... — Далай-Лама захихикал и, хоть и с трудом, закончил фразу: — Буш — нечто очень плохое. Абсолютное, отдельное, независимое... воплощение зла. — Каждое слово сопровождалось громким смешком, а плечи непроизвольно вздрагивали. Далай-Лама получал огромное удовольствие, посмеиваясь над самым могущественным мировым лидером. Справившись со смехом, он подвел итог:

— Итак, в обоих случаях — существенное непонимание реальности. Их реальности — просто фантазии.

— Вы говорите, что Саддам Хусейн не стопроцентное абсолютное зло, потому что, например, он может быть хорошим в глазах своей жены? — спросил я Далай-Ламу.

— О да, да, — с энтузиазмом согласился Далай-Лама. Он был доволен, что я ухватил нить его рассуждений. — Если обстоятельства изменятся, такой человек может стать хорошим. Это вполне возможно. Другой пример. В глазах Бен Ладена Америка — стопроцентное зло. Такое заблуждение чревато бедствиями. Для Бен Ладена весь Запад — антимусульманский, а Америка — мировой агрессор. И он приходит к выводу, что это однородный, имеющий четкие границы, отдельный враг. Это — неправильное представление действительности.

— Каким же должен быть его взгляд на действительность? — спросил я.

— Америка — часть арабов, значит, Америка — часть его самого, — ответил Далай-Лама без колебаний.

— Взаимозависимость? — нерешительно произнес я.

— Да, взаимозависимость. И не только Америка. В Западной Европе тлеет недовольство тамошними мусульманами. Но ни Америка, ни Европа не являются стопроцентно

антимусульманскими. Безусловно, нет. Значит, снова придуманный образ. Узость взглядов. Ошибка. А вот взгляд с точки зрения взаимозависимости — шире и человечнее. Нет ничего отдельного, ничего такого, за что можно было бы ухватиться. Такой взгляд предотвращает жесткие привязки и привязанности — потому что нет объекта, за который можно ухватиться. И наши пристрастия и жажда обладания по отношению и к предметам, и к людям становятся слабее.

За несколько десятилетий постоянной практики вневременная истина о взаимозависимости стала частью сознания Далай-Ламы. Она формирует его мысли, представления и поступки. Он приступает к осуществлению своих планов, реагирует на события в мире, ища и находя взаимозависимости. Он не боится спорить с общепринятым мнением. Он принимает решения не под влиянием советников и не на основании опросов общественного мнения. Его сочувствие или по меньшей мере не слишком сильная неприязнь к Саддаму Хусейну — результат его особого способа видения, преломляемого призмой взаимозависимости.

Тут есть и еще кое-что. У Далай-Ламы сложилось впечатление, что США и их союзники попросту напали на иракского диктатора и его несчастных сограждан, живущих в пустыне. Тибетский лидер по своей природе всегда сочувствует слабейшему, возможно, из-за сострадания, вызванного взаимозависимостью. Я пришел к этому выводу, когда однажды получил разрешение провести с ним утренние часы в Дхармсальской резиденции.

В тот день, окончив медитацию, Далай-Лама поднялся и предложил показать мне свое жилище. Из безмятежной атмосферы внутренних покоев мы попали в коридор, ведущий к просторной гостиной. Взяв за руку, Далай-Лама повел меня в маленькую, скромно обставленную комнатку. Большую часть облицованного деревянными панелями помещения занимала маленькая односпальная кровать, рядом на столике стояла лампа под абажуром в форме лотоса и портативный радиоприемник.

— Это моя старая спальня, — сообщил Далай-Лама. — В прошлом году после нескольких предупреждений о землетрясении я перебрался в комнату на первом этаже.

Он указал на несколько выцветших фотографий. То были портреты тибетских монахов, его учителей. Среди них — редкая фотография самого любимого из них, ныне покойного, старшего наставника Линга Ринпоче; на ней известный своей строгостью учитель едва заметно улыбался. В углу — групповая фотография семьи Далай-Ламы: он с братьями, сестрами и родителями.

И тут я увидел на стене нечто неуместное, даже шокирующее. Над кроватью Далай-Ламы висело ружье. Оно висело вертикально, на кожаном ремне. У меня был с собой фотоаппарат, и я уже собрался сфотографировать этот столь неуместный здесь предмет.

— Нет, нет, нет, не снимайте, — поспешно остановил меня Далай-Лама. — Люди могут сделать неверный вывод, что Далай-Лама склонен к насилию и любит оружие.

Я послушно опустил камеру. И вдруг меня пронзила неприятная, даже раздражающая мысль: с каких это пор Далай-Лама беспокоится о том, что подумают другие? Он повел себя неожиданно, совсем не так, как Далай-Лама, к которому я привык. Неужели Далай-Лама — противоречивый человек?

Далай-Лама рассказал, что эта пневматическая винтовка у него уже несколько десятилетий.

— Я часто подкармливаю маленьких птичек, но когда они прилетают, прилетают и ястребы. Этого я не люблю. Большие ястребы поедают маленьких птичек. Поэтому, чтобы защитить этих маленьких живых существ, я держу пневматическую винтовку. Не для того, чтобы убить, только чтобы отпугнуть.

Глава 9

Пустота на Орлиной горе

Пять индийских командос живым щитом окружили Далай-Ламу, взбиравшегося по крутой тропинке на Орлиную гору к одному из ключевых мест паломничества буддистов. Эти первоклассные бойцы отборного подразделения индийской армии были одеты во все черное: хлопковые рубашки с длинным рукавом, отглаженные брюки и развевающиеся концы головных повязок. Еще одна повязка прикрывала нижнюю часть лица, так что видны были только глаза, поэтому парни напоминали грабителей банков. И каждый вооружен. Два профессиональных снайпера несли снайперские винтовки. Эти высокие — более шести футов ростом — широкоплечие, прекрасно обученные парни и без оружия производили бы внушительное впечатление.

Позади тянулась группа солдат в хаки и голубых беретах. Я никогда прежде не видел, чтобы в Индии Далай-Ламу сопровождала такая серьезная охрана. Далай-Лама крайне редко отправляется в паломничество в это отдаленное место в штате Бихар — беднейшем и склонном к анархии штате страны, где властям никак не удается навести порядок.

Далай-Лама поднимался медленно и осторожно, опираясь на не слишком надежную с виду палку, но не останавливался. Время от времени он перебрасывался короткими фразами с эскортом, но по большей части молчал. Пройдя четверть пути, снял бордовую накидку и вручил ее Рочунгу, своему послушнику, который аккуратно сложил ее и спрятал в квадратный пакет. В одном месте Далай-Лама сошел с тропинки, чтобы осмотреть маленькую пещерку, специально вырытую для медитаций. В ней две с половиной тысячи лет назад уединялся для медитации некий последователь Будды.

К тому времени, как мы достигли вершины Орлиной горы, Далай-Лама совсем взмок. Остановившись, он запустил руку под монашеское одеяние и вынул кусочек ткани, которой промокнул лоб и лицо. С легким поклоном Тэндзин Таклха, как всегда наготове, протянул руку, чтобы забрать использованный платок. Но Далай-Лама спрятал его назад.

Вершина Орлиной горы — крошечный плоский участок — с трех сторон окаймлена скалистыми выходами. С четвертой — острый, как нож, кряж круто спускается в долину. Плоский участок занят подковообразным кирпичным строением высотой приблизительно в половину человеческого роста. На низкие стены прилеплены бесчисленные жертвенные свечи.

Далай-Лама простерся ниц, а затем, поднявшись, подошел к краю площадки, чтобы посмотреть на плоскую долину Раджгира, раскинувшуюся в трех часах езды от Бодхгайи. Бурая скучная дорога делила на две части зеленеющие поля и тянулась куда-то вверх, в окружающие долину горы. Великолепный вид. Но Далай-Лама недолго изучал долину. Его мысли сосредоточились на молитве — на сутрах мудрости, объясняющих понятие пустоты. Он пришел сюда именно затем, чтобы произнести их. Именно на этом месте две с половиной тысячи лет назад Будда изложил доктрину пустоты — основу буддизма.

Далай-Лама неизменно затрагивает тему пустоты в своих лекциях и интервью. Он снова и снова повторяет, что все, чему учил Будда, может быть сведено к основной идее о сплавлении пустоты с состраданием. Вот формула счастья: Пустота + Сострадание = Счастье.

Далай-Лама утверждает, что для начала мы должны достичь мудрости, научившись видеть мир таким, как он есть. Мудрость подразумевает верное видение.

Обладая мудростью, мы можем видеть все сущее вокруг нас верно, без предвзятости. Тогда наш взгляд проникает сквозь туман неведения, как лазерный луч. Для этого мы должны достичь подлинного понимания пустоты. Что есть пустота? Говоря «пустота», мы говорим,

что предметы лишены индивидуальности, собственного неотъемлемого существования. Рассуждая так, мы придем к окончательному выводу, что ничто — ни люди, ни мысли, ни автомобили — не может существовать независимо, самостоятельно. Эта точка зрения на окружающий нас мир ведет к просветлению.

Такой подход выдвигает на первый план трудноуловимую, но неопровержимую истину: для нашей жизни и для всего, что нас окружает, определяющей является взаимозависимость, а не независимость или автономность. Никто из нас не является отдельным островом. Мир — широкая сеть переплетающихся между собой событий, людей и вещей. Эти переплетения могут быть трудноразличимыми, но они существуют, всегда присутствуют, скрытые под поверхностью. Но для совершенствования мудрости нам нужен соответствующий метод. И что же это за метод? Просто развивать сострадание.

Сострадание — это мне по силам. Пусть я не слишком часто сострадаю в реальной жизни, но все же вполне понимаю, в чем смысл этой идеи. Другое дело пустота. Хотя мне известно, что она имеет фундаментальное значение, хотя у меня есть некоторое мирское понимание базовой концепции, но более тонкие моменты вызывают у меня определенные трудности. И все же за прошедшие века об этой древней, трудной для понимания идее — идее, которая имеет реальное значение для современной жизни, — были написаны целые библиотеки. Возможно, я просто запутался в семантике, не в силах отвлечься от примитивного, обыденного значения этого слова. «Пустой», в соответствии со словарем, существующим у меня в голове, означает «ничто». Но для Далай-Ламы все в мире — то, что вы называете предметами, людьми, животными, мыслями, эмоциями, целями, — является пустым. Поскольку все переплетено, не существует никакой независимости-автономности. Поскольку нет независимости, значит, нет ничего, что существовало бы само по себе. Мне кажется, это довольно трудная концепция для понимания.

Во время одной из наших бесед Далай-Лама сказал: — Согласно буддийским представлениям, пока, медитируя, отчетливо и непосредственно не ощутишь пустоту, очень трудно избавиться от разрушительных эмоций.

На этой встрече присутствовал Нгари Ринпоче — младший из братьев Далай-Ламы. Большую часть времени он просто слушал. Но после этого замечания вскочил на ноги:

— Виктор не любит пустоты! Он не захотел слушать мои рассуждения на эту тему.

Далай-Ламу это рассмешило.

— Ринпоче как всегда насмехается надо мной, — пожаловался я Далай-Ламе. — А мне очень хочется понять, что такое пустота. И я надеюсь, вы сможете придумать объяснение, понятное даже такому обывателю, как я.

— Вы прослушали так много моих лекций, — сразу ответил Далай-Лама. — Вы столько раз приезжали в Дхармсалю. Вы записывали каждое мое слово. Чего же еще вы от меня ждете? Безнадежный студент.

Но я не единственный. Мне доподлинно известно, что и Опра Уинфри* испытывает сложности с концепцией пустоты.

В мае 2001 года я сопровождал Далай-Ламу в поездке по США, проходившей в ураганном ритме — девять городов за двадцать один день. Главным событием считали встречу Далай-Ламы с американским президентом Джорджем Бушем. Однако мне она запомнилась не тем, что на ней говорилось (в большей мере эта встреча была демонстрацией взаимного уважения), а тем, во что обулся Далай-Лама: в Белый дом он надел обычные пластиковые вьетнамки индийского производства.

---

* Уинфри, Опра — американская актриса и ведущая одного из самых популярных телешоу, в котором принимали участие многие духовные лидеры и учителя.

После встречи с президентом Далай-Лама вернулся в гостиницу, где его уже ждала Опра в сопровождении целой армии фотографов, визажистов и редакторов принадлежащего ей и очень успешного журнала «О». Их проводили в элегантный номер Далай-Ламы, где и должно было состояться часовое интервью.

Беседа началась достаточно удачно. Опра спросила:

— Вам когда-нибудь доводилось прощать себя?

— В некоторых случаях, не очень важных, вроде нечаянного убийства насекомого, — ответил Далай-Лама.

— Убийства насекомого, — повторила Опра. — Насекомого, гм... Хорошо.

Далай-Лама продолжал:

— Глупый вопрос, — немедленно ответил Далай-Лама.

Такого ответа никто не ожидал. Лицо Опры вытянулось. В номере повисла звенящая тишина. Всех пронзила одна мысль: скорее всего Опре впервые сказали в лицо нечто подобное.

Далай-Лама задумался.

— Должны ли люди медитировать? Думаю, да, — сказал он после паузы. Вопрос, возможно, был глупым, но он постарался ответить на него подробно. — Миру стоило бы больше смотреть вглубь себя. Но нам недостает старания. Я не говорю, что люди должны быть религиозными. Этого я не утверждаю. Я говорю так: мы должны больше сосредоточиваться на своем внутреннем потенциале.

— О, я согласна! — воскликнула Опра, явно расслабившись. — Именно поэтому я и задала этот глупый вопрос. — Все засмеялись. — Я хотела, чтобы вы сказали это, но я, конечно, согласна.

— Конечно, заставлять никого нельзя. Это должно быть добровольное решение, — продолжал Далай-Лама.

Но теперь, когда напряжение исчезло, Опра захотела сменить тему.

— Я не очень благосклонно отношусь к москитам, не всегда мирно. К клопам тоже.

— И это — все? — Опра явно не верила своим ушам. — За всю жизнь не набралось ничего такого, за что вам пришлось бы прощать самого себя?

— Возможно, еще маленькие ежедневные ошибки, — спокойно ответил Далай-Лама. — Но серьезных ошибок, кажется, не было.

— Никаких серьезных ошибок, — повторила Опра, обдумывая сказанное. Она замолчала и уставилась в окно.

Когда она в конце концов решила продолжить, в ее голосе слышалось благоговение:

— В вашей жизни не было ничего, о чем стоило бы жалеть. Хорошая жизнь... жизнь прекрасна, если не о чем сожалеть.

— Для служения Тибету, служения буддизму, служения человечеству... я сделал все, что мог, — сказал Далай-Лама. — А что касается моей духовной практики, иногда я обсуждаю свой опыт с теми, кто более продвинут в медитации, — даже с теми, кто провел годы в горах, практикуя концентрацию мысли, — я не слишком отстаю от них.

— Вы бы одобрили желание всего остального мира медитировать? — спросила Опра.

— В своем журнале я веду колонку «Что я знаю наверняка», — сообщила она. — Что вы знаете наверняка? В чем вы не сомневаетесь?

Далай-Лама ни секунды не колебался.

— Сострадание — лучший источник счастья. И для счастливой жизни, и для счастливого мира. Тут нет сомнения.

— То, что мы даем другим, вернется сторицей? Я согласна с этим.

— Это хорошо... когда так много согласия, — засмеялся Далай-Лама. — Несмотря на различие культур, идей, способов жизни. Но все мы похожи, все мы люди.

— Когда вы говорите «люди», вы подразумеваете, что все мы обладаем сознанием?

— Немного сложнее, — ответил Далай-Лама. — Если нам не нужны подробности, мы все время повторяем: человек, человек. Но если проанализировать, что такое человек, мы не сможем найти ответа.

— Не сможем?

— В этом суть буддийской концепции пустоты. Пустота не означает, что ничего не существует. Вещи, явления существуют, но способ их существования мы постичь не можем. Поэтому они пустые.

— А-а... — Опра обдумывала эту премудрость.

Далай-Лама продолжал:

— И об этой вазе можно сказать «пустота», — он указал на емкость для цветов, стоявшую на кофейном столике, — она существует, но способ ее существования мы не можем постичь. Поэтому она пустая. Пустая сущность.

Мне показалось, что Далай-Лама хочет полнее объяснить журналистке понятие пустоты. Но Опра охватили сомнения.

— Это будет слишком сложно для моих читателей, — заявила она. И начала спрашивать Далай-Ламу о его детстве в Тибете.

В июльском номере журнала «О» читатели Опры нашли развлекательную и отлично проиллюстрированную статью о Далай-Ламе. Но в ней не было ни слова о пустоте. А через несколько месяцев после интервью Опры я, чтобы узнать побольше об этой трудноуловимой концепции, отправился в маленький городок — место буддийского паломничества, в Индию, в Бодхгаю.

Глава 10

Мудрость прощения

Известный корейский ученый в безупречном черном псевдоконфуцианском одеянии с высоким воротничком и длинными просторными рукавами сидел перед Далай-Ламой, положив ногу на ногу.

Шел январь 2002 года. Мы сидели в комнатах Далай-Ламы на верхнем этаже тибетского монастыря в Бодхгае на подушках, накрытых тибетской тканью. Я чувствовал легкое раздражение. Предполагалось, что Далай-Лама даст мне по крайней мере два интервью, перед тем как в маленьком городке, где Будда достиг просветления, начнет большое посвящение Калачакры для 200 000 паломников. Но этот Ким Йомг-Оак, выпускник Гарварда и ведущий популярного корейского телешоу о конфуцианстве, явился неизвестно откуда и сумел договориться об аудиенции, которая и состоялась днем ранее. Но, очевидно, он настолько впечатлил Далай-Ламу, что ученому предоставили вторую аудиенцию. Я беседовал с Далай-Ламой два дня назад, и, похоже, этой беседой все и ограничится.

— Может быть, это очень глупый вопрос... — задумчиво произнес кореец, обращаясь к Далай-Ааме.

Он снял похожую на головной убор американских моряков шляпу без полей, обнажив бритую голову. Я решил, что ему немного за пятьдесят.

— всю свою жизнь, — продолжал он, почти не делая пауз между словами, — вы много учились и много тренировали свое тело. Вы изучили все виды практик. Вы — великий мудрец. Можете ли вы рассказать мне о чем-нибудь личном, о каком-нибудь озарении?

Вопрос удивил меня. Он был слишком личный и даже дерзкий, особенно для всего лишь второй встречи. Однако мне было интересно услышать ответ. Откроет ли Далай-Лама что-нибудь глубоко личное этому почти незнакомому человеку, будет ли обсуждать с ним

то, о чем великие вероучители почти никогда не говорят? Расскажет ли об опыте духовного пробуждения?

Далай-Лама отклонился назад, лицо его стало очень серьезным.

— Этому телу — шестьдесят шесть лет. Но на духовном уровне я очень молод, — доверительно сообщил тибетский монах и от души рассмеялся над собственной шуткой, содрогаясь всем телом. — Но конечно, концепция вечного непостоянства и концепция пустоты — очень сильны. И очень полезны, — сказал он, задумавшись. — Особенно концепция пустоты.

Ким вытащил блокнот и стал записывать.

— Нагарджуна говорил, что пустота означает взаимозависимость или взаимосвязанность, — сказал Далай-Лама, наклоняясь к корейцу. Нагарджуна — индийский учитель II века, чье учение стало основой тибетского буддизма. — Пустота не означает небытие, — продолжал Далай-Лама, наклонившись к корейцу. — Пустота полна, а не пуста. Реализация пустоты, понимание пустоты... Думаю, у меня есть некое рациональное ее понимание. Пустота — вы можете думать о ней как о взаимозависимости — помогает нам расширить наши представления. Наши представления о мире, наши представления о чьей-то отдельной жизни. Понимание пустоты действительно их расширяет. Обрести такие глобальные представления очень полезно.

Далай-Лама оторвал взгляд от корейца и что-то коротко сказал по-тибетски Лхакдору, монаху-переводчику.

— Кофе, чай? — предложил Лхакдор, сидевший на полу рядом с Далай-Ламой.

— Все равно. Э-э... чай, — отозвался кореец.

— А может, кофе? — участливо предложил Далай-Лама.

— Да, кофе...

— Кореец, американизированный Гарвардом, — пошутил Далай-Лама.

— Ладно, чай, — отозвался кореец. — Да, возможно, я слишком американизировался. Но несмотря на то, что я получил образование в иной стране, я считаю самым традиционным человеком в Корее.

— Это очень хорошо. Очень хорошо, — закивал Далай-Лама.

— Вот, например, одежда. Этот костюм я придумал сам, — сказал Ким, оглаживая свое черное одеяние. — Но обычно я ношу вполне традиционную одежду. И никогда западную. На интервью Ким привел с собой двух фотографов и секретаря. Один из этих молодых людей тихонько фотографировал, стоя сбоку. Ким повернулся к нему и что-то сказал, фотограф переместился за спину Далай-Ламы, видимо, чтобы босс попал в фокус.

Далай-Лама жаждал продолжения беседы.

— Так вот, пустота и сострадание, — сказал он корейцу, не обращая внимания на вспышки камеры. — Конечно, для начала мы воспринимаем эти идеи на интеллектуальном уровне. Понимаем положительные стороны сострадания и разрушительное действие эгоизма. Следовательно, так оказывается влияние на наши эмоции. Наши эмоции постепенно меняются. Это — буддийский путь. Использующий разум, использующий интеллект. Далее мы получаем некоторый опыт сострадания и понимания пустоты. И этот опыт приносит пользу. Большую пользу. А получив этот опыт, мы полностью убеждаемся, что дальнейшая практика принесет еще большую пользу. Гарантированно. Если разовьете эти способности, обретете мир и счастье.

— Ваше Святейшество, вы можете рассказать что-нибудь о пустоте? — спросил кореец. Я был рад, что он, как и мы с Опррой, испытывает сложности с пониманием этой концепции.

— Существует два уровня реальности, — начал объяснение Далай-Лама. — Один уровень реальности: вы видите, что это стол. — Он легко провел левой рукой по низкому столику. Потом указал на кружку с горячей водой — это питье он предпочитает всякому другому в любое время дня: — Это вода.

— Привычная реальность, — кивнул кореец.

— И как доказать существование этой привычной реальности? — спросил Далай-Лама, ставя кружку прямо перед собой. — Эта вода существует. Я чувствую... это вода. — Он наклонился к столу, заглянул в кружку и, чтобы подчеркнуть свою мысль, несколько раз макнул в воду указательный палец. Снял очки и склонился над кружкой так, что глаза оказались всего в нескольких дюймах от нее. — Смотрим еще раз. Все равно вода.

Далай-Лама выпрямился, надел очки и показал на Лхакдора, сидевшего на ковре справа.

— Спросите любого — все равно это будет вода. Значит, принимаем: это реальность.

— Вы говорите о привычной истине? — спросил Ким Иомг-Оак.

— Да, о привычной истине. Но давайте представим, что совершенно неожиданно я увижу в кружке сок — желтый сок. — Далай-Лама снял очки снова. Вытер глаза тыльной стороной ладони и опять заглянул в кружку. — Тогда я снова внимательно смотрю: и вижу — вода. Значит, это доказывает, что первое впечатление было неверным, что привидевшийся мне желтый цвет — ошибка. Когда я посмотрю внимательно, я не увижу никакого сока.

Далай-Лама надел очки и несколько мгновений пытливо смотрел на корейца, пытаясь понять, осознал ли тот сказанное. Понял ли, что наше ежедневное восприятие можно поставить под сомнение. Физические аномалии, особые условия освещения могут заставить нас видеть вещи неправильно.

— Другой пример. Положим, я — дальтоник и вижу все черно-белым. — Далай-Лама показал на кружку и сказал ученому: — Сейчас я вижу черную кружку, и днем я тоже видел черную кружку. Но я не могу быть в этом уверен. Я спрашиваю кого-нибудь: «Посмотрите, какого цвета кружка?» Если человек скажет, что она черная, значит, привычная мне реальность подтверждена: черная.

Он указал на Лхакдора и двух фотографов, которые пришли вместе с ученым.

— Но если другой человек, третий, четвертый скажут: «Желтая», — тогда, хотя я всегда вижу кружку черной, придется признать, что что-то не так с моими глазами. Что в действительности кружка не черная. Вот способ, с помощью которого я всегда пытаюсь найти истину, привычную или условную истину, — рациональное исследование.

Далай-Лама говорил о дорогом его сердцу научном, строгом видении мира. Он не терпит пустых разглагольствований и полусырых идей. В конце концов, он в молодости больше десяти лет досконально изучал логику. Он пытался втолковать нам вот что: большинство из нас, стремясь понять и объяснить окружающий мир, приписывает смысл и значение всему вокруг. Но на восприятие мира влияет наш жизненный опыт. Чтобы воспринимать мир без искажений, необходимо исследовать его с научной строгостью.

— Теперь давайте перейдем к окончательной реальности, — сказал Далай-Лама, указывая мизинцем на свою кружку. — Чем в точности она является? — Он наклонился вперед и пристально уставился в глаза корейскому ученому. — Мы видим цвет, форму. А если убрать форму, цвет, материал, чем тогда является кружка? Что есть кружка? Кружка — это комбинация частиц: атомов, электронов, кварков. Но каждая частица в отдельности не есть «кружка». То же самое можно сказать и о четырех главных элементах природы, о мире, обо всем. О Будде. Мы не можем найти Будду. Такова окончательная реальность. Если мы не удовлетворимся привычной или условной реальностью, если посмотрим глубже и попытаемся найти истинную природу вещей, в конечном счете мы ничего не найдем.

Таким образом Далай-Лама объяснил, что кружка — пустая. Термин «кружка» просто один из ярлыков, которые мы используем, чтобы описывать повседневную реальность. Но каждая кружка начинает существование в результате сложного переплетения причин и условий. Она не существует отдельно или независимо от всего. Не возникает сама по себе, по своей собственной воле.

Например, предположим, я решил сделать черную кружку. Для этого я смешиваю черную глину с водой, формую ее по своему вкусу и обжигаю то, что получилось, в печи. Глина

плюс вода становятся кружкой благодаря моим действиям. Однако в такой же степени она появляется на свет благодаря мириадам различных способов взаимодействия атомов и молекул. А что же я, творец кружки? Если бы мои родители однажды не встретились, черная кружка никогда бы не обрела существования.

Поэтому кружка не существует отдельно. Она появляется в результате сложного переплетения отношений. По собственным словам Далай-Ламы — ив этом суть его концепции видения мира, — кружка «возникла несамостоятельно». Она становится кружкой под воздействием уймы различных факторов, а не по собственной воле. Она пустая. «Пустой» — краткое обозначение «отсутствия подлинного, изначального и неотъемлемого существования». Или, если выразить это иначе, «пустота» — иное обозначение взаимозависимости.

Взгляд Далай-Ламы не отрывался от лица корейца. Пристальность этого взгляда поразила меня. Неуклюже снующие фотографии и громкие шелчки затворов нимало его не трогали.

Почему нас должна интересовать пустота? Какое отношение имеет она к нашей реальной жизни? Для Далай-Ламы способность воспринимать вещи в их истинной взаимосвязи — все. По большей части, причина наших несчастий, наших страданий — несоответствие между нашим восприятием и тем, что истинно. Например, я считаю себя отдельным существом: я отличен от своей дочери, жены, от своего друга. Люблю я этих людей или ненавижу, я считаю, что существую независимо от них. Условия и обстоятельства жизни не оставляют у меня сомнений в существовании четких различий между мною и остальными. С этой точки зрения, обретает смысл идея своекорыстия, идея о том, что каждый — сам по себе.

Однако если я приму точку зрения Далай-Ламы, то увижу, что мое существование зависит от хитросплетения бесконечных событий, людей, причин и условий. Окажись что-то иным, оказалось бы иным и мое существование. Если бы мои родители родились в Лхасе, я, вероятно, был бы тибетцем, а не китайцем. Если бы в 1972 году я не стал жертвой похищения в Афганистане, возможно, я не познакомился бы с Далай-Ламой.

С этой точки зрения, «я» и «другие» имеет смысл только в терминах отношений. Для Далай-Ламы узловой момент реальности, сама ее суть — это непреложная взаимосвязь между людьми и между людьми и вещами. Таким он видит мир вокруг себя. Добрых полстолетия его глубинным убеждением остается мысль о том, что «его» польза и «ваша» польза неразрывно связаны. Пересекаются самым осязаемым, реальным образом. Именно поэтому он посвятил свою жизнь благополучию других. Он называет это «разумным эгоизмом». Он убежден, что, помогая другим, он прежде всего сам получит выгоду — ив результате станет более счастливым. И для него нет более высокого предназначения.

Интервью подошло к концу. Около часа Далай-Лама терпеливо объяснял Киму Йомг-Оаку, как год за годом он сам постепенно изменялся, используя в духовной практике разумный, логический подход. Он подчеркнул важность разума. И настойчиво повторял, что каждый может достичь подлинного счастья, сосредоточившись на двух фундаментальных заповедях буддизма: сострадании и пустоте.

Далай-Лама так и не стал рассказывать корейскому ученому о своих духовных озарениях.

Глава 11

Море золотых черепах

Далай-Лама покинул отведенные ему скромные помещения на верхнем этаже тибетского монастыря в Бодхгайе и спустился по внешней лестнице на тесный дворик монастыря. Там стоял белый «амбассадор». Внешне он почти не отличался от любого потрепанного такси, разъезжающего по индийским городам. Однако этот был бронированным, с толстыми затененными пуленепробиваемыми стеклами. Последнее время около Бодхгайи вела пропагандистскую работу группа радикальных маоистов. Кроме того, в этой части Бихара, самого бедного индийского штата, довольно часто случаются вооруженные ограбления. Поэтому Делийское министерство иностранных дел, связавшись с Лакхнау, на время паломничества в Бодхгайю и другие буддистские центры паломничества прислало Далай-Ламе этот автомобиль.

Далай-Лама в сопровождении пятидесяти человек — помощников и слуг, нескольких высших лам, индийских и тибетских охранников, — миновав машину, вышел из монастыря. Прилегающий к монастырю центр Бодхгайи был пуст. Огромную толпу паломников и просто любопытствующих, терпеливо ожидающих возможности взглянуть на глубокопочтимого главу Тибета, оттеснили на тротуар. А автомобили и велорикш полиция на близлежащие улицы не пропускала вовсе.

Далай-Лама наслаждался короткой прогулкой к священному храму Махабодхи, возведенному на том месте, где Будда достиг просветления, и возможностью пообщаться с новыми людьми. Время от времени он ускользал от телохранителей, чтобы приветствовать кого-нибудь в толпе.

Небольшая армия нищих, среди которых большинство — неопределенного возраста женщины в ярких сари, расположилась перед воротами храма. Этим женщинам, принадлежащим к индийской касте неприкасаемых, пришлось преодолеть большой путь, чтобы успеть в Бодхгайю к началу посвящения Ка-лачакры — одиннадцатидневной тибетской буддийской церемонии, которую в 2002 году должен был проводить перед огромными толпами сам Далай-Лама. Нищие знают, что здесь они не останутся голодными. И что по окончании двухнедельного празднования каждый из них скорее всего отправится восвояси с увесистым свертком рупий.

Нищие едва ли заметили приближение Далай-Ламы. Их внимание было приковано к нескольким тибетцам, тащившим по направлению к ним большую алюминиевую кастрюлю шафранного риса. Быстрыми, привычными движениями двое молодых людей зачерпывали огромные порции, наполняя протянутые оловянные чашки. Этот ритуал повторялся дважды в день. Пять-шесть тощих мальчиков-калек, опираясь на руки и колени, торопливо ковыляли следом за тибетцами, ритмично подергивая, словно хвостами, ножками-спичками. Мальчики тоже не оставались голодными — по крайней мере пока Далай-Лама находился в городе.

Возле входа во внутреннее святилище храма Далай-Лама выскользнул из пластиковых шлепанцев и трижды простерся на темно-красной шелковой подстилке, которую расстелил его слуга. Потом прошел через узкий коридор в маленькую часовню, где царил большая статуя Будды.

Далай-Лама подошел ближе и простерся еще три раза. Статуя возвышалась над ним. Рядом замерла группа монахов из Шри-Ланки в великолепных ярко-шафрановых одеяниях. Они — официальные стражи храма. Кроме них, в этом маленьком помещении находились двенадцать высших тибетских лам в темно-бордовых одеждах и несколько тибетских

телохранителей. Воздух был застоявшимся и едким от густого сладкого аромата ладана и кислого застарелого запаха тел бесчисленных паломников.

Я стоял близко к Сенге Рабтену, главному телохранителю Далай-Ламы. Он небольшого роста, подстрижен ежиком. Мастер каратэ. Поразмыслив, он на цыпочках подошел к вентилятору и попытался отрегулировать его. Немного повозившись, он сумел направить поток воздуха в направлении Далай-Ламы. Снаружи доносилось гудение огромной толпы, сдерживаемой вооруженными полицейскими.

Один из шри-ланкийских монахов вручил Далай-Ламе зажженный трут. На медных подставках на выступе перед статуей стояли две пурпурные свечи. Далай-Лама аккуратно зажег их. Потом посмотрел вверх на статую Будды и поднял правую руку в почтительном жесте.

Прищурившись, я посмотрел на древнюю каменную статую, созданную 1700 лет назад. Когда в XIX веке британские археологи раскопали ее, голова статуи была отделена от тела. Перед тем как установить статую во внутреннем святилище храма, голову водрузили на место. Я знаю, что, впервые увидев это древнее изображение великого Будды, Далай-Лама огорчился из-за того, что след от соединения был слишком заметным. Он сделал большое пожертвование и попросил, чтобы статую окрасили в золотой цвет. Индийское управление по надзору за археологическими памятниками сперва возражало, но в конце концов уважение к чувствам верующих взяло верх. Синяя стена позади статуи была освещена мягким светом, и создавалось впечатление, будто в огромное окно вливается сияние идеально синего неба. Я безуспешно пытался отыскать тот самый соединительный шов вокруг шеи.

Далай-Лама вышел из часовни. Повернул направо, чтобы совершить обход центральной башни храма. Его следующей целью было древнее дерево бодхи*, потомок того самого, под которым Будда достиг просветления две с половиной тысячи лет назад. Во внутреннем дворике в ожидании Далай-Ламы сидели, скрестив ноги, тибетские монахи, чтобы вместе совершить ежемесячный ритуал соджонг — исповедь.

Когда монахи начали петь, Далай-Лама склонился в поклоне. Опустился на колени и сел на пятки. Наклонил верхнюю часть тела вперед и вниз и коснулся головой земли, приняв позу полнейшего смирения. Удивительная гибкость тела, приобретенная благодаря постоянному сидению в позе лотоса, позволяет Далай-Ламе принимать любые положения. Желтое лоскутное одеяние, облегающее спину, делало его похожим на большую золотую черепаху среди целого моря черепашек.

Впервые удостоившись привилегии созерцать самый сокровенный из ритуалов, я был охвачен благоговением. Не говоря уже о том, что проводился он в тени священного дерева бодхи в присутствии самого Далай-Ламы. Здесь же находились монахи всех четырех школ тибетского буддизма. Обнадеживающий факт. Один из монахов осторожно приподнял голову — бритая голова на золотом поле. Быстро глянул по сторонам и снова склонился в молитве.

Когда представилась возможность, я спросил Далай-Ламу, о чем он думал во время ритуала.

— Я вспоминал Будду и всех великих учителей, таких, как Нагарджуна, которые посещали Бодхгаю.

— Вы тоже исповедовались? — спросил я.

— Конечно. Соджонг означает исповедь.

— И в каких же грехах вы сознались?

— В том, что ел вечером печенье, — сказал Далай-Лама. — Я ведь монах, а буддийский монах не должен есть ничего после дневной трапезы.

После окончания соджонга Далай-Лама вошел в ограду, под священную сень дерева бодхи, окруженного мощными каменными заборами. Пять или шесть невообразимо тяжелых

ветвей протянулись горизонтально, простираясь за пределы ограды. Их подпирали врытые в землю, окрашенные темно-зеленой краской металлические трубы, не давая ветвям разрушать бесценную ограду, украшенную замысловатой резьбой. На ветвях — шелковые шарфы-подношения и разноцветные ленты тибетских молитвенных флажков. Два женских зонтика в желтый и черный горошек каким-то образом застряли между ветвями и стволом — еще одно символическое подношение.

Отодвинув в сторону плотную завесу из молитвенных флажков, Далай-Лама протиснулся в узкое пространство между каменным забором и мощным стволом дерева бодхи. Нижняя часть дерева полностью обвита шелком, бордовым и цвета шафрана. Вверху мерцают золотые листики, прикрепленные верующими. Медный навес защищает каменную плиту, называемую Алмазным тронем, — место, где медитировал Будда. Вокруг навеса натянуты мерцающие лампочки. Выйдя с другой стороны, Далай-Лама продолжил обход центральной башни храма, идя по часовой стрелке. Когда круговой обход был завершен, он медленно поднялся по длинной, покрытой красным ковром лестнице во дворик перед храмом.

Перед самыми воротами храма Далай-Лама вдруг ринулся вправо, к большой толпе тибетцев, напиравших на охрану. Сопровождаемый телохранителем, Далай-Лама обратился к молодому человеку, сидевшему на земле рядом со старой женщиной с широким монголоидным лицом, обрамленным двумя длинными косами. Молодой человек, лет двадцати или чуть постарше, держал в руке белую палку. Далай-Лама догадался, что юноша слеп. Тибетский монах склонился к молодому человеку и взял его за руку. Спросил, откуда он и оказывалась ли ему какая-нибудь медицинская помощь.

Меня всегда поражает удивительная способность Далай-Ламы замечать среди огромной толпы несчастных и калек. Позднее я узнал, что этот молодой человек, Лобсанг Тхинлей, пришел вместе с матерью из провинции Квинхгай в северо-восточном Тибете. Он потерял зрение в пятнадцать лет — упал и получил сотрясение мозга. Ему сделали операцию, зрение частично восстановилось, но через некоторое время снова вернулась слепота. За эти годы мать, чтобы вылечить сына, испробовала все возможное: помещала его в центральные больницы Чэнду и Пекина, где ему сделали еще одну операцию, его лечили иглоукалыванием и чжень-дзю. Ничто не помогло. Зрительные нервы сильно пострадали, и врачи объявили, что он снова ослепнет.

Услыхав, что в начале 2002 года Далай-Лама впервые за пятнадцать лет дарует посвящение Кала-чакры в Бодхгаие, сын решил отправиться туда. Хотел очутиться рядом с Далай-Ламой, послушать его учение. Родственники и друзья пытались отговорить юношу: поездка через Гималаи из северо-восточного Тибета в Непал и Индию трудна и опасна. Но он ничего не захотел слушать. Чтобы собрать сумму, достаточную для поездки, мать продала все драгоценности и скот, заняла деньги у родственников. Она все еще надеется, что в один прекрасный день ее сын излечится. Возможно, им посчастливится в Индии, в месте рождения Будды.

После короткого разговора с матерью и сыном Далай-Лама собрался было уйти. Но молодой человек еще несколько мгновений продолжал удерживать руки главы Тибета. Далай-Лама поговорил с одним из своих помощников. Он высказал желание, чтобы один из его личных врачей, руководитель больницы «Делек» в Дхармсале, Цетен Дордже Садутшанг, осмотрел юношу, чтобы выяснить, что можно сделать. Потом Далай-Лама покинул храм и вернулся в тибетский монастырь.

Глава 12

Как формованная глина

Два дня спустя после встречи Далай-Ламы со слепым юношей в Бодхгайе я, как обычно, обедал в маленькой столовой на втором этаже монастыря. Здесь обедала вся свита Далай-Ламы: от секретаря его личного секретариата до телохранителей. Чаще всего здесь подавали традиционные тибетские блюда: клецки и суп-лапшу с овощами.

Едва я приступил к супу, как ко мне подсел доктор Цетен Дордже Садутшанг. Мы познакомились два года назад в расположенном к северу от Дхармсалы Спити, где когда-то существовало древнее тибетское королевство. Доктор Цетен, как известно, очень худой. В этом выпускнике Гарварда неистребим дух научного самонаблюдения, а потому говорит он веско и взвешенно. Вообще-то, по большей части он весьма замкнут, но время от времени становится на удивление общительным.

Я спросил его о слепом Лобсанге Тхинлее из Тибета.

— Мне передали просьбу Его Святейшества, — сказал доктор Цетен. — Но прежде, чем я смог обследовать его, мне сообщили новость. Молодой тибетец, монах из монастыря Дрэпунг на юге Индии, пожелал пожертвовать свои глаза этому мальчику.

Я оторвался от тарелки. Обвел глазами столовую, чтобы узнать, слышали ли эту новость остальные. Но никто не обратил внимания.

— Да, удивительно, — продолжал доктор. — Я никогда прежде не слышал ничего подобного. Конечно, глаза пересаживают, но от мертвых. И никогда от живых доноров.

— Эти люди — родня? — спросил я после длинной паузы.

— Они встречались во время паломничества в Сарнатх, как раз перед тем, как отправиться вместе в Бодхгайю. Они знают друг друга всего несколько дней.

— А вы видели этого слепого юношу? — спросил я.

— Да, я ходил в лагерь, где расположились паломники из Тибета. Там, как раз за храмом, в палатках живет человек двести-триста. Все они перешли через Гималаи в Непал, а затем подкупили пограничников, чтобы их пропустили в Индию. Слепой живет в палатке вместе с восемью или десятью другими паломниками. Пока я был там, его мать все время плакала.

— Вы осмотрели его глаза?

— Нет. Это было невозможно. Темно, и у меня не было нужных инструментов.

— Вы сказали ему о предложении монаха?

— Он уже знал об этом. Я сказал, что ему сначала придется пройти полное обследование, чтобы выяснить, что именно произошло с его глазами. И обоим им придется пройти обследование, чтобы выяснить, насколько они совместимы, чтобы трансплантация стала возможной.

Я снова взялся за суп. Доктор Цетен смотрел в собственную чашку с лапшей. Он едва притронулся к еде.

— Слепой сказал мне, что самым серьезным образом обдумал вопрос о донорстве, — продолжал он. — Конечно, предложение очень его тронуло. Но он решил, что должен отказаться. Все эти годы он ужасно страдал и просто не вынесет мысли о том, что другому человеку придется пережить такую же трагедию.

Доктор Цетен рассказал мне, что на следующий день он ходил в лагерь, где расположились монахи из монастыря Дрэпунг. Он хотел встретиться с Церин-гом Дхондупом, тем человеком, который предложил себя в качестве донора, но не застал его.

— А вчера я отправился к Его Святейшеству и рассказал о предложении монаха, — сказал доктор Цетен.

— И что он сказал?

— Этот момент я никогда не забуду, — тихо сказал доктор Цетен. — Еще не закончив рассказывать о монахе, я ощутил мощнейший поток сопереживания, сочувствия, рождающегося в нем. Этот поток был почти осязаемым, физическим. Но он не сказал ни слова. У меня на глаза навернулись слезы. Прежде я никогда не ощущал ничего подобного. Меня буквально окатило мощной волной сочувствия, и это сочувствие наполнило и меня. Сострадание — тема, к которой Далай-Лама возвращается постоянно. Пожалуй, на всех лекциях и учениях, где мне довелось присутствовать, он ни разу не упустил возможности подробно поговорить об этом. Мне также известно, что последние полстолетия он неизменно каждый день обращается к состраданию в утренней медитации. Во время одного из интервью в Дхармсале я попросил Далай-Ламу изложить его понимание сострадания.

— Сострадание подобно заботе о ближнем; ощущение сопричастности к чужим проблемам и боли, — сказал Далай-Лама. — Не только по отношению к родственникам и друзьям, но ко всем людям. И к животным тоже. Если мы действительно анализируем свои чувства, становится ясным одно. Когда мы думаем только о себе, забываем о других людях, наш разум занимает очень маленькое пространство. И в этом маленьком пространстве даже очень маленькая проблема кажется огромной. Но когда вы разовьете в себе сострадание, границы вашего разума автоматически расширятся. И теперь ваши собственные проблемы — даже большие проблемы — уже не будут казаться вам такими значительными. И что в результате? Возрастание уравновешенности, умственного спокойствия. Так что если вы думаете только о себе, только о собственном счастье, в результате счастья станет меньше. Зато больше беспокойства, больше страха.

И поэтому я называю эффектом сострадания вот что: если вы действительно хотите обрести истинное счастье, то какой бы метод вы ни выбрали для этого, оно того стоит. Но лучший метод таков: когда вы думаете о других, в первую очередь вы сами получите максимум пользы.

Я спросил Далай-Ламу, как он пришел к такому пониманию сострадания.

— Мне было тридцать два года, когда я развил в себе опыт глубокого сострадания, — рассказал он мне. — В 1967 году я получил учение Шантидевы «Путь бодхисаттвы» от одного из высших лам. С тех пор я постоянно читаю и думаю о сострадании. Мой разум приблизился к его пониманию, а мои чувства очень обострились. Часто, когда я размышляю над значением и пользой альтруистического мышления, у меня на глаза наворачиваются слезы.

Он обратился к Лхакдору по-тибетски. Лхакдор перевел:

— С течением времени, опираясь на собственное представление, Его Святейшество продолжал развивать в себе сострадание. Размышления над состраданием иногда наполняют его радостью и благодарностью. И появляется острое чувство сопричастности и ощущение печали.

— Случались ли другие переломные моменты после 1967 года? — спросил я Далай-Ламу.

— Постоянно, — ответил он по-английски, прежде чем снова обратиться к Лхакдору по-тибетски.

— В конце восьмидесятых чувство сострадания Его Святейшества стало много сильнее, — перевел Лхакдор.

Я заметил, что Далай-Лама избегает говорить непосредственно со мной о своих духовных достижениях. Вероятно, ему казалось, что я сочту это хвастовством. Было очевидно, что ему гораздо комфортнее говорить через Лхакдора.

— И с того времени чувство сострадания дается вам легче? — спросил я.

— Да, — сказал Далай-Лама, добавив что-то по-тибетски.

Лхакдор перевел:

— Первое: после получения реального опыта сострадания часто случалось...

— «Убежденность» более подходящее слово, — перебил Далай-Лама по-английски. — Я не могу сказать «реальный опыт». «Глубокая убежденность».

— Признаки этой глубокой убежденности в том, — продолжил Лхакдор, — что медитация или размышление над состраданием всегда вызывает сильный прилив эмоций, вызывает слезы во время некоторых публичных выступлений или частных занятий. Такие же сильные эмоции появляются, когда Его Святейшество размышляет над толкованиями глубинных представлений о пустоте.

— Я думаю, глубокая убежденность и сильные эмоции в действительности наделяют нас большой внутренней силой, — объяснил Далай-Лама. — Поэтому, когда я сталкиваюсь с проблемами или критикой, например с бесосновательной критикой со стороны китайцев, конечно, иногда возникает легкое раздражение...

— Но затем приходит чувство сострадания, — перевел Лхакдор. — Его Святейшество начинает сожалеть, что китайцы не хотят установить с ним доброжелательных отношений. Но это его чувство, хотя в нем и присутствует негативная составляющая, может принести позитивные плоды. Другой момент: Его Святейшество хочет подчеркнуть, что развитие его чувства сострадания — результат долгой практики.

— Тяжелый труд? — предположил я.

— Не слишком тяжелый труд, — сказал Далай-Лама. — Каждое утро несколько минут я размышляю над состраданием. Потом несколько медитаций, несколько аналитических медитаций. Конечно, каждое утро я даю обет альтруизма. Размышляя над состраданием, я повторяю несколько строк до тех пор, пока не появляются сильные эмоции особого свойства. Да, понимание «пустоты» сильно помогает в смысле развития сострадания. Без сомнения, пустота усиливает сострадание, — сказал Далай-Лама, несколькими взмахами указательного пальца правой руки подчеркнув свои слова. Лхакдор добавил:

— Пустота позволяет нам достичь понимания окончательной реальности. Она помогает ценить мудрость взаимозависимости — фундаментального закона природы. Мы начинаем больше ценить то, что все мы связаны в самой своей основе. Именно в силу этой взаимосвязанности мы способны сочувствовать страданию других. Сочувствие облегчает сострадание. Благодаря ему мы развиваем в себе подлинное понимание страданий других и желание помочь им избавиться от боли. Так пустота усиливает положительные эмоции, например сострадание.

Пустота и сострадание. Мудрость и метод. Вот они — столпы-близнецы практики Далай-Ламы. Все необходимое для духовной практики. Чтобы проиллюстрировать важность и кардинальность двух этих понятий, Далай-Лама часто использует такую метафору: птица нуждается в двух крыльях для полета, а человек — в мудрости и сострадании. Мудрец без сострадания — прозябающий в горах аскет, а сострадательный человек без мудрости — всего лишь симпатичный дурак. Нужны и мудрость, и сострадание; они усиливают друг друга. Однажды осознав, что все мы взаимосвязаны, сложно не ощутить хоть какого-то сочувствия, сострадания к проблемам ближнего. А если нас однажды охватит чувство сострадания, нам откроются проблески вневременных истин о взаимозависимости и пустоте.

Далай-Лама задумался. Через некоторое время он повернулся ко мне и посмотрел мне в глаза.

— Я думаю об одном, в чем совершенно уверен, — сказал он. — Я могу сказать вам, совместная практика пустоты и сострадания... — и он снова перешел на тибетский.

Лхакдор перевел:

— Его Святейшество может с уверенностью сказать: если вы медитируете над пустотой и состраданием, тогда Его Святейшество уверен: пока вы прикладываете усилия, день за днем вы будете получать пользу. Ваши представления в целом будут меняться.

— Я думаю, эти две практики очень разумны... — Далай-Лама замолчал, не слишком уверенный в том, что «разумны» — правильное слово. Он уставился в пространство, сложив ладони перед лицом. — Пожалуй, «эффективны». Думаю, понимание пустоты делает все более податливым, а сострадание придает этому новую форму.

В конце этого предложения он хлопком сложил ладони, словно в тарелки ударил.

— Как формованная глина, — вставил Лхакдор.

— То, что я говорю о сострадании, — нечто живое, связанное с моим собственным опытом, — продолжал Далай-Лама. — Я рассказываю о своем опыте другим людям, делюсь некоторыми своими переживаниями, и тогда они понимают: тут есть что-то настоящее, живое. С другой стороны, у многих создается впечатление, будто это нечто вроде буддийских «небес» — просто идея, просто концепция, ничего живого...

— Просто красивая сказочка, — перевел Лхакдор.

Далай-Лама раскачивался на кресле, сотрясаясь от смеха.

Глава 13

Создание космического йога

В прежних интервью Далай-Лама подробно объяснил мне концепции взаимозависимости и пустоты. Это две стороны одной медали, два разных способа прийти к пониманию одной идеи. Вот что он сказал мне: существование всего — например, кофейных чашек или чувства ревности — полностью зависит от сложного переплетения взаимоотношений. Поэтому, если провести достаточно глубокий анализ, не найдется логической возможности независимого существования чего-либо. Таким образом, в терминологии Далай-Ламы, можно сказать, что нет ничего, что существовало бы само по себе. Ничто не обладает индивидуальным, неотъемлемым существованием. Другими словами, все сущее суть пустота. Далай-Лама считает, что для того, чтобы полностью осознать эти ключевые концепции, чтобы выйти за пределы просто интеллектуального понимания, необходима и обязательна неустанная духовная практика, включающая продолжительные медитации.

Беседуя с Далай-Ламой в тибетском монастыре в Бодхгаие, я спросил его, как он впервые познакомился с концепцией пустоты и как она постепенно заняла столь важное место в его жизни.

— Пустота — далеко не простая для понимания концепция, — ответил мне Далай-Лама. — Но как только я достиг определенного понимания, осмыслил некие недвусмысленные и очевидные представления, я понял, что она применима почти ко всем событиям и ситуациям.

Он повернулся к Лхакдору и поговорил с ним по-тибетски.

— С возрастом количество знаний увеличивалось, и влияние пустоты на жизнь Его Святейшества становилось более значительным, — перевел Лхакдор.

— Хотя, пожалуй, уже лет в двадцать я обнаружил подлинный интерес к пустоте, — продолжил Далай-Лама, покачиваясь на кресле. — Помню один случай. В 1954 году я посетил Пекин. Пока я был там, в Китае, у меня выдалось несколько не слишком загруженных дней. И я вызвался изучать пустоту с Лингом Ринпоче, моим старшим наставником. Это доказывает, что уже тогда этот вопрос очень меня интересовал.

Далай-Лама замолчал, ритмичное покачивание прекратилось. Он замер, выпрямившись, и какое-то время смотрел в пространство, потом потер щеку, провел рукой по груди и

обратился по-тибетски к Лхакдору. Лхакдор наклонился вперед и, неотрывно глядя на Далай-Ламу, перевел его слова:

— Это произошло, когда Его Святейшеству было уже под тридцать, в 1963 году. Однажды он читал буддийский текст. И когда дошел до слов: «Я» — всего лишь приложение к субъекту, являющемуся совокупностью физических (умственных и физических) свойств», у него появилось особое ощущение, странное ощущение. — Лхакдор перешел на хриплый шепот; мне пришлось прислушиваться, чтобы разобрать, что он говорит.

— И как долго это ощущение сохранялось? — спросил я.

— Думаю, это ощущение сохранялось несколько недель, — ответил Далай-Лама. Он снова что-то по-тибетски сказал Лхакдору. Лоб его разгладился, он опустил взгляд на пол и как-то озадаченно широким плавным движением руки обвел лежащий на полу ковер.

— Тогда, — переводил Лхакдор, — что бы Его Святейшество ни увидел — людей, предметы... ковер, например... он видел их как ковер или как людей, но одновременно осознавал, что они не имеют никакой сущности. У него было отчетливое ощущение, что не существует никакого «Я». Не в том смысле, что «Я» вообще не существует, а отчетливое ощущение, что нет «Я» в том виде, в котором его обычно понимают.

— Отсутствие прочной, отдельной от всего остального реальности, — подчеркнул Далай-Лама. Он поднес руки к груди и сжал кулаки.

— Это было какое-то видение? — неуверенно уточнил я, сомневаясь, разумно ли направлять разговор в эту сторону. Я уже понял, что беседа сделала неожиданный поворот. Сейчас Далай-Лама говорил со мной о чем-то очень личном, о чем, вероятно, слышало всего несколько человек.

— Нет, — ответил он.

— Но вы ощущали отсутствие «Я»?

— Да.

Далай-Лама снова обратился к Лхакдору.

— Иногда это было физическое ощущение, будто молния пронзила его сердце, — перевел Лхакдор. — Он ощущал нечто, напоминающее электрошок.

У меня появилось неприятное ощущение, словно я подслушиваю. Для буддиста духовные достижения — очень личные, интимные переживания; прежде мне никогда не доводилось слышать, чтобы буддист всерьез говорил о чем-нибудь подобном. Но я должен был убедиться, что понял правильно.

— Словно электрошок? — переспросил я Далай-Ламу.

— Да, — ответил он и пристально посмотрел на меня, сжав ладонями колени.

Внезапно раздался мягкий щелчок — в первый момент мне показалось, что этот звук донесся издалека. Я не сразу понял, что это остановился мой диктофон — закончилась кассета. Но я продолжал неотрывно смотреть на Далай-Ламу, не чувствуя в себе силы лезть сейчас в рюкзачок за чистой кассетой. Я решил, что скопирую запись у Лхакдора.

— Все те недели вы видели объекты без сущности, без субстанции? — спросил я.

Далай-Лама сидел очень прямо с совершенно бесстрастным лицом. Мне показалось, что в тот момент он очень похож на Будду. Меня охватил благоговейный трепет.

— Да. Как только я думал о не-сущностном, о не-«Я», — уточнил он, — в тот же момент... как картинка. Думаю, это похоже на просмотр телевизора или кино. Особенно кино. С одной стороны, смотришь кино — и появляется ощущение чего-то реально происходящего. Но в то же время, пока глаза смотрят, разум знает, что это только картинка — фильм, а не реальность. Тут то же самое: с одной стороны, забываешь, что это представление, игра; а с другой, видишь, но продолжаешь чувствовать, что это представление.

Далай-Лама рассказал мне, что странный опыт 1963 года несколько изменил его способ видения и то, что он видел своими глазами. Он видел, что вещи имеют два аспекта. Один — плотный, реальный, осязаемый; таким предстает перед нами все, с чем мы сталкиваемся

ежедневно, — холодильник, гнев, сосед. Другой: подчеркнуто нереальный характер вещей, вещей, похожих на кино, поскольку их сущность — всего лишь мерцание теней на экране. А существование их, постоянно изменяющееся и непостоянное, зависит от сложного переплетения взаимоотношений. Все сущее — холодильник, гнев, сосед — может предстать взору в этих двух видах.

Далай-Лама сказал, что влияние события 1963 года сохранилось до сих пор. По мере того как он продолжает ежедневно выполнять практики и медитации, его духовные озарения происходят все чаще. И чаще всего мысли о «сущности» или о «Я» сопровождаются у него ощущением пустоты или «не-Я».

— Раньше, — сказал Далай-Лама, — мне было сложно достичь такого ощущения без серьезного и сосредоточенного погружения в размышления об этом по крайней мере на несколько минут. Теперь же, едва я вспомню о пустоте, как картинка становится очень ясной.

— Это — более сильная реализация пустоты? — спросил я.

— Да, — согласился Далай-Лама. А потом быстро добавил: — Пустота... Не знаю...

У меня появилось ощущение, что он старается выражать свои мысли очень осторожно.

— А насколько важно видеть в вещах нематериальное, неосязаемое? Как это сказывается на вашей жизни? — спросил я.

Далай-Лама обратился к помощи Лхакдора.

— Обычно мы имеем тенденцию видеть вещи плотными, материальными, — перевел Лхакдор. — Поэтому существует тенденция цепляться за вещи, становиться приложением к ним. Мы цепляемся за идею об отдельной душе и отдельном предмете. Мы стремимся к новым ощущениям и к новым приобретениям. Но, как только мы добиваемся их, это стремление проходит и мы начинаем погоню за чем-нибудь новым. Этот бесконечный цикл желаний приносит страдания.

В случае Его Святейшества этого желания — цепляться — не возникает. Потому что «Я», желания, стремления или какой-нибудь «ролекс» воспринимаются им в конечном счете как непостоянное, изменяемое и иллюзорное. Пустое. Все они не вполне реальны, словно миражи. А значит, нет нужды цепляться за них. Таким образом нет смысла и жаждать их. Когда мы обретаем понимание пустоты, желания — источник наших страданий — уменьшаются.

Далай-Лама добавил еще кое-что по-тибетски. Что-то смешное. И снова засмеялся, вздрагивая всем телом и мотая головой. Он так развеселился, что даже зажмурился.

— Его Святейшество говорит, что он хвастается. И еще он сказал, что это называется: дурак, пытающийся одурачить остальных, — перевел Лхакдор, широко улыбаясь.

Некоторое время мы молчали. Я оторвал взгляд от Далай-Ламы и огляделся по сторонам. Комнаты Далай-Ламы на верхнем этаже монастыря в Бодхгайе, просторные и хорошо освещенные, были убраны в традиционном тибетском стиле. Целую стену занимал изысканный нарядный алтарь. За одной из витрин я заметил интересную фотографию, которой не видел прежде, — выцветший снимок юного Далай-Ламы на нарядном троне; он держал в руках бронзовый сосуд пирамидальной формы. Через большие окна доносился непрерывный поток объявлений на тибетском. Совсем скоро, через несколько дней, должно было начаться большое посвящение Калачакры, дарованное самим Далай-Ламой. Отовсюду уже стекались паломники, прибывавшие с Гималаев, со всех уголков индийского субконтинента. Ожидалось прибытие и более тысячи западных гостей, в том числе нескольких голливудских знаменитостей.

Я пролистал свои заметки. Интервью свернуло в совершенно неожиданном для меня направлении. Новая мысль пришла мне в голову, и я спросил Далай-Ламу:

— Вы когда-нибудь рассказывали о своих духовных достижениях?

— В начале семидесятых, — ответил он. — Я сказал о моем понимании пустоты Лингу Ринпоче. Получился почти отчет, и тогда он... — Далай-Лама снова прервал свой рассказ и, повернувшись к Лхак-дору, перешел на тибетский.

— Линг Ринпоче прокомментировал, что очень скоро Его Святейшество станет космическим йогом, — перевел Лхакдор. — Космический йог — это практикующий, который ощущает пустоту, подобную Космосу, тот, кто достигает окончательного просветления.

— И вы достигли этого состояния? — спросил я таким тоном, будто понимал, что такое «подобная Космосу пустота».

— Не знаю, — ответил Далай-Лама.

Мне показалось, что его большие пальцы вертятся друг вокруг друга, но, присмотревшись, понял, что руки его, удобно лежащие на коленях, ритмично перебирают бусины воображаемых четок. Он снова обратился к Лхакдору.

— Все это время Его Святейшество продолжает совершенствоваться, — перевел Лхакдор.

— Его Святейшество вполне уверен только в одном. Если бы Линг Ринпоче был сегодня жив и Его Святейшество рассказал ему о своих духовных достижениях, Линг Ринпоче, несомненно, был бы доволен.

— Вот почему Его Святейшество объясняет все это вам, — неожиданно после паузы добавил Лхакдор. — Обычно говорить об этом совершенно неприемлемо.

— Верно, верно. Поэтому всякий раз, объясняя некоторые свои ощущения относительно сострадания и мое понимание пустоты, я всегда делаю ясным... — Далай-Лама опять обратился к Лхакдору.

— Его Святейшество иногда говорит о своем духовном развитии, чтобы вдохновлять людей, — перевел Лхакдор. — Но он всегда заключает свой рассказ словами: «Я не говорю, что я Бодхисаттва, я не говорю, что понял пустоту». Его Святейшество также подчеркивает, что из собственного опыта он знает, что предела совершенству нет, всегда можно идти дальше. Таким образом, он хочет сказать своим слушателям: «В моем случае это тоже справедливо. Пусть я не Бодхисаттва и не развил в себе бодхичитты — бесконечного альтруизма, но я, как и многие другие, уже вижу вершину горы». Далай-Лама добавил:

— Я не достиг вершины, но ощущаю — о да, я могу добраться туда, — сказал он и зажал нос.

— Вы можете унюхать ее, — предположил я.

Длинные тени протянулись через красивую веранду, примыкавшую к комнате. Далай-Лама посмотрел на часы и сказал мне:

— Еще пять минут.

Я провел с ним почти два часа, однако ощутил, что меня охватывает паника. У меня оставалось еще страницы полторы вопросов. Пока я обдумывал, о чем спросить, Лхакдор повернулся ко мне и сказал:

— В разговоре о духовном совершенствовании всегда таится опасность.

— Опасность? — переспросил я в замешательстве. Меня удивили не столько сами слова, сколько то, что Лхакдор высказался от своего имени в присутствии Далай-Ламы. Обычно он неизменно оставался безмолвным, пока его не просили перевести.

— Если, например, вы утверждаете, что осознали пустоту, в то время как в действительности не достигли этого состояния, — объяснил Лхакдор.

— Опасность вот в чем, — уточнил Далай-Лама. — У меня нет намерения, чтобы, основываясь на моем утверждении, кто-то решил, что я достиг некоего более высокого состояния. Если он решит так по своему разумению, тогда все хорошо. Но если он уверится в этом из-за моего заявления и затем я почувствую... — он замолчал.

Лхакдор закончил мысль Далай-Ламы:

— Если Его Святейшество почувствует: «Это хорошо, это замечательно, что я внушил ему эту идею», — тогда это рискованно.

— Таким образом, здесь присутствует некая эгоистическая мотивация, — добавил Далай-Лама.

И опять, в который уже раз, я поразился, как решительно Далай-Лама вскрывает мотивации каждого своего действия. Для него это обычное дело, он поступает так всякий раз, когда что-нибудь говорит или принимает решение.

— Конечно, ложь, кто бы ни врал, просто человек или монах, кто угодно, ложь — это негатив, грех, — продолжал Далай-Лама со все нарастающей настойчивостью. — Но я монах, получивший высшую степень посвящения. Если я говорю другим, что получил некий глубокий опыт духовной реализации, зная, что не имею этой способности, то эта ложь — очень большая ложь. После такого — ты больше не монах.

— Это не то, что малая ложь; это очень большая, особенная ложь, — добавил Лхакдор.

— Как недопустимое сексуальное поведение, убийство человека, кража. Это ложь такого уровня, — сказал Далай-Лама.

— Четыре главные, — сказал я.

— После этого ты больше не монах. В этом опасность, — закончил Далай-Лама.

Наша беседа подошла к концу. Далай-Лама подошел и обнял меня. Когда он вышел из комнаты, я начал собирать вещи, которые разбросал на кофейном столике, — записные книжки, скрепленные листы с вопросами, копии статей, диктофон. Лхакдор помогал мне складывать их в рюкзак. Обычно, когда я собираюсь после беседы, мы с ним перебрасываемся несколькими словами, но сейчас молчали; я устал и пребывал в некой растерянности, и он, казалось, тоже. Когда мы выходили из комнаты, Лхакдор мягко тронул меня за локоть. Я повернулся к нему. Выражение его лица, как и само прикосновение, показалось мне робким.

— Знаете, Виктор, — сказал он тихо, — мне и раньше доводилось слышать, чтобы Его Святейшество затрагивал эти темы, но кратко. Но я никогда не слышал, чтобы он углублялся в такие детали. Монахи и ламы, живущие в монастырях, ушам своим не поверят, если узнают об этой беседе. — Он заглянул мне в глаза. — Их бы это несказанно вдохновило, глубоко тронуло, попросту говоря, свело бы с ума.

Глава 14

Терпение белых воздушных змеев

Мне нравился этот гостиничный номер. Просторный, с высокими потолками, одна из нескольких гостевых комнат в Серкут-хаусе — колониальном особняке, выделенном для индийских государственных чиновников, которые приезжают по делам правительства в Раджгир, маленький городок недалеко от пика Орлиной горы. Отсутствие ванной меня очень волновало, горячей воды все равно не было. Туалет — восточного образца, обыкновенная дырка в полу. А я к этому так и не привык, не приспособился к подобным штуковинам. Комната, однако, выходила на просторную веранду с ротанговыми креслами и низкими столиками. Я с удовольствием представил себя в белом полотняном костюме в таком вот кресле на закате дня, потягивающим ледяной джин с тоником и ломтиком лайма. Я остановился в Серкут-хаусе благодаря любезности личного секретариата Далай-Ламы. Плата за эту комнату составляла 10 рупий за ночь — то есть 20 американских центов; позднее правительство Индии выставит счет на соответствующую сумму Дхармсале.

Я не думал оставаться здесь на ночь, но планы мои изменились. Последние две недели я сопровождал Далай-Ламу, совершавшего паломничество по самым важным буддийским святыням Индии. После посещения руин Наланды и напряженного подъема на Орлиную гору Далай-Лама направился прямо в отель в Патне, в трех-четыре часа езды отсюда. Таким образом, его поездка в Бодхгаю по печально известным и очень скверным дорогам Бихара откладывалась; зато он мог отдохнуть и лучше подготовиться к началу церемонии посвящения Калачакры, на которую собрались 200 000 паломников. Я решил не ехать с Далай-Ламой в Патну. Мне не хотелось совершать этот длинный путь на ночь глядя. Я делил гостиничный номер с Цетеном Дордже Садутшангом — одним из главных врачей Далай-Ламы. Он присоединился ко мне, когда я уже собирался ложиться. Этот спокойный и замкнутый человек всегда относился ко мне дружелюбно. У нас есть кое-что общее. Часть его семьи живет в Ванкувере, в Канаде, у нас обоих дети школьного возраста. Мы оба любим серьезные беседы о Далай-Ламе.

Прежде чем погасить свет, доктор Цетен рассказал мне, что он оказался в Раджгире, по собственной инициативе последовав за Далай-Ламой в паломничество на Орлиную гору и в Наланду. В этой части Индии дороги очень плохие, а медицинские учреждения немногочисленны и расположены слишком далеко друг от друга. Поэтому доктор Цетен поехал просто на всякий случай. Он сознался, что быть врачом Далай-Ламы непросто. Главу Тибета нервирует, когда его штат трясется над ним. Он протестует против того, чтобы во время путешествий его сопровождали доктора, и считает, что врачи должны служить людям, а не крутиться у него под ногами. Со временем доктор Цетен примирился с этим и научился следовать за своим пациентом тайком.

Утром, когда я проснулся, доктора Цетена уже не было в комнате. Я принял бодрящий холодный душ, упаковал вещи и вышел на террасу. Сел в плетеное кресло, чтобы насладиться прохладным утренним воздухом. Тонкий слой тумана стелился над красной землей. Под деревом спали, свернувшись калачиком, уличные собаки. Тишину нарушал только птичий гомон.

Неожиданно, перескакивая через ступени, пронесся доктор Цетен. Не тратя времени на «доброе утро», он выпалил:

— Машина уже готова. Мы должны ехать немедленно. Позавтракать времени нет.

Он схватил свои вещи и понесся по лестнице вниз. Я старался не отставать.

Когда мы выезжали из двора Серкут-хауса, доктор Цетен объяснил мне, в чем дело. Рано утром ему позвонил Тэндзин Таклха, помощник личного секретаря Его Святейшества. По дороге в Патну у Далай-Ламы начались сильные боли в желудке, и ему пришлось провести ночь в отеле «Мория». В таком состоянии он не мог ехать в Бодхгаю. Доктор Цетен сразу же позвонил своим коллегам — доктору Намгьялу и доктору Дова, специалистам по тибетской медицине, работавшим на добровольных началах в клинике для паломников в Бодхгае. Они немедленно выехали в Патну.

Гостиница «Мория», зажата меж двух захудалых жилых домов, — лучшая в Патне. Ее маленький вестибюль был полон индийскими журналистами; здесь они устроили командный пункт, ожидая новостей о состоянии Далай-Ламы. Телохранитель немедленно провел доктора Цетена наверх. Я пошел в ресторан позавтракать, а потом поднялся на третий этаж. Тибетская служба безопасности заблокировала коридор. Доктора Цетена и Тэндзина Таклхи нигде не было видно.

Ситуация казалась серьезной. Я заметил, что телохранители Далай-Ламы обеспокоены; никаких обычных шуточек. Все три врача Далай-Ламы собрались здесь, чтобы оценить состояние его здоровья. За все годы знакомства, с самой первой моей аудиенции в 1972 году, глава Тибета почти не болел. Если не считать случайного гриппа или расстройства

желудка, единственный серьезный случай был в 1967 году, когда он подхватил гепатит В. Тогда, к ужасу тибетской диаспоры, он месяц провел в постели.

В тот же день я выехал в Бодхгаю, но, конечно, без доктора Цетена. Водитель с трудом прокладывает путь в плотном потоке машин Патны, а меня не оставляло тяжелое чувство. Далай-Лама провел в Патне три дня, но состояние его не улучшилось. Правительственный вертолет перевез его в маленький аэропорт в Гае. Несколько километров до монастыря Шечен в центре Бодхгаи его везли на автомобиле. Когда Далай-Лама не слишком бодро вышел из автомобиля, его приветствовала Чиме-ла — высокая ширококостная женщина, дочь покойного Дилго Хиенце Ринпоче, легендарного основателя монастыря. Пока они шли ко входу в монастырь, Далай-Лама крепко сжимал ее левую руку и буквально висел на ней. Рабджам Ринпоче, нынешний настоятель, отвел глаза. По щекам его катились слезы; измученный вид Далай-Ламы глубоко огорчил его.

Восьмилетний мальчик — инкарнация ламы — сидел возле низкого стола, покрытого парчой с замысловатым узором. Цветы, вытканые на ткани, притягивали внимание не меньше, чем живые цветы, украшавшие стол: желтые ноготки в наполненных водой неглубоких медных сосудах, розовые гладиолусы вперемежку с бледно-лиловой сиренью в латунной вазе. На фоне высокой спинки кресла, покрытой расшитой резвящимися на золотом поле драконами тканью, Джангзи Ринпоче казался совсем маленьким. В темно-бордовом с желтым одеянии он был великолепен и держался как принц на троне. В окружении Рабд-жама Ринпоче и других высших лам, он сидел перед большим собранием тибетских монахов. Они собрались во внутреннем дворе храма Махабодхи в Бодхгае, чтобы помолиться о скорейшем выздоровлении Далай-Ламы. Глава Тибета находился в Бодхгае уже несколько дней, но никаких признаков выздоровления не наблюдалось.

Тибетский монах в белой хирургической маске приблизился к круглолицему мальчику-ламе, держа перед собой клетку. В ней сидел зеленый волнистый попугайчик. Низко склонившись, монах преподнес клетку Джангзи Ринпоче, который подул на птичку, благословляя это живое существо. Потом взялся за металлическое кольцо сверху клетки. Вдруг своенравная птичка яростно забила крыльями, и никак не ожидавший ничего подобного мальчик испуганно отдернул руку. Монах открыл дверцу клетки. Птица неуклюже метнулась к образовавшемуся выходу. Быстрый взмах зеленых крыльев — и она улетела. Мальчик-лама, довольный собой, украдкой бросил взгляд на Рабджама Ринпоче. Старший лама широко улыбнулся в ответ. Его подопечный, пусть и с посторонней помощью, только что совершил акт добродетели, который, несомненно, мог положительно сказаться на здоровье Далай-Ламы.

Недалеко от меня расположилась группа пожилых тибетских паломников. Один из них крутил самодельное молитвенное колесо — толстую деревянную палку, увенчанную «юбкой» из желтой ткани с трафаретными молитвенными надписями. Он вдавил палку в землю и вращал ее по часовой стрелке с такой скоростью, что «юбка» казалась мелькающим желтым пятном. Другой паломник, сидевший рядом с ним, вытягивал шею, следя за полетом освобожденной птицы, пока та совсем не скрылась из виду.

С самого прибытия из Патны Далай-Лама не покидал спальни в монастыре Шечен. Его видели только врачи и личный слуга Палджор-ла, работающий у Далай-Ламы долгие годы. Тэндзин Таклаха рассеянно блуждал по этажам монастыря с палкой, полной документов: расписаний ежедневных встреч, сообщений от тибетского правительства и личного секретариата, решений, требовавших срочного внимания Далай-Ламы. Но Его Святейшество ни с кем не встречался, не давал никаких аудиенций, никаких учений.

Он лежал в одиночестве, а в маленький городок, где Будда достиг просветления, стекались 200 000 паломников. Все они мечтали увидеть Далай-Ламу и с нетерпением ждали начала большого посвящения Калачакры.

Четверо индийских командос с автоматами вбежали в огромный двор, где должна была проходить церемония посвящения Калачакры, за их спинами развевались по ветру края черных головных платков. За ними медленно следовал белый «амбассадор» с Далай-Ламой. Машина остановилась, глава Тибета вышел из нее. У меня сжалось сердце. Этот энергичный человек, которому еще десять дней назад можно было дать лет пятьдесят пять, теперь выглядел как раз на свои шестьдесят семь.

Ссутулившись больше обычного, Далай-Лама ковылял по расстеленному для него желтому ковру — красный ковер обвили желтым хлопковым полотном. Поравнявшись с цепочкой встречающих — монахов и тибетских должностных лиц, — он указательным пальцем провел сверху вниз по бледной правой щеке и что-то сказал монаху, стоявшему ближе других. Я решил, что Далай-Лама спрашивает, похудел ли он. Вне всяких сомнений, похудел. Щеки запали, глаза ввалились. Когда он проходил мимо меня, на лице его мелькнуло некое подобие улыбки. Но я видел, что ему не хватает сил как обычно поднять в приветствии руку.

Шаркая, Далай-Лама прошел через маленькую часовню Калачакры, вместилище песчаной мандалы, а из нее вышел на большой помост. Четыреста расположившихся здесь старших монахов, представляющих все четыре школы тибетского буддизма, терпеливо ждали. Кроме них, на помосте находился седовласый актер Ричард Гир, единственный западный человек среди тех, кто там сидел. Двумя днями ранее было объявлено, что Далай-Лама появится ненадолго на открытии Калачакры, и это будет первым его появлением с тех пор, как он заболел. Воодушевление охватило всю Бодхгаю.

Перед помостом несметные толпы журналистов и телевизионщиков всеми правдами и неправдами боролись за возможность запечатлеть больного главу Тибета. Маленький Джангзи Ринпоче вместе с полудюжиной других воплощенных лам сидел в первом ряду. Далай-Лама подошел к мальчику и погладил его по голове. Когда Его Святейшество вознамерился подняться по деревянным ступенькам, ведущим к трону, несколько человек подхватили его под руки, чтобы поддержать. Один довольно коренастый монах поднялся на верхнюю ступеньку лестницы и потащил ослабевшего Далай-Ламу к себе. Глава Тибета даже стоял немного неустойчиво. Сложив ладони, он торжественно поклонился громадной толпе. Во дворе собрались сотни тысяч паломников с Гималаев, с индийского субконтинента и две тысячи паломников из пятидесяти стран Запада.

Далай-Лама сел, вытащил из-под одежды листок бумаги. Это было необычно. Прежде он всегда предпочитал экспромт. Я отвернулся, чтобы рассмотреть гудящую внизу толпу.

Краем глаза я заметил нечто, показавшееся мне большой белой птицей, летящей над толпой монахов. Один из них, продолжая сидеть в позе лотоса, вынул из котомки кхату — белый шарф-подношение. Скомкал его и бросил в толпу. Шарф, подхваченный порывом ветра, грациозно поплыл по воздуху. Другой монах, сидевший где-то посередине, поймал шарф и бросил дальше. В мгновение ока, будто следуя невидимому сигналу, в воздух взметнулись сотни белых шарфов, как шелковые воздушные змеи, сложившись в воздухе в мерцающую и постоянно меняющуюся белую сеть над морем красного. Не имея возможности протиснуться к помосту и вручить шарфы больному главе Тибета, монахи и паломники придумали вот такой способ, по-моему даже лучший.

Далай-Лама сидел на троне, ссутулившись, и поглядывал по сторонам. Он глубоко вздохнул, прочищая горло, сглотнул. У меня возникло ощущение, что но был для него очень волнующий момент, что его глубоко тронуло внимание огромного количества людей. Я навсегда запомнил эти несколько секунд. Людей собралось великое множество, но никто даже не кашлянул.

Далай-Лама начал говорить по-тибетски. Его глубокий баритон не изменился, но до обычного великолепия голосу чего-то недоставало — болезнь несколько обесцветила его.

На помосте, в стороне от Далай-Ламы, сидел в позе лотоса переводчик Лхакдор; перед ним стоял небольшой УКВ-передатчик.

Когда Далай-Лама обратился к толпе, Лхакдор тихо заговорил в микрофон по-английски.

— Несколько последних дней я был очень болен, — переводил Лхакдор. — Но и раньше, когда я был вполне здоров, мне советовали больше отдыхать и не работать так много. Я не обращал внимания. А значит, был легкомысленным и немного упрямым.

Далай-Лама рассказал собравшимся о своем паломничестве на Орлиную гору и об утомительном подъеме на вершину. Он рассказал об ужасной боли, которую почувствовал во время поездки в Патну.

— Думаю, теперь я здоров, но я все еще чувствую себя очень усталым, — продолжал он. — Не думаю, что буду в состоянии провести подготовительное учение. — В наушниках я явственно слышал всхлипы. Посмотрел на Лхакдора — он склонил голову, но я заметил, что лицо его покраснело. — Что касается самого посвящения Калачакры... Допустимо несколько сократить его. Но и в этом случае подготовка займет по меньшей мере пять или шесть часов ежедневно — даже если я делаю это очень быстро. Не думаю, что при моем нынешнем состоянии здоровья это возможно. — Еще несколько всхлипов. Лхакдор прервался, чтобы откашляться. — Если я все-таки заставлю себя сделать эти приготовления, это будет упрямством. Поэтому, ради сохранения своего здоровья, ради возможности подольше работать для блага других, я решил отложить Калачакру до следующего года.

Многие из высших лам и настоятелей монастырей, сидевших на помосте, не скрывали слез. — Тем из вас, кто прибыл издалека, не следует огорчаться, что вы не получите посвящения Калачакры, — переводил Лхакдор. — Вы прибыли в это святое место с решимостью и правильным намерением. Вы создавали заслуги каждым шагом, который сделали, каждым действием, которое совершили. Главный источник благословения — не я. Не Далай-Лама. Это — святое изображение Будды и священная земля, которую посетили столь многие из величайших духовных учителей. Так что не думайте, что вы прибыли сюда напрасно. Обычно вы не можете увидеть мандолу до окончания посвящения. Однако, поскольку я не способен дать его, это правило отменяется. Ведь вы прибыли в это святое место с религиозным рвением, так что, думаю, вам будет полезно увидеть мандолу.

Далай-Лама помолчал.

— Именно сейчас, как это ни странно, мое состояние, кажется, улучшается, по мере того как я говорю с вами. Если мне не станет хуже, я попытаюсь дать несколько учений в течение двух дней. А на пятнадцатый день этого тибетского месяца приму участие в последних ритуалах Калачакры — пожеланиях долгой жизни.

В Бодхгаю прибывали все новые группы тибетцев. Ночью храм Махабодхи, казалось, был охвачен огнем. Его бесчисленные ступы и башни с замысловатой каменной резьбой осветились полумиллионом свечей-подношений, зажженных ради скорейшего выздоровления Далай-Ламы. Десятки тысяч паломников двигались по часовой стрелке в ритуале обхода. Издали округлый храмовый комплекс напоминал гигантскую космическую станцию, залитую светом чужого мира.

На следующий день я пришел в часовню Калачакры. Монахи из монастыря Далай-Ламы пели молитвы. Другие создавали цветную и очень сложную песчаную мандалу, добавляя буквально по песчинке. Вдруг я заметил, что они взволнованно между собой перешептываются. В работу вкралась ошибка: незначительное божество оказалось вписанным не на свое место. Убедившись, что никто не смотрит, монах украдкой всосал в металлическую трубку неверно уложенные песчинки. Мне уже приходилось видеть песчаные мандалы, но я впервые видел ошибку. Казалось, без Далай-Ламы всех охватило смятение.

Я заметил маленький микрофон, прикрепленный к раме над окном, — провод от него вился через отверстие наружу. Один из монахов объяснил мне, что провод прикреплен к УКВ-передатчику, от него работает громкоговоритель, установленный в спальне Далай-Ламы — хоть Далай-Лама и болеет, он все равно хочет внести свою лепту. Не имея возможности участвовать лично, он пожелал присутствовать хотя бы мысленно. Настроиться на молитвы монахов и добавить свои. Эта коллективная энергия, хвалебная песнь всеобщему миру будет выпущена в мир, когда мандалу ритуально разрушат, а песок, из которого ее создали, высыплют в воду. А Далай-Лама, оставаясь в постели, будет мысленно следовать за скрупулезными приготовлениями. Представив, как он лежит там, продолжая, насколько это возможно, участвовать в молитвах и песнопениях хотя бы и издалека, я в который раз был тронут его человечностью.

Глава 15

Две неподписанные фотографии

Корейская танцовщица впала в транс. Глаза закрыты, безумная улыбка застыла на лице. Она неистово мотала головой, яростно дергаясь в ритме отбиваемых партнершами по танцу отрывистых ударов. Всего их было шестеро, все в розовых шелковых туниках и белых мешковатых брюках. На некоторых надеты шляпы, удлиненные розовыми и желтыми помпонами. Танцовщицы прибыли в Бодхгаю на посвящение Калачакры вместе с большой группой корейских буддистов. После утреннего учения у тибетского ламы они решили немного развлечь монахов, чтоб отвлечь их от переживаний по поводу болезни Далай-Ламы.

И вдруг к танцующим присоединилась старая тибетка. Она сделала несколько плавных движений. Но как только уловила ритм, начала крутить энергичные пируэты, резко вскидывая руки. Стащила с себя длинный голубой шарф и раскрутила его вокруг головы — прекрасное дополнение к ее ниспадающему свободными складками тибетскому платью.

Монахи были очарованы. Эта с виду слабая старушка-тибетка со стянутыми в пучок седыми волосами не отставала от молодой кореянки ни на шаг. Ее подзадоривали криками и свистом. Мальчик-монах лет эдак шести взобрался на плечи старшего, чтобы лучше видеть. Дородный полицейский-индиец таранился во все глаза, забыв, что ему положено следить за порядком. А старая женщина безмятежно улыбалась и не обращала никакого внимания на стоявших вокруг людей.

Пожилая европейская женщина широко улыбнулась и, недоверчиво качая головой, подошла к одному из монахов. Когда он обратил на нее внимание, она сделала одобрительный жест, отставив вверх большой палец и, двигая руками и плечами, сымитировала танец старой тибетской танцовщицы. Монах добродушно усмехнулся, похлопал ее по плечу и тоже показал большой палец.

После представления я вернулся в гостиницу. Расположился в вестибюле и прочитал свежий «Times of India». Несколькими днями ранее в гостинице поселился Кармапа, и по вестибюлю слонялось множество людей, желавших увидеть семнадцатилетнего главу течения Кагью. Несколько лет назад этот юноша сбежал от своего китайского наставника в тибетском монастыре и ночью верхом пересек Гималаи, чтобы присоединиться к Далай-Ламе.

Ко мне подошел Алан Кинг, канадец, — за последние десять лет он фотографировал на семи посвящениях Калачакры. Наклонившись поближе, Алан глухо проговорил:

— Виктор! Не нравится мне это. Сегодня утром Тэндзин Таклха наконец-то отнес две мои фотографии Далай-Ламе. А полчаса назад вернул их. Неподписанными.

В австрийском городе Грац у Кинга должна была состояться фотовыставка, рассказывающая о посвящении Калачакры, ему нужны были автографы Далай-Ламы.

— Тэндзин так и не заходил к Далай-Ламе? — спросил я.

— Да нет же. Он видел Далай-Ламу, показал фотографии. Но тот слишком слаб, чтобы подписать их.

Уже несколько дней я тревожился о Далай-Ламе. 11а открытии Калачакры он ясно сказал, что даст двухдневное учение, если достаточно восстановит силы. Но, видно, сил не прибавилось. Вместо него учение давали несколько высших лам. Последний день посвящения Калачакры, когда огромная толпа будет молиться о даровании Далай-Ламе долгой жизни, был не за горами. Далай-Лама обещал, что будет присутствовать, но пока официального подтверждения этому не поступало.

Я знаю Далай-Ламу уже тридцать лет. Последние годы мы вместе путешествовали, делили трапезу, вместе проводили утренние часы в его резиденции. За время работы над нашей книгой Далай-Лама говорил мне о своем понимании прощения, сострадания и пустоты. Постепенно я все больше привязывался к нему. Теперь он стал для меня кем-то вроде отца.

Но самое главное — я всем сердцем понял, что он заботится обо мне. Понял, когда он попросил принести мне стул во время учения, потому что заметил, что мне тяжело сидеть на полу в позе лотоса. Я знал, что он попросил личного секретаря Тэндзина Гейче присматривать за мной и время от времени приглашать на обед, чтобы я не чувствовал себя забытым. Узнав об этом, я растрогался. То, что Далай-Лама ощущает глубокую связь со многими людьми, со значительной частью которых он только-только познакомился, ничего не меняет. Я не завидую им. С меня достаточно того, что и я время от времени ощущаю его искреннюю заботу и теплоту.

Меня ужасно огорчила его очевидная слабость во время открытия посвящения Калачакры. За десять дней болезни он словно постарел лет на десять. И вот теперь Алан Кинг говорит, что Далай-Лама слишком слаб, чтобы держать перо.

Я покинул отель «Махаяна» и пошел в храм Махабодхи. Присоединившись к большой толпе паломников, повернул по часовой стрелке в обход центральной башни, начиная ритуал обхода. На небольшом открытом пространстве с южной стороны комплекса я остановился. Здесь на каменном алтаре и на всех других выступах и поверхностях горели тысячи и тысячи свечей и масляных светильников. Я купил несколько свечей у смотрителя. Зажег одну от трута, оплавил другую снизу и примостил на каменном выступе, проговаривая про себя молитву за Далай-Ламу. Потом зажег остальные свечи.

Завершив круг, я направился обратно в гостиницу. Перед входом наткнулся на Тэндзина Таклху, спешащего во встречном направлении. Я обрадовался встрече, хотел узнать последние сведения о состоянии Далай-Ламы.

Тэндзин замедлил шаг, но не остановился.

— Не могу сейчас говорить, — бросил он коротко. — Я только что говорил с премьер-министром.

Первым делом завтра утром мы увозим отсюда Далай-Ламу.

Ошеломленный, я вошел в вестибюль. Он все еще был полон людей, ожидающих Кармапу. Небольшая группа европейцев расположилась на кушетках у дальней стены. Высокий американец показывал своим соотечественникам потрясающие черно-белые фотографии Восточного Тибета. Кто-то пошутил, все засмеялись. В вестибюле появился в сопровождении съемочной бригады легендарный немецкий кинорежиссер Вернер Герцог со стройной молодой женой. Он приехал, чтобы снять документальный фильм о Калачакре. Я вернулся в свою комнату, задернул шторы и лег. С улицы доносился гомон огромной толпы — паломники направлялись к храму; паломники возвращались из храма. Я ждал

Сенге Рабтена, главного телохранителя Далай-Ламы. Каждый день приблизительно в это время он приходил в мою комнату, чтобы воспользоваться душем, поскольку в монастыре Шечен горячей воды не было. Но в тот день Рабтен не пришел.

Раннее утро в Бодхгае. Я постарался попасть в Шечен задолго до отъезда Далай-Ламы. О том, что его перевозят в частную больницу в Бомбее, уже все знали, и улица, ведущая к монастырю, оказалась запружена народом. В воздухе разлита тревога. Никто не знает, насколько серьезно болен Далай-Лама; пересказывают какие-то важные политические новости и бесчисленные слухи. Известие, что Далай-Ламу госпитализируют впервые за три десятилетия, затопило волнами ужаса все тибетское общество.

Цепочка полицейских и солдат удерживала огромную толпу довольно далеко от входа в монастырь. Минувя ворота, я, к своему удивлению, заметил в толпе королеву Бутана в скромном полосатом бутанском платье. Несколько полицейских, явно не догадывающихся, кто это, бесцеремонно оттесняли ее назад.

Двор храма — полон. Мэр города Гая совещается с несколькими старшими полицейскими чинами. Рядом с ними — маленькая группка индийских боевиков, пугающе красивых в своих абсолютно черных одеждах коммандос. Военные рангом пониже, в хаки и голубых беретах, стоят вокруг, разбившись на группки. Там же мелькают бордовые одежды Лхакдора.

Помахивая пропуском, я вошел в тесный вестибюль монастыря. Несколько самых выдающихся тибетских лам восседали на кушетках. Среди них и три шри-ланкийских монаха в оранжевых одеяниях — распорядители храма Махабодхи. По лестнице спустился Трулшик Ринпоче, последний из наставников Далай-Ламы — все остальные уже умерли. Несомненно, этот старый вежливый монах приходил повидаться с Далай-Ламой на прощание. Я стоял возле стены и ждал.

Наконец я увидел Далай-Ламу, медленно спускающегося по лестнице. Преданный слуга Палджор-ла поддерживал его под левую руку, Сенге Рабтен — под правую. Далай-Лама выглядел измученным, но выглядел не хуже, чем когда я видел его в прошлый раз. Только похудел еще больше.

Добравшись до вестибюля, глава Тибета направился к ожидавшим его ламам. По привычке он поддразнивал их. Погладил по голове одного, другого ткнул в грудь. Даже в болезненном состоянии он стремился ободрить их, развеять их печаль. Знал, что они очень подавлены его болезнью.

Направляясь к выходу, Далай-Лама заметил меня, полускрытого спинами охранников. На мгновение остановился и пристально на меня посмотрел. Но не улыбнулся. Просто глаза смотрели в глаза. Я почувствовал, что покраснел, и сжал зубы. Далай-Лама подошел и ласково меня обнял. Я тоже обнял его, увлажняя слезами его одежду. Наконец он отпустил меня, еще раз заглянул в мои мокрые от слез глаза и вышел во двор.

Глава 16

Все эгоистичные Будды

Лхакдор неподвижно сидел на кушетке, сохраняя непривычное молчание. Было 4:30 утра; возможно, слишком рано для него. Рядом лежала, свернувшись калачиком, Дролма, немецкая овчарка Далай-Ламы, не обратившая никакого внимания на наше вторжение на ее территорию. Две безупречно чистые металлические миски для еды и воды стояли рядом с кушеткой.

Март 2002 года подходил к концу; с тех пор, как Далай-Лама серьезно заболел в Бодхгайе, прошло два с половиной месяца. Мы с Лхакдором в гостиной первого этажа личных апартаментов Далай-Ламы в Дхармсале ожидали встречи с главой Тибета. Он достаточно окреп и решился принять посетителей. Гам что мне, второй раз за три года, выпала редкая привилегия сопровождать Далай-Ламу на утренней прогулке. Я получил возможность лично убедиться, действительно ли он поправился.

Ротанговая мебель и ковры в гостиной были не новыми, пожалуй, даже слегка потрепанными. Одну из стен занимал писанный маслом портрет Далай-Ламы, по-видимому сделанный много лет назад. По всему было видно, что этой комнатой пользовались редко. Далай-Ламе не для чего было сюда приходить. Все, что ему нужно — комната для медитаций, кабинет и столовая, — находилось на втором этаже. А посетителей он предпочитал принимать в аудиенс-холле, расположенном гораздо ниже по склону.

Эта гостиная производила странное впечатление — казалось, будто мы в бункере. В этом сейсмостойком, а может быть, даже сейсмобезопасном здании цокольный этаж опоясывают массивные бетонные балки, потолки на первом этаже из-за этого получились низкими и способны вызвать приступ клаустрофобии.

Ровно в 4:40 вошел тибетский телохранитель и сообщил, что Далай-Лама спускается вниз. Мы поспешили наружу. Приятная прохлада предутреннего воздуха была напоена ароматом экзотических цветов; почти все пространство внутреннего двора заполнено цветами в горшках — мириады пурпурных и темно-синих соцветий на фоне красных. Из окон лился свет, и двухэтажное здание казалось кораблем в открытом море. У входа собрались пять-шесть тибетских телохранителей. Дхармсала еще спала, а этот изолированный мирок жил своей продуманной, полной значения жизнью.

Далай-Лама медленно спускался по внешней лестнице. Он был в монашеском одеянии, но снял верхнюю мантию, обнажив плечи и руки. Кивнул Лхак-дору, наклонился, пристально посмотрел на меня, выпрямившись, сердечно произнес стандартное китайское приветствие «Ни хао?» и быстро зашагал вперед. Я не видел его более двух месяцев. Тогда, покидая монастырь Шечен в Бодхгайе и направляясь в маленький аэропорт в Гае, где его ждал вертолет, чтобы отвезти в лучшую больницу Индии, он едва переставлял ноги. Однако этим ранним весенним утром он показался мне бодрым и оживленным, хотя и немного изнуренным. Пожалуй, он действительно оправился после болезни. Словно из ниоткуда возникли двое индийских солдат в хаки и пристроились к процессии. Тибетские телохранители, Лхакдор и я оказались в хвосте.

Довольно скоро мы покинули освещенное пространство. Двигаясь по широкой бетонной дорожке, миновали длинную, узкую оранжерею, потом мрачный сумрак рощи. Одиноким индийский часовой в защищающем от ночного холода коротком плаще вытянулся по стойке «смирно» рядом с бетонной будкой, молодцевато прижимая к боку винтовку. Далай-Лама подошел к нему, шутливо потянулся к винтовке и сказал «доброе утро». Солдат, похоже, уже привык к таким выходкам. Глядя строго перед собой, он только отрывисто сказал: «Доброе утро, сэръ».

Мы обогнули подножие маленького холма, увенчанного белой ступой и украшенного молитвенными флажками. По мере приближения к аудиенс-холлу дорожка сужалась. Здесь было совсем темно. Телохранитель с мощным фонарем шел впереди, освещая дорожку и заросшую бугенвиллиями веранду. Далай-Лама сделал круг по подъездной аллее и направился вверх к своей личной часовне. С другой стороны этого здания довольно крутой спуск через густую рощу вел вниз, к резиденции. Преодолевая этот хитрый спуск, Далай-Лама пошел медленнее, аккуратно переставляя ноги. Наконец мы вернулись к тому месту, с которого начали. Я был приятно удивлен, когда Далай-Лама начал новый круг.

Когда я впервые сопровождал его на такой ранней прогулке, он дошел только до конца оранжереи и повернул назад, пройдя в общей сложности расстояние не большее, чем

ширина футбольного поля. С тех пор прошло два года. За это время я не раз твердил ему о важности физических упражнений, а потому радовался, что он серьезно отнесся к моему ворчанию.

Далай-Лама сделал целых три круга. Потом попрощался с нами и поднялся наверх, чтобы принять душ и позавтракать. Прогулка заняла около получаса, и я вспотел, несмотря на холодный горный воздух.

Даже в тусклых предрассветных сумерках было заметно, насколько сильно похудел Далай-Лама. Ничего удивительного, конечно, ведь он не вставал с постели по крайней мере весь январь и февраль. Через несколько часов должна была начаться новая (серия наших с ним интервью). Я намеревался расспросить его о болезни.

Явившись в тот же день в зал для приемов, я был приятно удивлен, увидев кроме постоянно присутствующего на наших беседах Лхакдора еще и Нгари Ринпоче. Время от времени Его Святейшество приглашал его поучаствовать в наших беседах, и тогда Юмор младшего из братьев главы Тибета неизменно помогал снять мою нервозность. Далай-Лама явился вскоре после меня, как всегда точно в назначенный час. Сел в кресло и выжидательно на меня посмотрел.

— Как вы себя чувствуете? — спросил я.

— Хорошо. Единственная проблема — пищеварение, — ответил он.

— Вздутие живота, обилие газов, — уточнил Нгари Ринпоче.

— Газы, иногда боли. Но после прогулки — никаких проблем, — сказал Далай-Лама. Я обратил внимание, что он, хоть и сидел как всегда на краю кресла, но больше обычного откинулся назад.

Я поинтересовался, что случилось с ним после паломничества к развалинам Наланды и на Орлиную гору. Далай-Лама сказал, что почувствовал острую боль в желудке задолго до того, как они добрались до Патны. Боль была настолько сильной, что он буквально согнулся пополам. Пытаясь расслабиться, он менял положение, прислонялся к дверце автомобиля сначала одним боком, потом другим. В конце концов сдался, улегся на левый бок и закрыл глаза. Каждая выбоина на дороге отзывалась в теле мучительной болью. Он сильно потел, хотя кондиционер работал на полную мощность.

Перед этой встречей я поговорил с М. К. Бхутиа, офицером связи, в обязанности которого входит логистика передвижений главы Тибета. Я хотел узнать подробности поездки из Наланды в Патну. Бхутиа часто сопровождал Далай-Ламу в поездках по Индии. Но никогда не видел его в таком состоянии. Легкое расстройство желудка или простуда, да, бывало. Но чтобы такое — никогда. По его словам, Далай-Ламу скрутило от боли, когда до Патны оставалось еще около часа езды. Бхутиа связался с начальником полицейского эскорта, объяснив ему ситуацию. Автоколонна поехала быстрее, включив sireны и мигалки. Машины прижимались к обочине, пропуская полтора десятка автомобилей. На большой скорости выбоины не так заметны, и казалось, Далай-Ламе стало немного лучше.

Однако в предместьях Патны колонна перешла на черепаший шаг. Ранний вечер, час пик и ужасающий шум; все водители, по крайней мере так казалось Далай-Ламе, сигналили изо всех сил. Полицейский эскорт здесь был бессилен. Колонну прочно зажали несколько дизельных автобусов и большегрузов. Из-за частых остановок и рывков Далай-Ламу начало тошнить. Он попытался устроиться в сидячем положении и обнаружил, что тошнота ослабевает, если смотреть в окно.

Вот тогда-то он и увидел на обочине пожилого человека и мальчика.

— Мне было очень больно, очень-очень больно, — рассказывал Далай-Лама. Нгари Ринпоче ловил каждое его слово; он не слышал этих деталей раньше. — Но и вся эта жидкость... слезы, пот. Я тогда заметил: слезы больше связаны с эмоциями. А пот — с физической болью. Поэтому, когда испытываешь физическую боль, глаза сухие, зато

сильно потеешь. В чем здесь дело, с чем это связано, не знаю... И тут я увидел старика с длинными, давно не стриженными волосами. — Далай-Лама провел рукой по макушке. Развел в стороны большой палец и мизинец, показывая, какой длины были волосы старика. — И борода. Жутко всклокоченная. И одежда вся грязная. — Он сощурился, припоминая взволновавшие его образы. — И так много нищих детей. Не учатся, живут на обочине дороги. Я заметил одного вот такого, — Далай-Лама показал рукой его рост — три-четыре фута, а потом коснулся руками голеней. — Перенес полиомиелит, ноги сухие. На костылях. В общем, пока меня мучила боль, у меня перед глазами стояли образы этих несчастных. До них никому нет дела, а я окружен всеобщей заботой.

Далай-Лама закрыл глаза и замолчал. Чуть позже продолжил:

— Хотя я испытывал физическую боль, ум мой не встревожился, только легкое беспокойство — и все. Почему? Мое тело страдало от физической боли, но ум беспокоился о тех, о ком некому позаботиться. Поэтому особого беспокойства по поводу собственной боли не было. Забота о других помогает облегчить собственную боль. Опыт сострадания приносит максимум пользы тебе самому и совсем не обязательно другим. Я представил себе жуткие условия жизни того старика и мальчика, перенесшего полиомиелит. И от этих размышлений моя боль сделалась не такой сильной. И хорошо.

— Так значит, вот что вы имели в виду, когда говорили на учении, что будды и бодхисаттвы всего мира — самые эгоистичные создания из всех, что, развивая в себе альтруизм, в действительности они ищут окончательного счастья для самих себя? — спросил я Далай-Ламу.

— Да. В этом мудрость эгоизма, — ответил он, — Помощь другим не означает, что мы делаем это в ущерб себе. Совсем нет! Будды и бодхисаттвы, по-настоящему мудрые и сострадательные, целиком нацелены на достижение своих жизненных целей: достижение окончательного счастья, достижение просветления. Для этого они развивают в себе сострадание, развивают альтруизм. И извлекают пользу, достигая максимального счастья. Они знают, что лучший для этого путь — вести счастливую жизнь, служить другим. В этом настоящая мудрость. Нет, они не ставят себя выше других. Совсем нет. Они обязательно считают всех прочих более ценными существами. Просто, если идешь этим путем, оказывается, что максимум пользы получаешь ты сам.

У Далай-Ламы мелькнула какая-то новая мысль. Он повернулся к Нгари Ринпоче и сказал по-английски:

— Думаю, повар... — и перешел на тибетский. Младший брат перевел:

— Повар, который готовит для других и думает, что ничего не делает для себя, никогда не ходит голодным.

— Я заметил, многие повара толстяки, — добавил Далай-Лама. И они вместе с братом от души посмеялись над этим.

— Значит, ваша боль действительно улеглась, когда вы увидели тех нищих в Патне? — уточнил я.

— Нет, не совсем так, — ответил Далай-Лама. — Но эта картина — несчастные, беспомощные люди среди вопиющей бедности — ярко запечатлелась в памяти. Уже в Патне, я лежал в постели, боль не отступала, но я все не мог забыть тех двоих. Голодных, мучимых жаждой. Снова и снова я спрашивал себя: «Что можно сделать, что мы можем для них сделать?» И вдруг заметил, что боль утихла. Будто разбилась о сильную заботу.

Глава 17

Замороженная черника

С самого моего отъезда из Бодхгаи меня занимал вопрос, в чем причина желудочной боли, которая переросла в кризисное состояние, потребовавшее помещения Далай-Ламы в специализированную больницу в Бомбее? Я хотел разобраться в причинах болезни вместе с Далай-Ламой.

— Вы почувствовали себя плохо, когда поднимаюсь по крутому склону на Орлиную гору?
— спросил я.

Нгари Ринпоче передвинул свой стул поближе к брату. Он не был с нами на Орлиной горе, но ему тоже хотелось знать, почему у Далай-Ламы начались боли.

— Нет, — ответил Далай-Лама. — В то утро я чувствовал себя нормально. Ничего такого. Вполне бодрый. Но внутри уже возникли определенные причины и условия.

— Вы съели что-то плохое в японском ресторане в Раджгире?

— Вряд ли.

— Но у вас ведь случилось расстройство желудка после завтрака в гостинице?

— Дизентерия.

— Доктор Цетен говорил мне, что у вас в желудке обнаружили амеб. Они могли попасть в организм с едой или питьем.

— Не знаю, — сказал Далай-Лама. — Я не знаю, как долго эти амебы были в моем желудке. Но это и не важно... Здесь много причин. Непосредственная причина — небрежность.

— Небрежность?

— Небрежность. Вообще-то я здоров, так что, я думаю... — Далай-Лама посмотрел на Лхакдора и перешел на тибетский.

— Его Святейшество чувствовал себя вполне здоровым, поэтому не щадил себя, слишком много работал, слишком много путешествовал, — перевел Лхакдор.

— Неосмотрительность, — объяснил Далай-Лама.

Люди, которые работают рядом с Далай-Ламой, безоговорочно согласились бы с этим. Он работает на износ, а особенно плотного, я бы сказал, изнурительного графика придерживается в поездках. Я достаточно много с ним путешествовал, чтобы утверждать это. Его энергичность и выносливость заставляют меня стыдиться собственной слабости. А ведь я на десять лет моложе!

— Когда мы поднимались на Орлиную гору, я сильно вспотел, — продолжал Далай-Лама.

— А на вершине меня слегка знобило. Пока спускались — снова пот, а во время завтрака пришлось даже раздеться. После ланча я выпил немного воды с лимоном — обычно из-за этого никаких проблем не возникает, но в тот день, видимо, что-то уже нарушилось, и вода стала дополнительным фактором. Теперь более существенная причина. Прежде чем отправиться в паломничество на Орлиную гору и в Наланду, я побывал в Южной Индии с учениями. И там начал лечение печени и глаз по тибетской методике. Это — лечение холодом, охлаждение тела. Лет тридцать назад я уже лечил по этой методике печень, и тогда тоже чувствовал боль в желудке. Тогда я прервал лечение и начал лечиться общим теплом. Боль полностью исчезла. И в этот раз все произошло точно так же. Похоже, слишком много холода.

«Слишком много холода». Именно так говорила моя мама, когда я болел. От симптомов мало что зависело. Причина всегда была одна: «наглотался холода». Она тащила меня через весь Гонконг на трамвае в Вест-Пойнт, и там по крутому узкому переулку, шагая по неровным каменным ступеням, мы добирались до торговца травами. В его скудно осве-

ценной лавке стены были заставлены рядами небольших ящичков красного дерева, заполненных травами. Торговец щупал мне пульс, осматривал язык, писал рецепт кисточкой, макая ее в чернила, а потом отвешивал травы из ящичков. Дома мама кипятила и настаивала травы несколько часов, пока не получался густой отвар чернее черного. Лекарство было ужасно горьким, но все же не отвратительным. Меня заставляли выпить до капли обжигающе горячее питье. Обычно очень скоро мне становилось лучше — вероятно, несмотря на лекарство, как я считал.

— Подобно китайской медицине и древнеиндийской аюрведе, тибетская медицина всегда делилась на горячую и холодную, — рассказывал Далай-Лама. — Большинство болезней нижней части тела связаны с избытком холода. Проблемы с печенью, головные боли означают избыток тепла. Три недели в Южной Индии я каждое утро все больше охлаждал тело. Легкая боль возникала уже тогда. А потом во время паломничества произошло то, что непосредственно вызвало приступ.

— И еще одно, — продолжал он. — В прошлом мае, когда я был в Америке, моя пищеварительная система была в полном порядке, в превосходном. Но как-то за завтраком я выпил много холодного молока. А потом в Солт-Лейк-Сити одна леди сказала мне, что черника очень полезна для глаз. Сказала, что американские военные летчики обычно едят черничное варенье. Поэтому я поел охлажденной черники, она оказалась очень вкусной. И каждый день ел все больше и больше. Это до некоторой степени повлияло на мое пищеварение — слишком много холода.

Далай-Лама что-то сказал Лхакдору.

— Похоже, что именно так все и началось, — перевел Лхакдор, — из-за охлажденной черники.

Так что кризис спровоцировала охлажденная черника. Я ожидал совсем другого ответа. Но сказал себе, что Далай-Лама не похож на нас с вами. Его представления о мире существенно отличаются от наших. Впрочем, все равно у меня оставалось еще несколько вопросов о его болезни.

— А что происходило, когда вы были в Бодхгайе? После того, как вернулись из Патны? — спросил я Далай-Ламу.

— За те четыре-пять дней, которые я провел в Шечене, никаких заметных улучшений не было. Поэтому я подумал: если начать посвящение Калачакры, начать и не довести до конца, будет только хуже. Лучше отменить, отложить. И я решился. На открытии еще оставалась надежда, что я дам трехдневное учение. Но не смог. Потом как-то утром доктор Цетен заметил, что эта часть живота вздулась, — и Далай-Лама прикоснулся к левой стороне живота.

— Он заявил, что Его Святейшество должен в тот же день отправиться в больницу, — перевел Лхакдор.

— И поэтому вам пришлось отменить молитвы о долгой жизни в последний день Калачакры? — спросил я.

— Да, — сказал Далай-Лама. — В такой день нельзя отправляться в путешествие... Сделали запрос в Бомбей, может ли больница принять меня на следующий день. Несколько звонков в Дели. Руководство штата согласилось выделить вертолет; центральное руководство открыло воздушный коридор для прямого перелета из Патны в Бомбей. Из бомбейского аэропорта помчались в больницу.

— Когда Его Святейшество прибыл в больницу, — внезапно вклинился в разговор Нгари Ринпоче, — первое, что он увидел в палате: капельница и огромная игла. Ему стало не по себе. Он был слегка напуган.

Хотя Нгари Ринпоче обычно считается помощником Лхакдора, я всегда рассчитываю, что он скажет что-нибудь интересное.

— Но выхода не было, мне пришлось согласиться на капельницу, — Далай-Лама чуть скривился.

— А какие анализы вам делали в больнице? — поинтересовался я.

— Проверяли все. Желудок, кишечник, конечно. И сердце, и печень, и кровь. Все в норме. Онкологии нет.

— Но в чем же причина вздутия? — спросил я.

— Они так и не смогли выяснить, хотя один из врачей сказал мне... — и Далай-Лама перешел на тибетский.

— После того как они обследовали Его Святейшество, — перевел Нгари Ринпоче, — доктор сказал, что все в норме, никаких признаков опухоли. А потом добавил: но есть серьезная болезнь, которая вполне могла убить его. Небольшое прободение кишечника. И окажись оно чуть большим, могло бы и убить его.

Я бросил взгляд на Далай-Ламу и заметил на его лице тень улыбки. Казалось, он слегка удивлен, причем приятно удивлен тем, что мог умереть.

В комнату вошли два монаха с подносами. Один аккуратно поставил накрытую крышкой чашку перед Далай-Ламой. Другой поставил поднос с банкой растворимого «Нескафе», несколькими пакетиками чая и термос с горячей водой на низкий столик рядом со мной. Так же бесшумно, как и вошли, они покинули комнату. Нгари Ринпоче поднялся, подошел и шепнул мне:

— Вы что будете, чай или кофе? Я не отрывал глаз от Далай-Ламы.

— Кофе, пожалуйста.

Я едва видел, как Ринпоче кладет в чашку полную ложку кофе, наливает горячую воду. Он наклонился поближе и снова шепнул:

— Молоко, сахар?

— Да, пожалуйста, спасибо, — ответил я автоматически.

Я стал просматривать листки с напечатанными вопросами и запаниковал: не мог найти последний вопрос и совершенно забыл, о чем собирался спрашивать Далай-Ламу дальше. Кофе всегда оказывался весьма кстати: к середине двухчасовой беседы мои силы истощались до предела. Но частенько этот перерыв сбивал меня с мысли.

Тут я припомнил разговор с доктором Цетеном.

— Доктор Цетен говорил мне, будто бомбейские врачи нашли, что сердце у вас как у двадцатилетнего, — сказал я Далай-Ламе.

— Да, верно, — ответил он. — После того как мне сделали ЭКГ, индийские врачи сказали мне об этом. Врачи, обследовавшие меня в Патне, говорили то же самое.

— Как вы думаете, с чем это связано? — спросил я, жадно глотая растворимый кофе.

— Думаю, с умиротворенным состоянием разума, — сказал Далай-Лама без колебаний.

— Ваше сердце не отличается от сердца двадцатилетнего юноши потому, что в вашем разуме царит мир?

— Да, — решительно подтвердил Далай-Лама. — Что касается всего остального, то во мне нет ничего особенного. Я не делаю никаких специальных упражнений.

67-летний человек с сердцем двадцатилетнего. Далай-Лама не сомневается, что разум может излечить тело. Для него разум и тело создают неразделимый континуум. Если что-то случается с одним, реагирует и другое. Взаимозависимость всего сущего — главная мантра Далай-Ламы уже столетия. А теперь даже лучшие врачи и исследователи пришли к такому же выводу. Болезнь почек может вызвать самые серьезные последствия для мозга. А депрессия теперь повсеместно считается главным фактором риска для заболеваний сердца — таким же сильным, как и повышенный холестерин. В конце концов, в работу тела и разума вовлечены одни и те же строительные блоки — кровь, нервы, гормоны, антитела. Вот как Далай-Лама излагает эту мысль:

— Тренировка разума усиливает позитивные эмоции: прощение, сострадание, заботу о благополучии остальных. Негативные эмоции — ненависть, зависть — все это то, что вы называете врагами. Но негативные эмоции мы можем минимизировать с помощью тренировки. Тренировка разума, как утверждают некоторые ученые, чрезвычайно важная вещь для нашего здоровья. Чем спокойнее, умиротвореннее ум — тем лучше здоровье. Взбудораженный ум вредит здоровью, вредит телу. Так что тренировка разума очень полезна. Я это ощущаю на себе.

Я спросил Далай-Ламу, считает ли он, что его болезнь принесла какие-то положительные плоды. Тибетцы во всем мире очень за него переживали. Пока он лежал в постели в монастыре Шечен, сотни тысяч паломников простаивали ночи напролет под открытым зимним небом, молясь за Далай-Ламу.

Далай-Лама ответил по-тибетски, предоставив Лхакдору перевести:

— Его Святейшество говорит, что этот эпизод стал активизирующей силой для совершения добрых дел, для достижения духовных целей.

Я не совсем понял.

— Обычно, пока нет никаких неприятностей, — объяснил Далай-Лама, — хотя мы и молимся, наши молитвы недостаточно серьезны. А когда я болел, каждая молитва была серьезной. Все мы молились серьезно. Положительный результат именно в этом.

— Болезнь Далай-Ламы стала для нас катализатором преумножения духовности, — подвел итог Нгари Ринпоче.

Для Далай-Ламы страдания и напасти — необходимые условия развития терпения и терпимости. Качества, жизненно важные, если мы хотим уменьшить негативные эмоции вроде ненависти или гнева. Пока все хорошо, у нас почти нет необходимости быть терпимыми и прощать. Только когда мы сталкиваемся с проблемами, когда страдаем, тогда мы действительно учимся этим добродетелям. И как только постигаем их, сострадание рождается само по себе.

— Вы огорчились, когда я уехал? — неожиданно спросил Далай-Лама.

— Да, огорчился, — ответил я.

— Вы думали, что Его Святейшество останется? — любопытно спросил Нгари Ринпоче.

— Нет, нет! Просто мне хотелось... Я знал, что с ним и порядке, — ответил я. — Просто мне было грустно, он казался таким слабым, таким уязвимым. Я никогда не видел его таким беспомощным. Это меня потрясло; как потрясло и многих других людей. И еще одно. Он обнял меня перед отъездом из Шечена. Это меня очень тронуло. Хотя он испытывал боль и едва стоял на ногах, он все же захотел утешить меня, ободрить. Даже будучи серьезно больным, он не забыл обо мне. Как и всегда, заботился о благополучии других больше, чем о своем собственном.

Глава 18

Медитация под Би-би-си

Я стоял на крыше рядом с Далай-Ламой. Отсюда открывалась панорама Внешних Гималаев. Три окутанных туманом горных хребта каскадом спускались с 4350-метрового перевала Индрахар вниз, в широкую и зеленую долину Кангра. Еще дальше и значительно выше виднелись припорошенные снегом очертания Дхауладарских гор. На склоне ближайшего хребта я рассмотрел несколько маленьких серых пятен — деревушки,

угнездившиеся на крошечных плато. Рядом зияла рана, оставленная оползнем. Ниже в долине, среди россыпи крошечных мерцающих огоньков, вилась серебряная лента реки.

Далай-Лама, держа в левой руке молитвенные четки, указал на яркие огоньки:

— А в деревне все еще горят огни. И жестом пригласил меня наклониться, чтобы рассмотреть изгибы долины, спускающейся с Триунда к равнинам и мерцающим огнями деревушкам.

Было пять часов утра, воскресенье. Вот-вот должен был начаться сезон дождей. Мне показалось, что Далай-Лама одет слишком легко для этого времени дня. Он был не в монашеском одеянии, а в ярко-оранжевой рубашке с высоким воротником-стойкой и без рукавов. Похожий на атлас материал поблескивал в свете раннего утра. Саронг цвета ржавчины и длиной до лодыжек был обернут вокруг тела; а вокруг пояса он повязал бордовую монашескую накидку. Я никогда не видел его в таком костюме прежде. И предположил, что он иногда надевает его по утрам в своих комнатах.

На крышу Далай-Лама пригласил меня впервые. Бетонный настил и смотровую площадку соорудили совсем недавно. Внизу можно было видеть расположенный на территории резиденции в верхней части отрога участок нетронутой земли, где росли кедры, сосны и рододендроны.

Мы стояли на крыше недолго. Минут через пять вернулись в просторную гостиную второго этажа и прошли в комнату для медитаций Далай-Ламы. Он снял обувь, прошел к своему обычному месту для медитаций возле стола и сел в позу лотоса.

Почти сразу Палдор, монах и слуга Далай-Ламы, принес поднос с завтраком и поставил его на низкую подушку, лежавшую рядом с Далай-Ламой. На подносе стояли два термоса, большая стеклянная пиала с овсянкой, тарелка с ломтями поджаренного хлеба, масло и джем.

Далай-Лама положил на колени салфетку, левой рукой взял объемистую пиалу с кашей. В правую — большую ложку. Поднес пиалу к губам и замер на несколько мгновений, глядя в пространство. Потом начал есть. Во время еды он читал пятидюймовой толщины несброшюрованный фолиант — тибетский религиозный текст, лежавший перед ним на низком столике.

Потом взял кусок поджаренного тибетского хлеба, испеченного утром на здешней кухне, и тонким слоем намазал на него клубничный джем. Поверх джема положил кусочек масла и откусил этот хрустящий бутерброд. Далай-Лама опустошил большую пиалу каши, съел два тоста и выпил по крайней мере две кружки чая с молоком. Ел он, сосредоточившись на чтении, и я не пытался заговорить с ним.

Далай-Лама любит есть в одиночестве. Во время заграничных путешествий он неизменно получает множество приглашений на завтраки и ланчи. Тэнд-зин Гейче Тетхонг, личный секретарь Далай-Ламы, делает все возможное, чтобы тактично отклонить большинство из них. Если главе Тибета все же приходится есть в компании, он во время еды сохраняет полнейшее молчание.

В 5:30 Далай-Лама поднялся и знаком показал мне следовать за ним. Мы вошли в ванную. Одна из стен была полностью стеклянной. Далай-Лама раздвинул занавески — открылось мистическое великолепие горных хребтов. На низком столике рядом с ванной я заметил стопку «Дальневосточного экономического журнала». Далай-Лама открыл кран и начал чистить зубы.

Путешествуя с ним, я заметил, что он чистит зубы почти после каждого приема пищи. Как-то президент и профессора норвежского университета в Тромсо давали официальный завтрак в его честь. После завтрака Далай-Лама выудил из монашеской торбы ярко-красную зубную щетку и маленький тюбик «Колгейта» и, к восторгу присутствующих, высоко поднял их, как рыбак, похваляющийся своим достойным призом уловом. И не

опуская рук с «орудиями чистки», прошествовал в ванную к огромному удовольствию шестидесяти с лишним гостей.

Вернувшись в комнату, Далай-Лама завернулся в мантию и сел на подушку. Пришло время утренней медитации. Но сначала он решил ознакомить меня со своим расписанием на этот день.

— После медитации, приблизительно в восемь, я уединюсь: несколько специальных молитв и медитаций. Это займет часа полтора. Вы можете остаться. Затем я буду читать. Сидя здесь или там, — он показал на гостиную, которую было видно через открытую дверь. — Затем ланч, около одиннадцати тридцати, здесь. Полдень — свободен. Свободен — значит чтение. Сегодня воскресенье, у меня нет особых дел. А обычно я меняю ремешки на часах... — Далай-Лама захихикал, забавляясь с часами. — Но сегодня, полагаю, никакой работы. Вечером, около пяти, я принимаю ванну. После ванны сижу здесь, завернувшись в полотенце, совершенно голый, как жители Новой Гвинеи. — Абсурдный образ спровоцировал новый приступ смеха. — Пять тридцать — пять сорок — вечерний чай. Затем прощаемся.

Впервые с тех пор, что я знал его, он пригласил меня провести с ним большую часть дня в его личных апартаментах.

Далай-Лама развернул мантию и снова уютно обмотал ее вокруг спины и живота. Положил четки на колени, подоткнул одежду под ноги и передвинул сползшие на запястье часы вверх. Выпрямил спину, качнулся вперед и снова выпрямился. Он был готов начать медитацию.

Мне пришло в голову, что Далай-Лама не слишком отличается от тех отшельников, которых я видел в Тибете. Отшельники уединялись в маленьких пещерках высоко в Гималаях, еду им приносили преданные служители. Их единственной заботой были занятия духовной практикой. Сидя на полу, на подушке размером в квадратный метр, Далай-Лама пребывал в своем персональном убежище, хотя и снабженном всем необходимым. Его личное пространство, ограниченное простым столом и низким деревянным шкафчиком, на котором стоял поднос для корреспонденции, было размером не больше телефонной будки.

Далай-Лама погрузился в глубокую медитацию за минуту или две. Его глаза были закрыты. Руки лежали на коленях, пальцы ритмично перебирали четки. Медитация продолжалась, и голова его все ниже клонилась к груди. Время от времени я видел, как от быстрых движений глазных яблок вздрагивают мешковатые веки.

Прошел час. Не прерывая медитации, Далай-Лама потянулся к шкафчику и включил коротковолновый приемник «Сони». Четыре знакомых гудка, и международная редакция «Би-би-си» вышла в эфир. Было 6:30 в Дхармсале — час дня по Гринвичу. Главная новость — историческая встреча Ариэля Шарона, премьер-министра Израиля, с его палестинским коллегой Махмудом Аббасом. «Они встретились в Иерусалиме, чтобы обсудить поддержанный американцами план мирного урегулирования, известный как «Дорожная карта», — объявила женщина-диктор, и в комнате для медитаций ее голос отражался от стен и усиливался. — Встреча прошла в надежно охраняемом ведомстве Шарона, ее главная тема — безопасность».

Далай-Лама не выказывал ни малейших признаков того, что он слушает. Но его тело казалось необычно напряженным. Он сложил ладони вместе и придавил большими пальцами нос. Вся поза выражала активную сосредоточенность. Создавалось впечатление, что, упершись лицом в ладони, он может усилием воли достигнуть нового уровня осознания.

Продолжая медитировать, он потянулся за солнцезащитными очками — солнце поднялось над Дха-уладарским хребтом и яркий утренний свет щедро залил комнату. Потом пробормотал несколько коротких отрывков молитвы и выключил приемник.

Поднявшись, Далай-Лама прошел в гостиную — огромное помещение, с трех сторон — окна, от пола до потолка. Эта комната занимает едва ли не половину второго этажа. Растущие вокруг здания огромные пурпурные бугенвиллии несколько смягчали яркий утренний свет, бьющий в окна. Далай-Лама прошел в дальний угол комнаты, сел на подушку возле низкого столика, заваленного фолиантами — буддистскими священными текстами.

Рядом стоял тренажер — «бегущая дорожка» последней модели, подарок немецкого почитателя Далай-Ламы. Перед нею — деревянная статуэтка Будды — ствол какого-то дерева причудливой формы, только слегка тронутый резцом художника. Я сразу узнал это изображение. Это был подарок тайваньского президента Чен Шуи-биана; я присутствовал, когда его вручали главе Тибета. Я представил Далай-Ламу на «бегущей дорожке», сосредоточившегося на Будде, как другие во время занятий физкультурой утыкаются в свои любимые телевизионные шоу.

Читая, Далай-Лама иногда делает заметки. Минут через двадцать он поднялся и направился к креслу в другой стороне комнаты. Я последовал за ним, примостился рядом на стуле с прямой спинкой.

— Иногда случаются странные вещи, — внезапно обратился ко мне Далай-Лама. — Пятьдесят восьмой год. Лето. На троне Будды в Лхасском храме материализовались драгоценные реликвии. Мне сообщили об этом, а некоторые из этих реликвий прислали в мой летний дворец. Я засомневался: не знал, правда это или нет. Монах-смотритель того Лхасского храма... Старый, толстый; казался сомнительным типом. Мы всегда посмеивались над ним. Так что я был настроен скептически. И послал официального представителя. Он положил белый шарф на трон, где появились реликвии, и наложил печать. Через несколько дней приехал я. Сорвал печать. О! — а там, в расселине, на троне Будды — множество реликвий. Я решил, что это знак; что-то вроде прощального подарка. И вот пятьдесят девятый, март, — и мы уходим. Странно, правда?

— А как выглядели эти реликвии? — поинтересовался я.

— Белые. Похожие на маленькие круглые пилюли. Много. Почти полная кружка.

Он задумался. Смотрел в окно, ритмично щелкая косточками четок. Потом повернулся ко мне.

— Последние годы вы много раз бывали у меня здесь, — сказал Далай-Лама. — Вы путешествовали со мной по разным местам. При каждом удобном случае вы задаете мне вопросы. Иногда весьма глупые... — он раскатился смехом. Потом продолжил: — А теперь я хочу задать вам несколько вопросов.

Ну что ж... Но это было беспрецедентно; ничего подобного не планировалось. Пожалуй, я не был к этому готов.

— Конечно, Ваше Святейшество. Я буду стараться изо всех сил.

— Тогда первый. Вы кое-что узнали о Тибете, вы там побывали, — начал Далай-Лама.

Я физически чувствовал, насколько сосредоточились на мне его мысли. Будто он собрался направить на меня часть своей медитационной энергии.

— Вы проделали серьезную работу. Написали большую книгу о тибетских местах паломничества. Что вы думаете о тибетцах?

— Ну, как вы знаете, — ответил я, — впервые я столкнулся с тибетцами и тибетской культурой, когда приехал в Дхармсалю более тридцати лет назад. Для китайца из Гонконга, даже привыкшего к переменам, это было культурным шоком. Меня поразило дружелюбие этих людей. Тибетцы легко смеялись. И я чувствовал их заботу о людях, с которыми они вступали в контакт. Даже о тех, кого они совершенно не знали.

Во время путешествия по Тибету я обнаружил, что все тибетцы, которых я встречал, обладают такими же качествами. Общая отличительная черта: они никогда не относились

ко мне с предубеждением — даже когда узнавали, что я китаец. Мне не приходилось прикидываться, например, японцем.

Мне известно, что существует множество романтических и идеализированных представлений о тибетцах. Но они не соответствуют действительности. Среди тибетцев, как и везде, есть люди неискренние, есть материалисты. Но, наблюдая за ними в течение длительного времени, я могу сказать от чистого сердца: в целом, хорошие качества тибетцев с избытком компенсируют плохие.

— Думаю, это общее впечатление, — сказал Далай-Лама. — С другой стороны, время идет и дружеский настрой иностранных туристов может сойти на нет. Хотя сейчас, после сорока четырех лет изгнания, несмотря на некоторые просчеты, общее дружественное расположение к тибетцам растет.

Я кивнул. Если судить по тому, что я видел в Дхармсале, все так и было. Сюда приезжает все больше и больше туристов. Так много, что индийское правительство решило модернизировать захолустную железнодорожную станцию.

— Подсаживайтесь поближе, — пригласил Далай-Лама. Я пододвинул стул. — В конце концов, мы же подружились. И не только. В книге, что сейчас готовится, вы пытаетесь рассказать людям о Тибете, о Далай-Ламе. Это не пропаганда, нет, не думаю. Но что вы думаете об этой книге, о нашей совместной работе?

Мне показалось, что Далай-Лама не случайно использовал слово «пропаганда». Этому он очень не любит. Всю свою жизнь он чувствовал разрушительное воздействие китайской пропаганды, а потому именно ее старался избежать любой ценой.

— Не думаю, что эта книга — пропаганда, — ответил я. — Я пытаюсь написать о том, что видел собственными глазами. Пытаюсь запечатлеть все насколько возможно правдивее. Но я должен подчеркнуть один момент. Конечно, я не беспристрастный, пытающийся накопать что-нибудь сенсационное любопытствующий журналист. За эти годы у меня сложились дружеские взаимоотношения со многими тибетцами. Я люблю и вас, и Тибет. Но я стараюсь быть объективным, пытаюсь не витать в облаках.

Далай-Лама покивал. Снял очки, потер глаза запястьями. Возможно, он устал слушать мою бессвязную речь. Я обратил внимание, что у стены стоит деревянный шкаф, в беспорядке забитый книгами и журналами. Между ними чернел давно устаревший коротковолновый приемник — профессиональное оборудование прошедшей эпохи. В углу скромно стояла маленькая фотография покойной матери Далай-Ламы. Он очень ее любил.

Далай-Лама вернулся к своей мысли:

— Да, так и есть. Ну, а что изменилось? Вы сами?

Об этом я не слишком задумывался и немного растерялся от его вопроса.

— Хм... с одной стороны, — начал я, — полагаю, вы были для меня образцом. Ваша способность прощать. Ваша доброта к людям, даже к тем, с которыми вы только что познакомились, ваши высокие моральные принципы, ваш альтруизм. Я ведь действительно вижу все это. И для меня это очень действенный пример. Но, думаю, самое важное для меня то, что, впитав наконец некоторые ваши идеи, я оказался в состоянии поделиться ими с моими детьми. Хотелось бы надеяться, что они считают меня образцом, достойным подражания.

Далай-Лама немного поерзал, передвинулся на край кресла. Мне показалось, что, просидев утром более четырех часов на полу, он с трудом приспособился к современной мебели, разработанной в расчете на обычных людей. Он изменил положение, попытался откинуться назад, на подушки. Но до них не дотянулся и оперся спиной на мягкую обивку подлокотника. При этом выглядел так, будто ему стало еще менее удобно, чем раньше.

— Я бы не сказал, что стал лучше с тех пор, как начал работать с вами, — продолжал я. — Вы сами говорили, для этого нужно время. Но, думаю, я стал более понимающим, более чувствительным. Например, понял, в чем польза альтруизма. Если я хорошо отношусь к

другим, мне и самому лучше. Я получаю удовлетворение от того, что внимательно отношусь к людям. Я нисколько не сомневаюсь в вашей способности прощать. И вижу, что это умиротворяет ваш разум. Я также кое-что понял о взаимозависимости. Как вы сказали: «Где-нибудь что-нибудь случается, а последствия отражаются на вас...» На меня все это очень повлияло. А что-то другое просто стерлось или оказалось недолговременным. Но если мне удастся сделать вместе с вами еще одну книгу, значит, у меня остается надежда.

Далай-Лама довольно долго хихикал над моими словами.

Я решился задать ему вопрос, который уже некоторое время крутился у меня в голове.

— Всю жизнь вы были буддистским монахом. Давайте не будем говорить о таких сложных вещах, как нирвана и просветление. Но чего вы хотите достичь?

Он ни на секунду не задумался. Ответил немедленно, будто только и ждал подобного вопроса:

— Быть счастливым. Моя практика помогает мне вести полезную жизнь. Если я могу дать короткое мгновение счастья другим, я чувствую, что моя жизнь достигла определенной цели. Это дает мне глубокое интеллектуальное удовлетворение — чувство, которое всегда возникает, если служишь другим. Так что, когда я помогаю другим, я чувствую себя счастливым. Самое главное для меня — человеческое сострадание, чувство заботы друг о друге.

Перерыв закончился, Далай-Лама встал и направился в комнату для медитаций. Он опустился на пол возле стола и возобновил свои молитвы. Я сидел на единственном темно-красном складном стуле, в нескольких метрах от него. Далай-Ламу я видел в профиль. За стеклянной стеной сверкали на солнце острые, как ножи, хребты Дхауладара. Слева от меня находилось самое роскошное и священное собрание предметов тибетского искусства, весьма продуманно си ставленных на огромном алтаре под стеклом. Сотни великолепных маленьких и больших скульптурных изображений; созданных несколько веков назад тибетских картин, исполненных в звеняще ярких тонах. И каждая — со своей легендарной, поражающей воображение историей. Повсюду в этой комнате ощущалась жизненная энергия Далай-Ламы, все было пронизано его прирожденной добротой. Здесь он провел тысячи часов в медитациях и молитвах.

Глава 19

Изощренный разум, спокойный разум

Два тибетских врача прибыли для еженедельного осмотра Далай-Ламы. Доктор Намгьял первым появился на пороге комнаты для медитаций. Он трижды простерся ниц перед Далай-Ламой. Доктор Цетен последовал его примеру. Если они и удивились, увидев меня, то ничем этого не выказали. Их внимание было полностью сосредоточено на главе Тибета. Доктор Цетен жестом предложил своему коллеге начинать. Доктор Намгьял, стройный, где-то за тридцать, специалист по тибетской медицине, был одет в длинное черное одеяние, похожее на рясу со стоячим воротником. Он опустился на колени на ковер перед Далай-Ламой. Глава Тибета наклонился вперед, упершись левым локтем в бедро и приподняв предплечье. Доктор Намгьял взял Далай-Ламу за левое запястье. Пальцами правой руки, перебирая ими так, будто играет на флейте, он исследовал мельчайшие изменения жизненных токов пациента. Его голова почти касалась головы Далай-Ламы. Они — один,

облаченный в темно-бордовые и охряные одежды, другой — в иссиня-черные — походили на двух разных видов и оперением больших хищных птиц, сидевших так близко, что могли слышать биение сердец друг друга.

Далай-Лама что-то сказал по-тибетски звонким голосом. Доктор Намгьял ответил шепотом. Через минуту-две он отпустил запястье Далай-Ламы. Далай-Лама протянул другую руку. На этот раз доктор исследовал пульс пальцами левой руки.

Когда доктор Намгьял закончил, к Далай-Ламе приблизился учившийся на Западе доктор Цетен и положил ему на колени маленькую подушечку. Глава Тибета устроил на ней правую руку. Доктор Цетен с помощью стетоскопа измерил кровяное давление пациента. Далай-Лама все время говорил с врачом: что-то рассказывал, что-то спрашивал. Было очевидно, что он активно и неформально участвует в процессе контроля и поддержания его здоровья.

Через десять минут врачи ушли так же тихо, как и появились.

Далай-Лама вернулся на подушку для медитаций. Повернулся ко мне:

— Ну, еще несколько вопросов.

То есть он хотел продолжить интервьюировать меня. Я почувствовал, что это занятие доставляет ему удовольствие. Для разнообразия он решил сам задавать вопросы. Со своей стороны, поменявшись с ним ролями, я тоже получал удовольствие. В этом была новизна. Она давала возможность по-новому взаимодействовать с моим соавтором. Вынуждала меня облекать в слова то, о чем я раньше почти не задумывался.

— Вы китаец, родились в китайской семье, но воспитаны, думаю, обществом, ориентированным скорее за Запад, — сказал Далай-Лама.

— Да, думаю, да, — ответил я. — Первые двадцать лет жизни я провел в Гонконге, он тогда оставался еще очень китайским. Моя мама не говорила по-английски. Ее представления, привычки были определенно китайскими. Но Гонконг был британской колонией, и я ходил в английскую школу. Так что, думаю, всего было поровну: и китайское воспитание, и западное влияние.

— Гм-гм, — хмыкнул Далай-Лама. — Теперь вы больше контактируете с тибетцами... Тибет относится к Азии. Буддизм — нечто обычное и для китайцев, и для тибетцев. Так что вы больше связаны с азиатской культурой.

Я немного растерялся. Я не понимал, к чему он клонит.

Но попытался.

— Я покинул Гонконг двадцати лет от роду. С тех пор большую часть жизни я провел на Западе. Правда, четыре года я прожил в Непале, много раз был в Тибете. Годы, проведенные в Гималаях, оказали на меня огромное влияние. Но, возможно, благодаря знакомству с тибетским буддизмом, из-за своей тяги к Тибету, я, конечно, больше дорожу азиатской культурой.

— Мне вспомнился один случай, — сказал Далай-Лама. — Конференция «Разум и жизнь». Японка. Она была наблюдателем. Под конец конференции она сказала мне: «Прежде я всегда ощущала, что хотя наши азиатские традиции богаче западных, мы не умеем проводить исследования. А поэтому чувствуем себя просто объектами исследования западных людей. Эти научно мыслящие люди всегда наблюдают за нами. А мы не можем сделать того же». После конференции «Разум и жизнь» у нее появилось ощущение, что мы, азиаты, с нашими азиатскими традициями тоже способны исследовать реальность, причем на равных. А у вас было когда-нибудь такое ощущение? Что наши традиции богаты, но слишком уж древние. И в нынешние времена не слишком применимы, не идут в ногу со временем. А вот западные — на очень, очень высоком уровне?

Большинство из тех, кто вырос в странах третьего мира, рано или поздно задаются этим вопросом. Запад такой передовой, тамошние жители такие богатые и умные. Мы, люди Востока, страдаем, сравнивая себя с ними.

— Ну, я рос в Гонконге пятидесятых-шестидесятых, — ответил я. — Китай тогда считался «Азиатским больным», а Гонконг — культурной пустыней. Под протекторатом британцев у меня развилось ощущение подчиненного положения китайской культуры — по крайней мере, той китайской культуры, какую мы знали в Гонконге. Мы отставали технологически, и разрыв стремительно углублялся. Это ощущение только окрепло, когда я стал студентом и проводил физические исследования в Чикагском институте Энрико Ферми. Я кое-как изучил атомную и квантовую теории и преисполнился благоговением.

— Но ведь благодаря вашим новым знаниям о Тибете, — продолжал задавать вопросы Далай-Лама, сидя в позе лотоса и наклонившись слегка вперед, — вы стали лучше понимать тибетскую культуру и тибетский буддизм. А они являются выражением азиатской интеллектуальной традиции. Так вот, есть ли у вас четкое понимание: «я — азиат»? Какое-то национальное чувство? Мы — азиаты, мы — китайцы, мы — тибетцы. Что-то вроде большей уверенности в себе?

Далай-Лама никогда никого не обращает в буддизм. Десятилетиями он твердит, что нам лучше всего придерживаться традиций, принятых в нашей культурной среде. Но сейчас, впервые с тех пор, как я знаком с ним, Далай-Лама, казалось, напрашивался на комплименты. Как гордый отец, расхваливающий своего первенца. В редкий момент искренности он позволил прорваться своему глубоко укоренившемуся восхищению буддизмом. Оно и понятно. В конце концов, он следовал по этому пути уже шесть десятилетий. Как спортсмен-олимпиец, который благодаря невероятной дисциплине и изнурительным тренировкам может в конце концов занять законное место на пьедестале почета. Но я не досадовал на него за это крохотное проявление гордости, так же как не досадовал бы на лопающегося от гордости олимпийского чемпиона, завоевавшего медаль в тяжелой борьбе.

— Познакомившись с вами в 1972 году, — сказал я, — я заинтересовался буддизмом. Баловался дзэном, даосизмом и випассаной. За последние несколько лет благодаря вам узнал кое-что о тибетском буддизме. И вот что я думаю: эта двухтысячелетняя система взглядов великолепно подходит для сегодняшнего человечества — настоящее сокровище. Она предлагает осуществимый проект достижения эмоционального благополучия. А это, как теперь считают ученые, благотворно влияет на наше здоровье. Поэтому — да: я горд тем, что знаю хоть что-то о буддизме — о мудрой традиции, родившейся в Азии. Как сказал однажды знаменитый режиссер: «Буддизм есть везде. А Amazon.com утверждает, что существует 20 000 книг по буддизму».

В 11:30 вошел с нагруженным подносом Палджор, монах-слуга. Установил поднос на маленьком кофейном столике против Далай-Ламы, который уже пересел в угловое кресло. На подносе стояло по крайней мере десять различных тарелок и пиал. Как и для большинства буддистских монахов, главная трапеза Далай-Ламы — ланч.

Далай-Лама проголодался. Он поднялся в 3:30, а завтракал почти шесть с половиной часов назад. Поэтому он нетерпеливо наклонился вперед и быстро снял крышки. Аппетитные на вид блюда источали дивный аромат: круглый тибетский хлеб, суп, несколько тарелок с жареными овощами, тарелка тертой редьки и большая порция чего-то похожего на вьетнамские блинчики с начинкой. Некоторое время Далай-Лама с интересом разглядывал стоящую перед ним еду. Потом взял кусок тибетского хлеба и откусил. Жуя, он поднял глаза и заметил меня, с умилением взирающего на него с почтительного расстояния. Он снова переключил свое внимание на стоящие перед ним блюда и после некоторого колебания взял тарелку с редькой.

— Мое пожертвование. Возьмите, — сказал он, протягивая тарелку. Я покорно взял.

— Последние шесть месяцев я почти вегетарианец, — сообщил он мне, глотая суп. — Почти никакого мяса, только иногда — сушеное мясо яка из Тибета. Я и раньше переходил на вегетарианство, например в 1965 году. Тогда я продержался двадцать месяцев. — Он

поставил чашку и взял блинчик. — Сейчас придерживаюсь не очень строго. В поездках наслаждаюсь мясом. Попробуйте, — и он предложил мне блинчик.

Довольно плотный, требующий тщательного разжевывания блин прекрасно дополнял вкус нежного сочного: необычно пахнущего, мелко настриганного сушеного мяса яка, смешанного с лапшой и обжаренными до хруста овощами. Действительно тонкий вкус. У Далай-Ламы, несомненно, превосходный повар.

— Вкусно?

— Восхитительно. Далай-Лама кивнул.

— У вас перерыв, возвращайтесь в пять. Спасибо, пока.

Когда вечером я вернулся в резиденцию Далай-Ламы, он снова сидел на подушке для медитаций, укутанный до пояса в бледно-желтое банное полотенце, а бедра и ноги обернуты саронгом цвета ржавчины. Телевизор, последняя модель «Сони Вега», обычно спрятанный в шкафу сбоку от алтаря, сейчас тихонько работал. Далай-Лама, держа в правой руке пульт дистанционного управления, внимательно смотрел «Дискавери». Величественная китайская трехмачтовая джонка бороздила Южно-Китайское море, ловко лавируя между изумрудными островами. Через минуту-другую он переключился на другой канал. «Би-би-си» передавало последнее сообщение о погоде.

Не отрываясь от экрана, Далай-Лама спросил меня:

— Вы знаете, скольким людям в Гонконге более ста лет? Недавно в Тайване я встречался с теми, кому более девяноста, их было человек пятнадцать. А однажды я встретил старика. Спросил, сколько ему лет, он сказал, что сто, но выглядел как шестидесятилетний.

— Моему отцу было за девяноста, — уклонился я от ответа. Я не имел ни малейшего представления о гонконгской демографической статистике. — И это при том, что у него была опиоидная зависимость.

Казалось, Далай-Ламу это сообщение слегка озадачило, он не знал, верить мне или нет.

— И в Сиккиме тоже, я заметил, — продолжил он. — Я видел там нескольких людей, которым перевалило за девяноста, и одного столетнего, когда был там несколько лет назад. Одна монахиня сказала мне, что ей сто лет. Хотя выглядела на семьдесят, вот так.

— Умиротворенный разум? — спросил я, вспомнив, как Далай-Лама рассказывал мне, что умиротворенный разум дарует продолжительную и здоровую жизнь.

— Думаю, они живут проще других, — сказал Далай-Лама. — Без сомнения, умиротворенный разум тоже важен. Спокойствие ума достигается двумя способами. Первый: очень простая жизнь. Тогда разум меньше тревожится. Другой: очень изощренный ум, много знающий. Но внутри — спокойствие. — Он прикоснулся пальцем к кончику носа и сказал: — Как я.

Запрокинув голову, долго и громко смеялся.

— Но как вы достигаете этого спокойствия? — спросил я Далай-Ламу.

— Анализирую, — просто ответил он.

— Анализируете?

— Например, возьмем сильную боль в желудке, которая случилась у меня в Патне. Я анализирую ситуацию. Если есть хоть какая-нибудь возможность устранить боль, то нет никакой необходимости волноваться — потому что существует решение. Если решения нет, тогда тоже не нужно волноваться — потому что вы ничего не можете сделать. Другой пример. Очень полезно сравнивать боль с еще большей болью. Вы сразу понимаете: «О, эта боль — далеко не так сильна по сравнению с той». И немедленно чувствуете себя лучше.

Далай-Лама потянулся к подносу для корреспонденции и взял какие-то бумаги.

— Я получил письмо с Тайваня, — сказал он. Развернул два листочка, отыскивая в них абзац, который интересовал его. И прочитал вслух: — «Я был человеком с плохим характером. Люди часто огорчались из-за меня. Я продавец чая, но из-за своей жадности я терял прибыль и время от времени страдал от мучительных раздумий. Теперь, узнав кое-

что о буддизме, я понял ошибочность своих желаний. Постепенно мой скверный характер умиряется. Я не хочу больше критиковать других людей». — Далай-Лама опустил письмо на колени, посмотрел на меня, сияя от удовольствия.

— И еще он упоминает вот о чем. — Он пробежал глазами страницу и снова прочитал вслух: — «Однажды я как обычно работал. И вдруг понял, что у моего конкурента проблем больше, чем у меня. Это было новое ощущение. — Далай-Лама поднял глаза, хихикнул и продолжил чтение: — Прежде ничего подобного со мной не случилось. Теперь моей семье и друзьям легче со мной общаться, а мое дело пошло на лад». — Далай-Лама провел рукой по голове и снова засмеялся.

В 17:30 вошел Палджор с подносом — два термоса и накрытая салфеткой тарелка. Он поставил на стол Далай-Ламы кружку и налил в нее дымящийся чай. Далай-Лама взял другой термос и долил в кружку горячего молока. Когда Палджор повернулся, чтобы уйти, Далай-Лама заглянул под салфетку. Он сказал что-то своему слуге, тот вышел и вернулся с большой пластиковой коробкой, наполненной печеньем разных видов. Далай-Лама довольно долго рылся в ней. Наконец выбрал круглое печенье и вручил его мне.

— Ну, теперь все. Спасибо, пока, — сказал он.

И, не поднимаясь с подушки, протянул мне обе руки. Я наклонился, взял его руки и коснулся их лбом.

— Спасибо, Ваше Святейшество, — сказал я.

Покидая резиденцию Далай-Ламы, я терзался вопросом. Что было на тарелке? Что-то греховное и вкусненькое? Далай-Лама, как и все тибетские монахи, не должен есть ничего существенного после полуденной трапезы. Он вел себя так, будто не хотел, чтобы я увидел, что там, под салфеткой. Может, он собирался полакомиться кусочком булки или яблочного пирога, как только я покину комнату для медитаций? Грызая печенье — пожертвование Далай-Ламы, — я не мог сдержать улыбки.